

**МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Девяты́е всероссийские историко-педагогические чтения
Часть 1

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет

**МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИ-
ЧЕСКОГО ОБЩЕГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Девятые всероссийские историко-педагогические чтения
Часть 1

Екатеринбург
2005

УДК 930.1/2 (07)
ББК Т
М 77

Редакционная коллегия

Корнилов Г.Е.

доктор исторических наук, профессор (главный редактор)

Гузенко З.И.

кандидат исторических наук, профессор

Земцов В.Н.

доктор исторических наук, доцент

Клименко И.М.

кандидат педагогических наук, доцент

Кругликова Г.А.

кандидат исторических наук, старший преподаватель (отв. за выпуск)

**Мониторинг региональной модели исторического общего
М 77 и профессионального образования:** Сб. науч. ст. / Урал. гос.
пед. ун-т. - Екатеринбург, 2005. – Часть 1. 194 с.: табл., схемы.

ISBN 5-7186-0151-8

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на IX Всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 24-25 марта 2005 г.

В публикуемых материалах отражены проблемы: теоретико-методологические основы мониторинга научной и педагогической деятельности в историческом общем и профессиональном образовании; теория и практика мониторинга исторического образования (параметры, критерии, показатели контроля и оценки результатов); теория и методика обучения истории: мониторинг и контрольно-оценочная деятельность учителя и преподавателя; информационно-методическое обеспечение мониторинга деятельности учителя и учащихся; региональное историческое образование в России и в мире; региональные исторические исследования, историография, источниковедение.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов.

ISBN 5-7186-0151-8

УДК 930.1/2 (07)
ББК Т

© Уральский государственный
педагогический университет, 2005

Содержание

Пленарное заседание

Клименко И.М. (Екатеринбург) Мониторинг как педагогическая и управленческая технология в обучении истории.....	10
Воронова С.Н. (Екатеринбург) Практика регионализации исторического образования на основе требо- ваний ГОСа НРК Свердловской области.....	21
Гузненко З. И. (Екатеринбург) Учебно-методическая работа в общеобразовательных школах Урала в годы Великой Отечественной войны.....	27

Раздел 1. Региональная история, историография и источниковведе- ние

Алексеев Е.А. (Нижевартовск) История Владимиро-Суздальского княжества второй половины XII сто- летия в трудах Н.Н. Воронина.....	34
Бабушкина С.Л. (Нижевартовск) Профессиональное обучение в Ханты-Мансийском национальном окру- ге в годы Великой Отечественной войны	37
Баранов Е.Ю. (Екатеринбург) Факторы кризиса сельскохозяйственного производства Уральской об- ласти в начале 1930-х годов в контексте модернизационной теории....	40
Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) Историография аграрного производства и продовольственного обеспе- чения в условиях «революции сверху».....	48
Гаврилов Д.В. (Екатеринбург) Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так на- зываемая «концепция В.В. Адамова»).....	69
Галкина Т.А. (Екатеринбург) Роль Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря в становлении женского образования в Пермской губернии	79
Дашкевич Л.А. (Екатеринбург) О начале деятельности уральских гимназий.....	82
Захарова Н.В. (Нижевартовск) Развитие маслоделия в Тобольской губернии в начале XX века.....	92
Ильиных И.В. (Нижний Тагил) «Жить так, как живут мужчины»: гендерный аспект общественной и трудовой активности населения Нижнего Тагила на рубеже 1920-30-х годов.....	94

Ильченко В.Н. (Екатеринбург) Особенности правовых отношений между Русской православной церковью и советским государством в годы Великой Отечественной войны.....	98
Коврижных Г.Н. (Екатеринбург) Восстановление и развитие системы внешкольных учреждений по изучению региональной истории и культуры (1945-1970-е гг.).....	103
Кожевникова Т.Г. (Екатеринбург) «Записки Уральского медицинского общества» как исторический источник.....	111
Коньшева И.И. (Нижевартовск) Решения партийных органов и советского правительства 1930-х гг. по земельным отношениям и их реализация на Обском Севере.....	115
Кругликов В.В. (Екатеринбург) Динамика численности населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны	117
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) Современная культурная политика: от идеи к практике.....	124
Кузнец Л.О. (Сургут) Педагогический коллектив Тобольской женской школы во второй половине XIX века.....	131
Латыпов Р.Т. (Екатеринбург) Материально-техническое, финансовое и учебно-методическое обеспечение национальных школ Урала во второй половине 1920-х гг....	136
Мельников Н.Н. (Екатеринбург) Подготовка кадров для предприятий танковой промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны.....	147
Мельникова Н.В. (Екатеринбург) Образование в структуре потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов Урала (1950-1960-е гг.).....	151
Мирошкин М.А. (Екатеринбург) Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов.....	156
Мосунова Т.Г. (Екатеринбург) Осуществление семилетнего всеобуча среди этнических меньшинств Урала	162
Мошкин В.В. (Нижевартовск) Крестьянская ссылка на Север Западной Сибири в современных публикациях.....	164
Огоновская И.С. (Екатеринбург) Педагогический потенциал книжной серии «Урал: история в лицах городов».....	166
Прищепа А.И. (Сургут)	

Становление и развитие библиотечного дела в Сургуте.....	171
Салазникова С.С. (Нижний Тагил)	
К вопросу о морально-нравственном облике Белой Армии.....	174
Силантьев Д.В. (Екатеринбург)	
Историки Урала: коллективный портрет.....	176
Соколова Е.С. (Екатеринбург)	
«Мои лицейские досуги...»: государственная политика в сфере образования дворянства (на примере пушкинского выпуска Императорского Царскосельского Лицея).....	178
Солодкин Я.Г. (Нижневартовск)	
Возникновение сибирского летописания.....	183
Сурина М.В. (Нижний Тагил)	
Материалы всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале.....	187
Сухоносова С.В. (Екатеринбург)	
Возникновение торфяного отопления в Екатеринбурге в конце XIX- начале XX вв.	190
Сушков А.В. (Екатеринбург)	
Конец политической карьеры «легендарного маршала»: смещение К.Е. Ворошилова с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР в мае 1960 г.	193
Трифонов А.Н. (Екатеринбург)	
Огородничество и решение продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны	204
Троценко Н.Н. (Нижневартовск)	
Коллективизация в северных национальных округах Уральской области.	217
Черезова О.Г. (Екатеринбург)	
Динамика брачности сельского населения Урала во второй половине XX века...	219
Чернышева Е.В. (Курган)	
Образ земства в творчестве уральских писателей XIX века	220
Шведов В.В. (Екатеринбург)	
Общества содействия милиции в правоохранительной деятельности РСФСР (1928-1932 гг.).....	224

**Раздел 2. Историческое образование в вузе:
проблемы теории, методологии и методики**

Абрамова Т.В., Баканов С.А., Кузнецов В.М. (Челябинск)	
О результатах опроса абитуриентов вузов Челябинской области об отношении к Единому государственному экзамену.....	235
Алеврас Н.Н., Андреева Т.А., Цаплина Я.В. (Челябинск)	
Информационно-методическое обеспечение преподавания региональной истории в вузе.....	238
Алексеева Л.В. (Нижневартовск)	

Мониторинг академической подготовки студентов-историков по дисциплине «Теория и методика истории и обществознанию».....	241
Антончик Н.М. (Екатеринбург)	
Некоторые философские аспекты проблемы ценностных ориентаций.....	247
Бадретдинова М.М. (Оренбург)	
О формах контрольно-оценочной деятельности преподавателя методики обучения истории педагогического вуза.....	250
Баженова Н.Н. (Екатеринбург)	
Самостоятельная работа студентов как составная часть образовательного процесса во внеаудиторное время.....	253
Блохин В.С. (Екатеринбург)	
Курс истории Нового времени в современных школьных учебниках.....	257
Захожая Т.М. (Сургут)	
Профессиональная подготовка учителей истории в 1940-50-е гг. (на примере Барнаульского государственного педагогического института)...	260
Земцов В.Н. (Екатеринбург)	
Наполеон в Москве: исторический сюжет на фоне локальной истории и микроистории.....	263
Зубкова И.А. (Екатеринбург)	
К проблеме разработки мониторинга школьного исторического образования: уроки британской реформы.....	266
Капшутарь М.А. (Екатеринбург)	
Эвлюационный аспект проблемы подготовки конкурентоспособного специалиста в системе профессионального образования.....	273
Кругликова Г.И. (Екатеринбург)	
Образ древней Спарты: легенда и история	276
Легягин Л.И. (Екатеринбург)	
История, наука, идеология	282
Лыжина О.А. (Екатеринбург)	
Оценивание знаний, умений и навыков студентов исторического факультета по дисциплине «Теория и методика обучения истории».....	286
Малькова Т.В. (Миасс)	
Технологии преподавания в филиале вуза как условие процесса гуманизации.....	289
Протасова И.А. (Екатеринбург)	
Политическая социализация личности: понятие, этапы	295
Рыбаков С.В., Рыбакова Г.Г. (Екатеринбург)	
Воспитание историей: образ или схема?	300
Смирнов С.В. (Екатеринбург)	
Образ Востока в мировой исторической науке (вторая половина XIX-XX вв.)..	303
Сокурова Н.И. (Екатеринбург)	
Опыт криптоэвристического исследования средневекового дидактического текста (на основе изучения педагогического наследия Михаила	

Пселла).....	308
Терентьев А.Е. (Екатеринбург) Мониторинг в сфере идеологии и его значение для исторического образования	311
Устинова И.М. (Екатеринбург) Самостоятельная работа студентов Уральского технического института связи и информатики в системе мониторинга качества знаний.....	313
Черноухов Э.А. (Екатеринбург) Научно-исследовательская работа студентов исторического факультета УрГПУ в 2001-2004 гг.	315
Чучула Н.М. (Каменск-Уральский) Проблемы концептуализации ценностного отношения к истории	318
Шкаревский Д.Н. (Сургут) Немецкая иммиграция в США в конце XVIII-XIX вв. К вопросу о численности и причинах	321
Раздел 3. Мониторинг педагогической деятельности в школьном историческом образовании	
Аллабердина Г.И. (Сибай) Изучение истории в школах страны в годы Великой Отечественной войны	327
Антонов В.М. (Уфа) Из опыта разработки технологических карт диагностики результатов обучения истории	330
Архипов Б.В. (Курган) Медиаобразование как одно из средств реализации целей общего образования	334
Богатырев А.И. (Екатеринбург) Интерактивные технологии в гуманитарном знании как средство самореализации учащихся 8-11 классов гимназии	337
Ган О.И., Клименко И.М. (Екатеринбург) Влияние социокультурной ситуации на диагностику результативности историко-педагогического мониторинга	340
Гладких С.В., Кузнецов В.М., Салмина М.С. (Челябинск) Информационно-методическое обеспечение мониторинга изучения истории Южного Урала в XX- начале XXI вв. (9 класс)	342
Гугнина О.В. (Оренбург) Система мониторинга за знаниями учащихся в процессе обучения истории: реализация герменевтического подхода	344
Ермилова А.Д. (Муравленко) Работа с источником на уроках по истории Ямало-Ненецкого автоном-	

ного округа	347
Змейкина Ю.В. (Екатеринбург)	
Становление и развитие теории интегрированного обучения в отечественной педагогике	349
Каргаполова А.Г. (Екатеринбург)	
Зачем учителю мониторинг?	354
Карманович Н.В. (Екатеринбург)	
Мониторинг музыкальной грамотности учащихся посредством историко-стилевого подхода	356
Кассир Е.И. (Екатеринбург)	
Проблема исследовательской деятельности в теории и методике обучения истории	358
Мищенко О.П. (Нижний Тагил)	
Деятельностно-операционный компонент мультимедийного пособия по исторической пропедевтике	364
Надеева Е.П. (Екатеринбург)	
Ценностные ориентации учащихся как предмет педагогического мониторинга	368
Огоновская А.С. (Нижний Тагил)	
Актуализация личности учащегося средствами музейной педагогики	372
Попова Г.Л. (Екатеринбург)	
Разработка оценочных критериев мониторинга активизации изучения учащимися старших классов истории России	375
Постников П.Г. (Нижний Тагил)	
Индивидуальный стиль познания истории как предмет мониторинга качества исторического образования	376
Рикунова И.В. (Нижевартовск)	
Интерактивное обучение на уроках истории: теория и практика	380
Семенова Г.Н. (Нижний Тагил)	
Внеклассная деятельность учащихся и средства ее мониторинга	384
Федорова С.Ш. (Верхняя Пышма)	
Философское образование как средство оптимизации преподавания предметов социально-гуманитарного цикла (из опыта работы)	387
Фицев А.В. (Екатеринбург)	
Критериально-оценочная деятельность учителя истории с использованием компьютерных технологий	390
Чемякина А.В. (Екатеринбург)	
Из опыта использования рейтинговой системы оценки	399
Чепракова В.В. (Екатеринбург)	
Программа как средство мониторинга	402
Черепанова Е.В. (Лесной)	
Воспитание толерантности в процессе исторического образования	407
Шиндина Т.А. (Екатеринбург)	

Развитие способностей учащихся на уроках истории в современной школе	413
Побережников И.В. (Екатеринбург)	
Теоретико-методологические проблемы модернизационного подхода.....	417

Пленарное заседание

Раздел 1

Клименко И.М.
(Екатеринбург)

Мониторинг как педагогическая и управленческая технология в обучении истории

Познать суть вещей - вот к чему стремится подлинный историк со времен античности до наших дней. Вполне естественно, когда люди, чьи профессиональные интересы находятся в сфере обучения истории, пытаются познать изменчивую суть этого процесса в каждый отдельный период исторического бытия. Многие века основным элементом инструментария, предназначенного для изучения качества исторического образования, являлось научное наблюдение. Несколько десятков лет назад в научный оборот стало настойчиво вторгаться новое понятие – мониторинг. Что это такое?

В научно-педагогической литературе для определения сущности мониторинга используются различные определения.

Мониторинг — процесс непрерывного научно обоснованного, диагностико-прогностического слежения за состоянием, развитием педагогического процесса в целях оптимального выбора образовательных целей, задач и средств их решения (1).

Мониторинг — непрерывное, длительное наблюдение за состоянием среды и управление им путем своевременного информирования людей о возможном наступлении неблагоприятных критических или недопустимых ситуаций (2).

Мониторинг — самостоятельная функция управления. В рамках мониторинга проводится выявление и оценивание проверенных педагогических действий, при этом обеспечивается обратная связь, осведомляющая о соответствии фактических результатов деятельности педагогической системы ее конечным целям (3).

Мониторинг — научно обоснованная система периодического сбора, обобщения и анализа социальной информации и представления полученных данных для принятия стратегических и тактических решений. Мониторинг выступает как важнейшая часть и информационная база менеджмента (4).

Понятие мониторинга начинает осваиваться и в педагогике. Однако в силу его недостаточной разработанности исследователи используют различные определения. Мониторинг в педагогическом процессе рассматривается как: путь получения информации о результативности учебного процесса (Н. Вербицкая, В. Бодряков); как метод коррекции образовательных процессов в системе повышения квалификации (В. Г. Воронцов); экспертиза

развития качества образования (М. В. Занин, Г.М. Ильясов); исследование эффективности административной команды учебного учреждения (П. Дерзкова); и пр.

Какое определение, какой подход являются наиболее точными? Что следует взять за основу при организации мониторинга процесса обучения истории в своем образовательном учреждении, подразделении? Следует признать, что любое определение мониторинга точно отражает только его отдельные стороны. Любое определение схематично и не может претендовать на полную и объективную передачу сущности явления. Сам же мониторинг представляет собой целостный управленческий инструмент, внутреннее строение, назначение, место и время применения которого необходимо определить в зависимости от особенностей предмета мониторинга и социально-исторических условий.

В узком смысле слова мониторинг объединяет три важных компонента, присутствующих в управлении:

- контроль различных сторон деятельности вуза, школы;
- систему информационного обеспечения управления;
- экспертизу различных сторон деятельности вуза, школы (5).

Мониторинг основывается на этих компонентах, но не заменяет ни один из них. Мониторинг не может быть ни системой контроля, ни экспертизой, ни системой информационного обеспечения управления. К тому же, процесс обучения истории не может быть оторван от политических, экономических, социальных и других процессов общественной жизни. На содержание исторического образования, его цели и структуру объективно влияет ускорение исторического времени. Образовательные реформы имеют в последнее время перманентный характер и не только в России. Более того, в России само содержание истории субъективно, зачастую диктуется именно политическими интересами элиты, обеспечивает политический или социальный заказ правящих структур. По мнению американского политолога и историка Т. Шерлока, прошлое в России, еще в большей степени, чем в других странах современного мира, определяет ее настоящее. «Российскому государству, возникшему после распада СССР, предстоит создать демократические институты и достичь политической стабильности. Формирование либеральных представлений об истории России дает надежду на то, что политическое и социально-экономическое развитие страны, ее отношения с внешним миром пойдут в позитивном направлении. В то же самое время существующие в обществе националистические подходы к истории препятствуют складыванию российской идентичности на демократической основе. Эти и другие во многом полярные течения ведут борьбу за культурное лидерство в постсоветской России» (6). Можно предположить, что политические воззрения масс, при определенных обстоятельствах, способны изменяться в относительно короткие сроки. Скорость изменений зависит в первую очередь от объема и характера информации, не совпадающей с традиционными взгляда-

дами, которую получает человек за тот или иной промежуток времени. Если фактов, бросающих вызов его воззрениям, немного, то он их игнорирует или недооценивает их значение. Во всем мире, не исключая Россию, элиты стремятся к подчинению значительной части средств массовой информации с целью управления массовым сознанием. Даже в том случае, если новая критическая информация поступает регулярно, эффект воздействия не будет кумулятивным. Но, если индивиду предложить значительный объем информации, ниспровергающей прежние представления, следует ожидать ее рациональной переработки. Идеализированные, мифологические представления о советской истории выполняли как социальные, так и политические функции. Миф призван объединять правящую элиту и усиливать ее волю к власти. И К. Маркс, и М. Вебер признавали, что воля к власти - решающее условие сплоченности элиты, притом, что сила этого фактора зависит от способности элиты оправдывать в своих собственных глазах обладание властью и привилегиями. Тот, кто обладает властью, не удовлетворяется объяснением, состоящим в указании на благорасположение фортуны, на случай. Он хочет знать, что имеет право на это благорасположение. Фортуна должна иметь в его глазах легитимный статус (7). Общеизвестно, что личностная идентичность, как и социальное взаимодействие, обеспечивается через целую систему символов, которые интегрируют отдельных людей в социальную общность. Эта система символов и память, которую она создает, защищают индивида от хаоса и неопределенности жизни. Гласность и перестройка разрушили советские символы, тем самым, ослабив личностную и групповую идентичность. Внутренний разлад, разрушение традиционных для России дореволюционной и России советской мессианских идей, катастрофическая дифференциация общества по доходам и т.п., являются дестабилизирующими, центробежными факторами, способными привести страну к новым потрясениям. В таких условиях, руководство государства использует отечественную историю, вековые традиции, патриотизм, как факторы консервативные, охранительные.

Свидетельств подлинного интереса политической элиты к проблемам истории достаточно. Так, например, по мнению директора Института российской истории РАН, члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова, принимавшего участие во встрече Президента РФ В.В. Путина с российскими учеными, глава государства прекрасно разбирается в истории. «Президент показал себя прекрасным знатоком истории. Первый вечер был отдан именно истории — факт удивительный, ведь присутствовали и компьютерщики, и биологи, и физики. Во время обеда Владимир Владимирович предложил первый вечерний разговор посвятить истории" (8). Бесспорно, - это позитивный факт. Понимание системообразующей роли истории в российской науке вселяет определенный оптимизм. Но, кроме позитивного содержания внимания политических деятелей к истории Отечества, существуют и другие аспекты. Наиболее тревожным из них является стремление чиновников

от образования вернуться к жестким рамкам определения содержания отечественной истории. Особенно странными представляются заявления о необходимости иметь один образцовый учебник по истории. Одним из немногих реальных завоеваний демократии в современной России стала реальная свобода выражения личного мнения, свобода дискуссий, которые порой проходят в академических формах, а порой приобретают жесткий характер и даже выплескиваются на страницы «желтой» прессы. Конечно, в научных диспутах принимают участие и те ученые, которые придерживаются прежних идеологических позиций, отстаивают их, и это их право. Для свободной науки это нормальное явление. Свобода - главная предпосылка для того, чтобы избежать кризиса в науке. Отслеживание социально-политических процессов в обществе, выявление подлинных мотивов задуманных сверху реформ в образовательной и в историко-образовательной сферах - это тоже необходимый элемент мониторинга, который можно условно назвать «стратегическим». Активная жизненная позиция, настойчивое противостояние разрушению образования, подрыву демократических тенденций - это удел ученых-гуманитариев или обществоведов. Причем во все времена.

Важнейшим направлением мониторинга исторического образования можно считать и его содержание, которое отражено в учебнике истории, во всем учебно-методическом комплексе. Основное достоинство лучших учебников нового поколения состоит в том, что их авторам удалось преодолеть ограниченность старых подходов, освободиться от идеологических пут, на практике применить разнообразные подходы к преподаванию истории. Недостатки же связаны с тем, что эти учебники имеют переходный характер. Вероятно, в ближайшее время не стоит ожидать появления учебников почти что идеальных, свободных от издержек, современных и абсолютно объективных. В условиях сложнейшего исторического перехода от «развитого социализма» к «недоразвитому» капитализму, от волюнтаризма к демократии отсутствуют даже общие критерии объективности. Вернее, эти критерии различны для различных ученых, политиков, групп населения. Понимая переходное состояние социума и вариативность социального заказа на историческое знание, совершенно неразумно отказываться от построения системы мониторинга учебника истории. Это не означает контроль над созданием образцового учебника. Это означает активное стремление к созданию ряда хороших учебников, обеспечивающих разный подход к историческому знанию. В том числе, и формационный и даже теоцентрический. По большому счету это - всего лишь вопрос философской гипотезы. А гипотезы, как известно, - сети науки. Чем их больше, тем выше вероятность выявления истины. Таким образом, в широком смысле понятия «мониторинг», к трем, отмеченным ранее его компонентам, мы должны добавить два новых. Первый, - это научная рефлексия по поводу состояния социума и управления, социального заказа и объективного соответствия исторического образования интересам общественного прогресса. Второй компонент, - это мониторинг учебно-

методического комплекса по истории. Причем, «хронологически» эти компоненты должны быть первыми. Можно предложить и завершающий компонент мониторинга. Это – то, что называется в социальной работе – социальное сопровождение. Отслеживание индивидуальной траектории вхождения молодого специалиста в образовательную среду, ненавязчивая фасилитация, подразумевающая профессиональное сотрудничество как результат.

Определив, в основном, подходы к сущности мониторинга в историко-педагогическом аспекте, нельзя обойти вниманием и такую проблему, как результативность исторического образования. Основными парадигмами ее являются: достижение определенного уровня усвоения знаний; способность к максимально комфортной адаптации выпускника в той части социума, которая избрана им, (родителями) в процессе выбора профессиональной ориентации; сформированность умений самостоятельного поиска адекватных реакций на вызовы окружающей профессиональной, (и не только профессиональной) среды; развитие творческих способностей личности и др. В зависимости от избранной социумом или учебным заведением парадигмы изменится вся структура и логика образовательного процесса, а, следовательно, изменятся цели и задачи мониторинга, его структура. Как и в любом разделе науки, мы встречаем здесь широкую палитру мнений и полемический азарт. Особый интерес представляют взгляды наших европейских коллег на требования к образованию, вызванные постоянным быстрым изменением социальных и экономических потребностей. Были сформулированы пять групп компетенций, позволяющих подготовить востребованного специалиста, способного быстро учиться в течение всей жизни. Это сложная задача, рассчитанная на 15-20 лет, не только школьного но и вузовского образования (9).

Примером разных подходов к образовательному процессу могут служить различия в школьном образовании США и Японии. Главное отличие составляет учебный план. Если в США приоритет в этом вопросе отдается штатам и округам (децентрализация управления - отличительная черта американской системы образования), то в Японии действует единый учебный план, разработанный министерством просвещения. Предметы, по выбору (в противовес американской школе) занимают у японцев незначительное место. К тому же, и содержание учебного плана достаточно сильно отличается в той и другой стране. В США на протяжении многих лет острой критике подвергалось несовершенство естественно-математического образования в противовес усиленному гуманитарному. В Японии же, наоборот, с 1962 г. приоритет отдан подготовке инженерно-технических кадров. В результате уже в 1978 г. 10% студентов университетов обучались по учебным планам, не связанным с гуманитарными и обществоведческими циклами предметов.

Выяснилось, например, что японская система отличается высокой интенсивностью учебного процесса. Для того чтобы выполнить учебную нагрузку японского школьника, американским учащимся потребовалось бы

16 лет, а не 12, как это принято в Японии. Японский же школьник за 12 лет может получить такой объем знаний, какой в США дает средняя школа плюс колледж.

В Америке почти не задают домашние задания, а в Японии на них ежедневно уходит минимум два часа. Американцам совершенно незнакомо такое явление, как репетиторство, в Японии же, большинство учащихся старших классов, вплоть до окончания средней школы, обучаются в частных репетиторских школах.

В любой стране инициатором реформирования образования в целом, исторического – в частности, является государство. Иногда это очевидно, в других случаях инициатива государства опосредована. Традиционный для России путь – реформа «сверху». Понимая это, и, ожидая от государственных структур взвешенных решений, нельзя забывать и об исторических уроках в решении проблем педагогического мониторинга. Решительное вмешательство государства в проблемы педагогического мониторинга имеет, к сожалению, в нашей новейшей истории негативную традицию. Так, например, в 1930-х гг. деятельность педологов-практиков, осваивающих инструментарий педагогического мониторинга, подверглась резкой критике. Постановлением ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936) педология была объявлена «псевдонаукой», в том числе, за попытку некритического переноса на советскую почву из буржуазной классовой педологии «обширной системы обследований умственного развития и одаренности школьников...» и т. д. (10). Результатом разгрома педологии стало торможение развития педагогической и возрастной диагностики, ослабление внимания к личности ребенка в процессе обучения и воспитания.

Разработать единую, или, хотя бы, стройную систему рекомендаций по данному направлению, на наш взгляд, пока нереально. Вместе с тем, существуют возможности научного прогноза, который должен опираться на современные реалии и экстраполяцию преобладающих в социальном развитии и в историческом образовании тенденций.

Рассматривая педагогический мониторинг как процесс объективации данных о состоянии образовательной среды, можно интерпретировать выделенные А. С. Белкиным основные функции, реализуемые в процессе мониторинговых исследований, проецируя их на историко-педагогический процесс:

1) ориентировочная: а) ориентация в приоритетных направлениях социально-политического развития общества; б) научно обоснованное представление о роли историко-педагогического процесса в социальном прогрессе; в) ориентация субъектов в пространстве обучения истории на основе полученной и получаемой информации;

2) конструктивная: с одной стороны, конкретизация индивидуальной позиции личности в образовательном поле обучения истории, а с другой - расширение личностного пространства за счет установления позитивных контактов и взаимодействий с другими людьми, субъектами и объектами исторического образования;

- 3) организационно-деятельностная: постоянная интеграция получаемой информации и научно-теоретического знания позволяет определить наиболее оптимальную позицию личности в процессе выполнения той или иной деятельности;
- 4) коррекционная: уточнение и при необходимости уточнение логики и структуры исторического образования, изменение выполняемых учебно-воспитательных задач, позиции личности в процессе деятельности;
- 5) оценочно-прогностическая: дискретный процесс сравнения получаемой в ходе мониторинга информации с контрольными точками и предполагаемым конечным результатом обучения истории.

Не следует упускать из виду, что мониторинг – не только педагогическая, но и управленческая технология. Мониторинг позволяет не только диагностировать состояние процесса обучения истории в учебном заведении, но и предоставляет руководителю информацию для принятия стратегических и тактических решений. Выработка той или иной стратегии определяется тем, над какой темой работает в данный период образовательное учреждение. Если объект пристального внимания - содержание и качество образования, то для выработки стратегии движения вперед руководитель нуждается в информации о динамике содержания и качества образования в учреждении за последние 5 - 10 лет. Если заботы руководителя сфокусированы на развитии сети образовательных услуг, что является наиболее актуальной проблемой выживания исторического образования в рыночных условиях, то для него важной и необходимой будет информация об образовательных потребностях учащихся и родителей за последние годы и т. д.

Мониторинг как самоцель в образовательном учреждении имеет мало смысла. Он должен отвечать существующим на данный момент социальным запросам, вызовам современности, а также соответствовать возможностям руководителя и управленческой команды. Поэтому мониторинг как инструмент должен применяться в нужном для руководителя направлении: качество образования, образовательные потребности, профессионализм кадров и др. Организовывать в образовательном учреждении отдельно взятую службу мониторинга без отлаженных систем экспертизы, контроля и информационного обеспечения вероятно бессмысленно.

Не стоит искусственно пытаться насадить мониторинг в образовательном учреждении. Это довольно сложный и серьезный управленческий инструмент, и применять его нужно тогда, когда сам руководитель и вся управленческая система образовательного учреждения достигли в своем саморазвитии определенного уровня стабильности.

О каких уровнях идет речь? В работе Е.В. Коротяевой и Л.Д. Назаровой «Некоторые характеристики педагогического мониторинга» рассмотрены уровни реализации управления, соответствующие внутренним этапам саморазвития системы управления образовательного учреждения. Через эти

уровни проходит каждый руководитель и его управленческая команда в процессе своего становления и саморазвития.

•Уровень стихийной, авральной реакции на складывающиеся обстоятельства и возникающие проблемы. Этот уровень соответствует началу управленческой деятельности руководителя и команды. В этот период не до нововведений. Главная задача — удержать бразды правления в своих руках и не допустить срывов.

Уровень жесткого командно-административного управления. Этот этап является необходимым для самоосознания руководителем и управленческой командой своей властной законотворческой роли в образовательном учреждении. В этот период происходит налаживание стабильности управления, ответственности, дисциплины, точности, исполнительности. Самое важное не закрепиться на этом этапе навсегда и вовремя понять необходимость движения вперед, развития и самосовершенствования.

Уровень «здорового смысла» и саморегуляции: На этом уровне саморазвития у руководителя и команды появляется интерес к получению обратной связи от управляемого коллектива и к осознанию реальности и выполнимости отдаваемых приказов и распоряжений. На этом этапе обратная связь функционирует на бытовом уровне через мнения, слухи, сплетни, открытые и тайные высказывания. Причем часто используется и мониторинг, только на бытовом уровне, когда носители школьных традиций прослеживают и анализируют происходящие изменения и пытаются предсказать, что будет дальше. Данный уровень управления является подготовительным для использования научно обоснованного мониторинга. Уровень научного саморазвивающегося управления с налаженной обратной связью. Этот уровень соответствует этапу, когда система управления достигла, необходимого уровня стабильности и нуждается в научно обоснованной обратной связи для выработки дальнейшей стратегии и тактики своего развития. На этом этапе самое время применять мониторинг, так как именно он может предоставить информацию для принятия стратегического решения: в каком направлении развиваться и какую тактику при этом выбрать (11).

Таким образом, говоря о месте и времени применения мониторинга в управлении, можно сказать, что до применения мониторинга должен пройти период становления и стабилизации системы управления. Руководитель и его управленческая команда должны естественным образом дорасти до этапа, когда им понадобится научно обоснованная долгосрочная обратная связь.

Для мониторинга одной из важных задач является определение показателей, индикаторов, источников информации; технологии анализа и представления информации. Нужные показатели и индикаторы дает система контроля. Источники информации берутся из системы информационного обеспечения управления. Технология анализа и представления данных является инструментарием экспертизы. Она достаточно разработана и перспективной ее дальнейшего развития является максимальное внедрение информа-

ционных технологий. Современный этап жизни российского общества характеризуется революционным развитием информатизации. Именно информатизация является глобальным социотехническим процессом, охватившим всю цивилизацию. «Современные информационные технологии и средства вычислительной техники - это ядро процесса информатизации образования, в ходе реализации которого происходят: улучшение качества обучения за счет более полного использования доступной (через средства информатики) информации; повышение эффективности учебного процесса на основе его индивидуализации и интенсификации; реализация перспективных методов обучения с ориентацией на развивающее и опережающее образование; достижение заданного уровня профессионализма в овладении средствами информатики и вычислительной техники; интеграция всех видов деятельности учебного заведения в рамках единой методологии, основанной на применении новых информационных технологий; подготовка участников образовательного процесса к жизнедеятельности в условиях информационного общества; преодоление кризисных явлений в системе образования» (12). Историческое образование не остается в стороне от информационного прогресса. Накапливается огромный исторический материал в электронной форме, одновременно формируются новые методики использования электронной техники в учебном процессе, разрабатываются методики обеспечения информационной поддержки индивидуальных образовательных траекторий учащихся и развиваются разнообразные коммуникативные возможности всех субъектов исторического образования.

С одной стороны, мониторинг отражает тенденции информатизации средней и высшей школы, служит целям корректировки и баланса развития системы образования. С другой стороны, информационные технологии являются техническим оснащением систем сбора, обработки, анализа, хранения информации для мониторинга.

Результатом проведенных действий будет компактная, емкая информация (верхушка пирамиды мониторинга), на основании которой руководитель может уверенно принять решение о стратегии дальнейшего развития. В основании этой пирамиды лежат системы: изучения и учета социально-политических изменений и требований общества к историческому образованию, постоянного контроля, информационного обеспечения управления и экспертизы.

Выявление и анализ педагогических условий эффективного применения мониторинга обусловлены сущностью мониторинга как управленческого контрольно-диагностико-прогностического инструмента изучения процессов в образовательном учреждении. В зависимости от уровня управления обучением изменяются цели, задачи мониторинга, его критерии показатели и т. д., но его назначение и принципы остаются одинаковыми при переходе с уровня на уровень управления. В силу этого условия эффективного применения мониторинга целесообразно выявлять на основе стандарт-

ного набора управленческих условий, обеспечивающих эффективность образовательных процессов. Такие условия распределяются в следующие группы: технические; кадровые; программно-методические; организационные; финансовые.

Для изучения эффективности системы мониторинга наибольшее значение имеют три первые группы условий: технические, кадровые и программно-методические. Однако в любом случае получение объективных данных в процессе образовательного мониторинга зависит от:

- наличия инструментария, позволяющего отслеживать и фиксировать функционирование объектов с определенными контрольными точками;
- постоянной обратной связи и коррекции мониторинга и учебной деятельности;

- использования в мониторинговых исследованиях не просто количественных данных, но нахождения динамического коэффициента за определенный промежуток времени;

- длительности образовательного мониторинга, позволяющего более точно определять эффективность работы учебного учреждения, подразделения.

Технологическая цель педагогических мониторинговых исследований заключается в том, чтобы определить, насколько учебный процесс отвечает установленным требованиям и стандартам качества обучения и воспитания. Педагогический мониторинг исторического образования может проводиться по следующей схеме:

- 1) оценка эффективности управления школой, кафедрой, факультетом (учебный план, общая документация, протоколы собраний педагогического коллектива и пр.);

- 2) уровень квалификации педагогического персонала (личные дела учителей, преподавателей, планы повышения квалификации и оценка качества работы и т. д.);

- 3) качество преподавания каждой исторической дисциплины (изучение качества учебных программ; используемые учебные материалы, весь УМК);

- 4) качество знаний учащихся (тестирование учащихся; анкетирование учащихся и родителей в отношении удовлетворенности получаемыми знаниями и навыками);

- б) определение материального и технического обеспечения учебного заведения, подразделения, (в том числе, степень оснащенности учебного процесса техническими средствами) и т. д.

Это – всего лишь один из вариантов, наиболее характерный для американской системы образования. В научной литературе можно подобрать и другие конфигурации мониторинга.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что мониторинг одновременно является и необходимым условием совершенствования историко-педагогического процесса и педагогической, управленческой технологией, находящейся в стадии бурного развития. До сих пор его слабым местом

остаётся контроль за качеством обучения (во многом благодаря тому, что не существовало адекватного механизма получения и обработки данных). В итоговых отчетах возникала благополучная картина эффективного образовательного процесса, которая не всегда соответствовала истине.

Однако современный информационный историко-педагогический мониторинг не только позволяет преодолеть этот недостаток, но и раскрывает широкие возможности для моделирования проектов учебно-воспитательных процессов, выстроенных с учетом конкретных условий, социокультурной ситуации. Именно такой мониторинг создает возможность организации воспитывающей среды, в которой учащийся через активную, вариативную деятельность может найти свое место в сообществе и актуализировать свои социально и индивидуально значимые возможности.

1. Белкин А. С. и др. Основы педагогических технологий: (Краткий толковый словарь). Екатеринбург, 1995. С.22.
2. Полонский В. М. Научно-педагогическая информация: Словарь-справочник. М., 1995. С.256.
3. Шишое С.Е., Кальней В. А. Мониторинг качества образования в школе. М., 1998. С.354.
4. Ильенкова С. Д. и др. Социальный менеджмент. М., 1998. С.271.
5. Вербицкая Н.О., Жаворонков В.Д. Информационные технологии в мониторинге образовательного процесса средней и высшей школы. Екатеринбург, 2000. С.42-43.
6. Шерлок Т. Прошлое как политика: историческая наука и историческое образование в России в эпоху реформ и революций // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. №2. С.48-57.
7. Там же.
8. Сахаров А.Н. Ни о каком кризисе отечественной исторической науки не может быть и речи // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. №2. С. 2-11.
9. См.: Реформы образовательных политик: деятельность Совета Европы /Интервью с Ж.-П. Титцем, секретарем Комитета по образованию Совета Европы // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. №6. С. 9-13.
10. О педологических извращениях в системе наркомпросов (постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г.) // Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг. М., 1947. Вып. 1. С. 190—191.
11. Коротчаева Е.В., Назарова Л.Д. Некоторые характеристики педагогического мониторинга. // Авторские технологии и мониторинг образовательного процесса. / Под ред. А.С. Белкина. Екатеринбург, 1999. С.19-20.
12. Вербицкая Н.О., Жаворонков В.Д. Указ. соч. С. 56.

**Воронова С.Н.
(Екатеринбург)**

**Практика регионализации исторического образования
на основе требований
ГОСа НРК Свердловской области**

Современные условия нашей жизни предъявляют новые требования к качеству образования. Развивающемуся открытому обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, умеющие самостоятельно принимать ответственные решения в ситуациях выбора и прогнозировать их возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью и обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны. Необходимость реализации данных требований последовательно и логично отражается в документах, определяющих направление государственной образовательной политики. В их числе «Федеральная программа развития образования» 2000 г., «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» 2000 г., «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года» 2001 г. (см. примечания).

В соответствии с «Законом об образовании» РФ в Государственном образовательном стандарте общего образования предусмотрено введение федерального и национально-регионального компонентов школьного образования. Федеральный компонент обеспечивает общефедеральную российскую систему образования, а национально-региональный компонент является теоретико-методологической основой образования отдельных субъектов РФ. Новая образовательная модель как на федеральном, так и региональном уровне, определила новые цели и педагогические основания, нормы и ценности школьного образовательного процесса:

- личностно-ориентированный характер образования;
- приоритет гуманистических ценностей;
- вариативность как основание свободного самоопределения обучающегося;
- научность и практическая ориентированность образовательного процесса как условие стимулирования самостоятельной познавательной активности учащихся;
- обеспечение качества образования;
- демократизм как принцип организации образовательного процесса.

Таким образом, главным результатом образования становится формирование гармоничной личности, достижение социальной компетентности учащихся, подготовка их к жизни и деятельности в условиях современного социума.

В 1991 г. были приняты Концепция и программа развития образования Свердловской области. В 1992 г. в соответствии со статьями 7 и 9 Закона РФ «Об образовании» разработана Концепция формирования национально-регионального компонента содержания образования, в 1995 г. Концепция национально-регионального компонента Государственного образовательного стандарта Свердловской области. В 1997 году были опубликованы «Основные направления политики правительства Свердловской области в сфере образования и программа ее реализации на 1997-99 гг.». Введение в 1999 г. в Свердловской области Национально-регионального компонента Государственного образовательного стандарта продиктовано потребностями общества в обеспечении прав личности на развитие творческого потенциала, реализацию образовательных потребностей. Самоопределение и саморазвитие являются понятиями, наиболее полно выражающими социальную зрелость личности, ориентирующуюся в этих противоречиях, способную их понимать и принимать, строить собственную модель поведения, траекторию жизнедеятельности.

Национально - региональный компонент ГОСа Свердловской области способствует обеспечению права личности на полноценное и качественное образование, адекватное современным общественным потребностям, в части педагогических оснований образовательного процесса фиксирует в системе педагогических норм и ценностей необходимость стимулирования «познавательной активности обучающегося в единстве с умением использовать знания в нестандартных жизненных ситуациях». Таким образом, Национально- региональный компонент ГОСа Свердловской области рассматривается нами как механизм постоянного обновления, развития образования, то есть его модернизации.

Глубокие изменения, происшедшие в системе школьного исторического образования в целом, должны быть отражены и в особенностях изучения национально-региональной, локальной истории в Свердловской области. Потребности развития российского общества на современном этапе обусловили рост значения истории как учебной дисциплины, значение исторического образования как важнейшего элемента школьной образовательной системы. Социо-культурный подход в изучении истории нацелен на продуктивное содействие самоопределяющейся личности в современном мире, который сегодня отличают сложность, вариативность, динамизм, проявляющиеся в ряде противоречий:

- между возрастающим многообразием культур с этническими, лингвистическими, религиозными особенностями и ориентациями и необходимостью сохранить уникальность собственной личности, индивидуального потенциала;
- между ростом взаимозависимости людей в современном мире и готовностью человека к социальной терпимости, толерантности в различных жизненных ситуациях;

- между ростом объема знаний в современном информационном обществе и соответствием личностного развития;
- между информационным давлением СМИ и необходимостью реализации собственной мировоззренческой и гражданской позиции;
- между пассивной, зачастую потребительской позицией учащегося и необходимостью формирования активной личности средствами школы, школьного исторического образования;
- между необходимостью формирования системных исторических представлений и недостаточностью современных научно-методических разработок в практике школы;
- между дифференциацией, индивидуализацией обучения и тенденцией к технологичности в массовом образовании.

Образовательная область «Обществознание» в НРК Свердловской области включает следующие учебные курсы – «История Урала», «Политика и право», «Основы экономической культуры», «География Свердловской области». Отдельно выделена образовательная область «Культура Урала», которая предполагает следующие содержательные линии:

1. История Урала
2. Художественная культура Урала
3. Экономическая культура Урала
4. Этнокультурология.

Таким образом, определены возможности комплексного включения на основе интеграции местного социо-культурного потенциала в образовательный процесс.

Назначение курса «История Урала» определяется разработчиками ГОСа НРК как способ конкретизации федерального стандарта по истории, который может содействовать рассмотрению региональной истории как части мировых, общероссийских процессов, выявляя ее своеобразие. Особо подчеркивается интегративный характер содержания курса. Общерегиональный подход дает возможность рассматривать Урал как единую территорию пяти областей – Пермской, Свердловской, Оренбургской, Челябинской, Курганской, двух республик Удмуртии и Башкортостана. В содержание требований НРК введены:

- обязательный минимум содержания образования на основе уровневого построения,
- перечислены содержательные линии, основные и дополнительные темы,
- ключевые понятия,
- определены составляющие качества образованности для каждой ступени обучения.

Установки НРК ГОСа дают возможность рассматривать Урал как регион, обладающий уникальными природно-климатическими, экономиче-

скими, этническими, социо-культурными, историческими, политическими особенностями. Актуальность содержания не вызывает сомнения.

Пятилетие, прошедшее со времени внедрения, достаточный срок, чтобы провести анализ практической реализации требований НРК ГОСа в историческом образовании.

Объект мониторингового исследования: НРК ГОСа Свердловской области.

Предмет: Реализация НРК ГОСа в историческом образовании.

Цель: Определить особенности реализации требований НРК ГОСа Свердловской области как направления инновационной деятельности в совершенствовании качества школьного исторического образования.

Задачи:

1. определить основы системы отслеживания результатов учебно-методической деятельности по развитию школьного исторического образования через внедрение интегративного курса «История Урала»;
2. выявить факторы, влияющие на качество формируемой системы школьного исторического образования;
3. оценить оптимальность формируемой системы;
4. определить наиболее эффективные действия по развитию школьного исторического образования в г. Екатеринбурге на современном этапе.

Мониторинг теоретического обеспечения и практики реализации школьного курса «История Урала» в образовательных учреждениях г.Екатеринбурга проводился по следующим параметрам:

- **Теоретико-методологические основы** построения, принципы и критерии отбора содержания, структура регионального компонента школьного исторического образования.
- **Организационные условия** – распределение часов и структура базисного учебного плана Свердловской области, эффективность планирования деятельности школы по реализации требований ГОСа НРК в образовательной области «Обществознание», обеспечение соответствия между федеральным, национально-региональным и локальным компонентами содержания школьного исторического образования.
- **Программно-методическое обеспечение.**
- **Кадровые условия.**
- **Качественные показатели эффективности процесса обучения.**

Использовались методы мониторинговых исследований:

- Анализ документов
- Наблюдение
- Анкетирование
- Интервью
- Самооценка.

Полученная за ряд последних лет информация приводит нас к следующим выводам:

- Введение в школах предметов и курсов НРК носит рекомендательный, а, следовательно, необязательный характер; знание местного исторического материала при итоговой аттестации учащихся не учитывается.
- В практике школы доминирующим остается знаниевый подход к образованию. Особую нервозность в школах создает неопределенность модели и процедуры в Свердловской области единого государственного экзамена (ЕГЭ). Как результат, администрация образовательных учреждений часы школьного компонента направляет на дополнительные занятия по математике и русскому языку. Вариативности, свободного выбора учебных курсов в общеобразовательных учреждениях практически нет. Вопросы научного и научно-методического обеспечения вариативности учебных планов и преемственности, соотношения краеведения и регионоведения в содержании исторического образования требуют серьезной доработки.
- Нехватка учителей предметников, в том числе учителей истории стабильно ощущается на протяжении ряда лет. Вследствие этого педагоги работают с большими нагрузками и ориентированы прежде всего на реализацию обязательного федерального компонента исторического образования. При этом возможности регионального компонента как средства объективного и неполитизированного изучения полиэтнической, многоконфессиональной истории России не используются.
- В 2005 г. российская школа начнет переход на предпрофильное и профильное обучение. Однако сегодня школы сориентированы на введение элективных курсов, программы которых получены из Москвы, следовательно, огромный резерв местного материала в подготовке гуманитарных и социально-экономических классов не задействуется.
- Введение курса «История Урала» в учебный план школы остается проблемой учителей-энтузиастов, которые за прошедшие после принятия НРК так и не получили доступного, интересного УМК, обеспечивающего возможность организации системной работы в данном направлении.
- Не использованы возможности создания интегративного курса, если не «История Урала», то «Ураловедение» в основной школе. Идея изучения родного края на системных основаниях остается нереализованной в полном объеме. Счастливым исключением можно считать программу факультативного курса для 10-11 классов Н.А.Миненко «Этнокультурная история Урала». Автор отмечает, что цель данного курса составляет ознакомление учащихся с историей родного края как историей этносов и локальных этнокультурных групп для приобщения молодого поколения к духовным и нравственным ценностям предшествующих поколений.

- Тиражи учебников явно недостаточны для обеспечения всех учащихся. Так, например, учебное пособие для учащихся 6-7 классов Виноградова Н., Чагина Г., Шкерина В. «История Урала с древнейших времен до конца XVIII века», (Екатеринбург, 2001) - всего 2 тысячи экземпляров; такой же тираж учебника «История Урала» под ред. Б.М. Личмана и В.Д. Камынина; учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений «История Урала с древнейших времен до наших дней» под общей редакцией И.С. Огоновской, Н.Н. Попова (Екатеринбург, 2003) – 16 тысяч. В школы в результате направляется 1-3 экземпляра для ознакомления. Организовать учебную деятельность невозможно. Нет карт, атласов, комплекта контурных карт, рабочих тетрадей, комплекта иллюстративных материалов.
- Масштабной, качественной курсовой переподготовки учителей не проводилось. Следовательно, по-прежнему острой остается проблема повышения профессиональной компетентности учителей истории в области региональной тематики.
- Существующих сегодня каналов для тиражирования практического опыта реализации регионального компонента явно недостаточно.
- Явно недостаточным является обеспечение условий рационального использования возможностей объединения базового и дополнительного образования.
- Освоение истории родного края в большинстве образовательных учреждений осуществляется через экскурсионные программы коммерческих фирм, а, следовательно, носит фрагментарный характер и заменить систематический курс не может.
- Предложения кафедры исторического и социально-гуманитарного образования ИРРО по развитию культурно-исторической содержательной линии НРК ГОСа остаются на сегодняшний день самой полной, логичной, комплексной, но нереализованной программой действий.

Анализ выявленных проблем приводит нас к неутешительному выводу, что должного внимания к курсу региональной истории, как обязательной составляющей современного подхода к историческому образованию, не уделяется. Как Урал располагается на границе Европы и Азии, на перепутье историко-культурных и культурно-этнических традиций. Проблема внедрения и ведения в школах курса «История Урала» требует основательного пересмотра и выбора направления решения. Для города Екатеринбурга сегодняшнюю ситуацию можно считать наиболее благоприятной в связи с принятием к разработке и реализации стратегического проекта на период до 2015 года «Городская школа - стандарт «Пять звезд». Цель проекта: повышение качества общего образования, степени его практической направленности как условия адаптации выпускников системы общего образования к жизни в обществе, гарантии их жизненного успеха. Одним из направлений в его реализации является обновление содержания общего образования. Науч-

но-методическое и организационно-управленческое сопровождение внедрения региональной истории необходимо. Объединение усилий участников образовательного процесса – учителей, родителей, учащихся, органов управления и развития образования, учреждений науки и культуры может содействовать реальному изменению ситуации.

1. Федеральная программа развития образования. М., 2000.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. М., 2000.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2001.
4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122.
5. Новые государственные стандарты школьного исторического образования. М., 2004.
6. Государственный образовательный стандарт (национально-региональный компонент) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области. Екатеринбург, 2001.
7. Культурно-историческая содержательная линия НПК ГОСа в образовательном процессе. Сб. материалов / Под общей ред. Андрияновой Н.В., Огоновской И.С. Екатеринбург, 2001.
8. Екатеринбургская школа: результаты и стратегия развития. Екатеринбург, 2004.
9. Этно-культурное образование. Программно-методический комплект 1-11 кл.: Пособие для учителя / Сост., ред., вступ. ст. П.Лабзенко. Екатеринбург, 2003.

**Гузенко З. И.
(Екатеринбург)**

Учебно-методическая работа в общеобразовательных школах Урала в годы Великой Отечественной войны

В суровые годы Великой Отечественной войны на долю советской общеобразовательной школы выпали большие испытания. Обстановка военного времени изменила условия работы школы, поставила перед ней новые задачи, имеющие большое государственное значение. Основной задачей оставалось обучение и воспитание подрастающего поколения в соответствии с государственным законодательством об образовании, решать которую приходилось в более сложных, чем в довоенное время условиях резкого уменьшения учебных площадей и многосменности занятий, ухудшения обеспечения школ письменными принадлежностями, наглядными пособиями и учебниками, нехватки педагогических кадров.

Военная обстановка потребовала внесения изменений в учебные планы, программы и во всю организацию учебно-воспитательного процесса в школах. Так, в связи с эвакуацией на Урал большого количества предприятий, учреждений, научных и учебных заведений у многих школ были изъя-

ты учебные здания и переданы под военные нужды. В Свердловской области уже в первые военные месяцы под госпитали и другие нужды были отданы 100 лучших школьных зданий. Сокращение учебных площадей повлекло уплотнение школ, многосменность занятий. По состоянию на 1 апреля 1942 года в Свердловской области в первую смену занималось 2463 класса, или 47%, во вторую – 2364 (46%) и в третью – 303 класса (6%). Школы, перешедшие на трехсменные занятия, начинали работу в 8 часов утра и должны были заканчивать учебные занятия не позднее 7 часов вечера. Для этих школ устанавливалась сокращенная недельная сетка часов: для 1-3 классов – 22 часа, для 4-х классов – 24 часа, 5-10 классов – 30 часов (1).

Сокращение учебного времени потребовало внесения изменений в учебные программы, суть которых заключалась в уменьшении учебных часов на повторение пройденного, изъятия второстепенного материала, преодоления его дублирования в некоторых темах. Перед учителями встала задача повышения эффективности урочных занятий, более рационального использования каждого часа учебного времени, лучшей организации самостоятельной работы школьников.

По решению Наркомпроса РСФСР в школах, начиная с 1 полугодия 1941/42 уч. года, было организовано обучение учащихся сельскохозяйственному труду. В течение дополнительно введенных двух часов в неделю ученики пятых - седьмых классов знакомились с основными приемами полевых работ и простыми сельскохозяйственными орудиями труда и машинами: плугом, сеялкой, жаткой, сенокосилкой. Учащиеся 8-10 классов изучали колесный и гусеничный тракторы и прицепной инвентарь к ним, комбайн и агротехнику. К обучению ребят привлекались учителя биологии, химии, физики. В подготовке детей к сельхозтруду использовались брошюры, изданные Детгизом в годы войны (2).

Одной из задач военного времени была подготовка резервов для армии. В связи с этим в школах была усилена физическая и военная подготовка учащихся как во время учебных занятий, так и во внеучебное время с учетом их возраста. Мероприятием, призванным обеспечить широкий охват младших школьников ежедневными физкультурными занятиями, стало введение в начальных классах с 1 сентября 1941 года утренней (до начала занятий) гимнастики, которая, однако, не подменяла собой уроки физкультуры. Ее систематическое проведение способствовало также организованному началу школьного дня. Младшие школьники, кроме того, обучались правилам поведения и приемам самозащиты во время воздушного нападения, навыкам личной гигиены и санитарии (3).

В ноябре 1941 года Наркомпрос Российской Федерации издал приказ «Об организации военно-допризывной подготовки учащихся VIII - X классов средних школ», в соответствии с которым старшеклассники должны были получать военно-физическую подготовку по 110-часовой программе. Учащимся VIII - X классов кроме этого отводилось дополнительно на собст-

венно физическую подготовку 15 (в IX) и 35 (в X) часов. Занятия с учащимися - девушками этих классов, а также всеми восьмиклассниками должны были проводиться по разработанной Наркомпросом РСФСР на 1941/42 уч. год программе допризывной военной подготовки (4).

Занятия в школах Свердловской области в 1941/42 уч. году, как и в других территориях, закончились 20 мая. В целях обеспечения более полного прохождения программного материала и в то же время предоставления учащимся возможности участия в весенних сельскохозяйственных работах весенние каникулы в 5-10 классах были отменены. Проверочные испытания в этих классах были проведены в период с 21 по 31 мая: в 5-9-х классах по русскому языку и математике, в 10-х классах - по русскому языку, математике, физике и иностранному языку. По предметам, не включенным в испытания, учет знаний проводился на основе текущих четвертных оценок. К концу 1941/42 уч. года организованность и слаженность работы школ отмечалась всеми органами народного образования. Отмечался рост успеваемости школьников. Если в 1940/41 уч. году она составляла 90%, то в 1941/42 - 92 % (5).

В 1942/43 уч. году Наркомпросом был уточнен учебный план, внесены дополнительные изменения в учебные программы. Так, наряду с сохранением в качестве важнейшей при изучении русского языка задачи повышения грамотности учащихся, развития культуры устной и письменной речи, необходимо было на уроках русского языка, литературы, истории и других усилить воспитательный аспект. В преподавании математики, физики и химии, биологии и географии больше внимания должно было уделяться вопросам взаимосвязи науки с военным делом, промышленностью и сельским хозяйством. В кратком введении к учебному плану и указаниях к программам, изданным в 1942 году, отмечалось, что поправки и уточнения сделаны в целях приведения содержания образования в большее соответствие с жизненными задачами, выдвигаемыми условиями военного времени.

Важное значение в условиях отечественной войны приобретало преподавание истории как дисциплины, активно влияющей на формирование мировоззрения учащихся. У школьников возрос интерес к прошлому своего народа и других стран. Они проявляли стремление разобраться в текущих событиях. В связи с этим в программы исторических дисциплин были внесены изменения. Так, из программы по истории средних веков для 7 класса были исключены темы по Китаю и Японии в XII-XVI вв. Одновременно добавлялось по одному часу на изучение тем: Германия в XII-XV вв., Чехия в XII-XV вв., Тридцатилетняя война, Германия в XVII и XVIII вв. При изучении этих тем особое внимание уделялось внешней политике Германии как захватнической и показу героической борьбы поработанных ею народов.

Программный материал по истории СССР в 8 классе, на изучение которой отводилось 64 часа, оставался практически прежним при некотором перераспределении часов между отдельными разделами курса и темами внутри разделов. На изучение истории СССР в 9 классе количество часов

уменьшалось до 65. В связи с этим сокращался материал по отдельным темам при одновременном усилении внимания к материалу, органично связанному с текущими военными событиями. На изучение истории СССР в 10 классе время было увеличено до 111 часов. Произошло увеличение часов по всем темам, были внесены некоторые изменения в содержание курса. Например, была введена новая подтема «Великая Отечественная война советского народа против фашизма». Более подробному изучению подлежали темы: «Начало иностранной интервенции», «Гражданская война на окраинах», «Участие царской России в мировой войне» и др.

На изучение новой истории в 8 и 9 классах количество часов уменьшилось, что обязывало учителя сосредоточить внимание на истории наиболее крупных капиталистических стран, на самых существенных разделах программы (6).

В связи с изменением программ НКП РСФСР указал местным органам народного образования на необходимость повышения квалификации учителей, усиления методической работы. К работе с учителями привлекались научно-педагогические кадры. Так, в свердловском пединституте в 1941/42 уч. году был организован лекторий для директоров школ, учителей и классных руководителей. За этот год для учительства было прочитано 170 докладов и лекций, проведено большое количество консультаций по разным методическим и педагогическим проблемам. Профессор Рыбникова М.А. в своей работе с учителями практически показывала, как нужно преподавать литературу в условиях военного времени. Преподаватели исторических кафедр провели обследование состояния преподавания исторических дисциплин в школах, по итогам которого составили рекомендательные материалы по вопросам преподавания истории. Кафедры иностранных языков составили для школ тесты с военной тематикой, военные словари, организовали для учителей кружки.

Работа преподавателей СГПИ по проблемам теории и методики обучения и воспитания учащихся проводилась на протяжении всех последующих военных лет. Преподаватели кафедры педагогики изучали и обобщали опыт работы школ в военное время, выдавали учителям конкретные рекомендации, участвовали во внедрении их в школьную практику. Следует отметить актуальность тематики научно-методической работы. Так, заведующий кафедрой педагогики А.О. Пинт разработал тему «Воспитание советского патриотизма», Н.М. Катериночкин разрабатывал тему «Политическое воспитание на уроке истории». Практическая направленность научно-методической работы выражалась в создании учебников и пособий для школ. Например, доцент И.Д. Кузнец подготовил учебник английского языка для средней школы, в институте был составлен «Сборник задач по геометрии для средней школы». (7). Научно-методическая работа ученых педвузов по созданию разных пособий для учителей имела большое значение в связи с тем, что в годы войны централизованное обеспечение школ методи-

ческими руководствами было сведено до минимума. Так, в 1943 году было выпущено только три наименования методических руководств, в 1944 – 12, в 1945 – 9, что не могло удовлетворить потребности учителей. Кроме того, в годы войны временно перестали издаваться такие педагогические журналы как «Русский язык в школе», «Математика в школе» и другие. (8).

Работа на местах по повышению квалификации учителей приобретала в годы войны, таким образом, особое значение. Определенный опыт курсовой подготовки учителей и других школьных работников был накоплен еще в довоенное время. Учительские курсы продолжали функционировать и во время войны. Например, в Свердловске в 1942/43 уч. году шире, чем в предыдущем, была развернута работа с руководящим составом школ. Были организованы районные семинары – практикумы, которыми руководили работники горно, горметодкабинета и Института усовершенствования учителей (ИУУ). Эти семинары проводились на базе отдельных школ по определенной тематике. Например, школа № 29 Молотовского района г. Свердловска разрабатывала тему «Борьба за выполнение программы и за глубокие прочные знания учащихся»: в школе изучался теоретический материал, вопросы по теме включались в план работы педсовета и школьного методобъединения учителей. Директор школы и председатель методобъединения получали необходимые консультации в ИУУ и горметодкабинете. По итогам работы в школе был проведен «открытый день» по теме. Такая форма повышения квалификации актуализировала работу педагогов по самообразованию, способствовала повышению качества учебной работы, освоению лучшего опыта. В целях обмена опытом в городе были организованы две выставки, отражавшие деятельность школ в условиях военного времени. При горметодкабинете работали секции учителей по всем школьным предметам. Кадры методистов были укреплены за счет лучших учителей города. (9).

Работа учительских курсов и методическая работа в школах активизировалась с 1943/44 уч. года, что было обусловлено целым рядом факторов, в том числе: начавшейся реэвакуацией учителей и возвращением в школы педагогов, отвлеченных в начале войны на другую работу; финансовой поддержкой этой деятельности со стороны правительства, в частности, распоряжением СНК РСФСР от 28 июля 1943 года «Об отпуске средств на содержание трехмесячных курсов по подготовке учителей начальных классов». Кроме того, начиная с 1943 года правительственные органы союзного и республиканского масштаба приняли последовательно целый ряд постановлений, направленных на совершенствование учебного процесса, повышение идейно-политического уровня обучения и качества знаний учащихся. В 1943 году были утверждены «Правила для учащихся». В 1944 году была введена в школах вместо словесной цифровая пятибалльная система оценки успеваемости и поведения учащихся. В том же году было принято постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», которым вводилась для учащихся, оканчивающих начальную и семилетнюю школу, обя-

зательная сдача выпускных экзаменов, а для учащихся, оканчивающих среднюю школу, сдача экзаменов на аттестат зрелости. Этим же постановлением устанавливались золотые и серебряные медали для награждения учащихся средней школы, показавших при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи и имеющих отличное поведение. (10).

Всероссийское совещание по народному образованию, состоявшееся в августе 1943 года, в своей резолюции записало, что необходимо шире использовать в методической работе опыт лучших школ, особое внимание обратить на оказание помощи начинающим учителям. Была поставлена задача более широкого освещения опыта работы лучших учителей и школ в журналах «Советская педагогика» и «Начальная школа» (11). При Свердловском ИУУ, не прекращавшем в годы войны работы, по решению Свердловского облисполкома при ИУУ был организован к началу 1943 года Областной военно-физкультурный кабинет, на содержание которого предусматривались бюджетные средства. Для учителей был подготовлен ряд методических пособий, как, например: «Пришкольный участок в годы войны», «Методические указания по изучению трактора марки ЧТЗ – СТЗ учащимися 9-10 классов», «Методика проведения политинформаций». Такие пособия как «Самостоятельная работа по арифметике», «Организация повторения», «Методика объяснительного чтения» и другие были направлены во все школы области (12).

В 1944/45 уч. году учебно-методическая работа в школах Свердловска и области проводилась с учетом постановления правительства о введении экзаменов на аттестат зрелости в 10 классах и выпускных экзаменов в 4 и 7 классах. Методисты Свердловского горметодкабинета и актив учителей составили планы повторения по выпускным классам с одновременным изучением нового материала. По вопросам организации и методики повторения в горметодкабинете была организована специальная выставка с библиографическим указателем литературы, образцами уроков и внеклассных мероприятий. На базе школы № 37 был проведен семинар инспекторов и заведующих районо по вопросам организации и методики повторения программного материала прошлых лет обучения. Было также проведено совещание завучей, на котором обсуждались формы контроля дозировки домашних заданий и за работой учителей по организации повторения.

Большинство свердловских школ и учителей боролись за высокое качество урока и формирование у школьников навыков самостоятельной работы, за грамотность и культуру речи, правильную организацию повторения материала и закрепления знаний. Отдельные школы разрабатывали конкретные методические темы. Например, школы № 36 и 65 работали над темой «Привитие навыков самостоятельности как средства борьбы с формализмом». Лучшие учителя физики: Карпинский (шк. № 37) и Цигвинцева (шк. № 9) систематически работали над усовершенствованием преподавания предмета с целью формирования у учащихся практических навыков. На се-

минаре учителей физики Карпинский продемонстрировал приборы, сделанные учащимися, их самостоятельные работы в виде докладов, рефератов, чертежей. Учителя географии Вознесенская (шк. № 12) и Цивилева (шк. № 59) хорошо поставили работу учащихся с картой. Школьники сами подготовили карты, заполняли их географическими объектами по заданию учителей, вели географические словарики. Учителя истории Мархасина, Симонова, Пережегина организовали самостоятельную работу учеников с книгой, с первоисточниками. По плану работы методистов горметодкабинета только в первом полугодии 1944/45 уч. года в школах Свердловска было проведено учителями 73 открытых уроков. (14).

Несмотря на трудности военного времени, учителя и другие работники народного образования прилагали все усилия с целью обеспечения задач всеобщего, совершенствования учебно-воспитательного процесса, в результате советская общеобразовательная школа выпускала из своих стен достойную смену старшему поколению.

-
1. Культурное строительство на Среднем Урале: Сборник документов (1941-1977). Свердловск, 1987. С. 24,25.
 2. Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 143.
 3. Начальная школа. 1941. № 8. С. 8.
 4. Черник С.А. Указ. соч. С. 141-142.
 5. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 342, 364.
 6. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 2696. Л. 3-8.
 7. Уральский государственный педагогический университет: очерки истории. Екатеринбург, 2001. С. 51.
 8. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 2761. Л. 19, 20.
 9. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Указ. соч. С. 365, 366.
 10. Народное образование: Общеобразовательная школа. 1917-1973. М., 1974. С. 178, 179; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. М.-Л., 1947. Вып. 2. С. 218.
 11. О работе школ за истекший период Великой Отечественной войны и задачах школ на 1943/44 учебный год / Резолюция Всероссийского совещания по народному образованию (2-5 августа 1943 года). М., 1943. С. 6.
 12. Культурное строительство на Среднем Урале. С. 31; Идеологическая работа партийных организаций Урала и Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма. Свердловск, 1973. С. 92-93.
 13. ГАСО. Ф. Р – 1427. Оп. 2. Д.59. Л. 13.
 14. Там же. Л. 9 об., 10, 10 об., 32.

РАЗДЕЛ 1.
Региональная история,
историография и источниковедение

Алексеев Е.А.
(Нижевартовск)

История Владимиро-Суздальского княжества
второй половины XII столетия в трудах Н.Н. Воронина

Николай Николаевич Воронин может считаться одним из крупнейших исследователей истории и культуры Северо-Восточной Руси. Спектр его научных изысканий был довольно широк: от изучения археологических памятников этого края до истории владимирского летописания. Немаловажное место в творчестве ученого занимала и социально-политическая история Владимиро-Суздальского княжества.

Уход Андрея, позднее прозванного Боголюбским, из Вышгорода на северо-восток «без отни (Юрия Долгорукого. – Е.А.) воли» не был, по мнению историка, его личным решением. Н.Н. Воронин усматривал в этом шаге будущего владимирского «самовластца» происки ростово-суздальских бояр, которые стремились «изолировать Ростовский край от общерусских интересов, усилить его самостоятельность, а вместе с тем сохранить и свою независимость от княжеской власти» (1). Андрей, большую часть жизни проведший на севере, устраивал местную знать как потенциальный правитель, и в результате был единодушно избран ростово-суздальским князем.

Изгнание младших Юрьевичей из Ростово-Суздальской земли Н.Н. Воронин объяснял желанием Андрея исключить возможность их притязаний на Владимир, так как «ряд» Юрия Долгорукого сохранял за ними это право.

Н.Н. Воронин пытался выяснить, на какие же социальные силы опирался Андрей «в своих крутых мероприятиях».

В оценке исследователя горожане Владимира – предшественники позднейшей буржуазии – выступали сторонниками сильной верховной власти. Купцы стремились обезопасить торговлю от разбоя «феодалов», освободить ее от поборов на границах княжеских владений. Ремесленники были заинтересованы в развитии связей с другими городами, в широком сбыте своих изделий. Поэтому во Владимиро-Суздальском княжестве и возник союз князя с горожанами (2).

Дворяне – еще один общественный слой, на который, с точки зрения Н.Н. Воронина, опирался Андрей Боголюбский. Благополучие этих «милошников» целиком зависело от княжеского пожалования. Другим «столпом» политики «самовластца» стала «иноплеменная служилая прослойка новых городов» (3).

По мнению видного историка, на северо-востоке Руси во второй половине XII в. развернулся процесс «внутренней колонизации»: население княжества уходило в менее удобные в хозяйственном отношении и удаленные от городов и водных артерий места. Причину такой колонизации Н.Н. Воронин видел в отсутствии свободных земель в центральных районах, а также в стремлении крестьянства избавиться от «феодальной эксплуатации» (4).

Разграбление Киева, в частности, его церковей в 1169 г. историк рассматривал как месть Андрея за «митрополичью неправду», т.е. казнь епископа Феодора. Оказывается, в киевских «святынях» владимирский князь видел оплот политического влияния противника.

После 1169 г. изменился и характер владимирского летописания. По наблюдению Н.Н. Воронина, отныне история Южной Руси рассматривается здесь в ракурсе местных интересов. Так, основная идея свода конца 70-х гг. XII в. – главенство Владимира над Ростовом и перенос политического центра Руси из Киева в город на Клязьме (5).

Гибель Андрея Боголюбского – результат боярского заговора, который показал, «до какого крайнего предела напряглись противоречия внутри господствующего класса, и сколь тяжким было положение народа» (6). Беспорядки, вызванные смертью Андрея Юрьевича, Н.Н. Воронин назвал революцией. По словам ученого, «городские низы были подготовлены к выступлению произволом княжеской администрации» (7).

Бояр-заговорщиков поддерживал рязанский князь Глеб. На съезде 1174 г. он заставил местную элиту принять на княжение своих родственников Ростиславичей (сыновей старшего сына Юрия Долгорукого Ростислава).

Н.Н. Воронин полагал, что за время междоусобицы 1174-1177 гг. чрезвычайно возросла политическая самостоятельность горожан. Они – «крупнейшая общественная сила, ясно понимающая свое значение и цели», более того, «опора широкой политики возвышения Владимирской земли, вступающей в смелую борьбу с хаосом феодальной раздробленности» (8). Их «правда» отлична от боярской «правды», основанной на господстве Ростова над «пригородами».

Во Владимире не было старых боярских родов. Главную силу там составляли верхи городского населения. Таким было положение и в Переяславле-Залесском, где отсутствовал даже детинец. Кольцо валов и стен предназначалось словно для защиты одних горожан (9).

Своим успехом «Михалко» и Всеволод, как считает Н.Н. Воронин, были обязаны именно горожанам, причем и владимирским, и ростово-суздальским. (Другого мнения придерживается Ю.А. Лимонов, утверждая, что Юрьевичам помогали «владимирские феодалы» и бояре «более мелкого калибра»).

Князя, по Н.Н. Воронину, предоставили посадочному люду какие-то льготы в благодарность за поддержку. «Михалко» после победы отправился в Ростов и Суздаль, где «створи людем весь наряд, утвыердивься крестным

целованьем с ними». Это летописное сообщение историк считал свидетельством уступки горожанам со стороны князя.

Рассказ из владимирского летописного свода конца 1170-х гг. о борьбе за наследство Андрея Боголюбского Н.Н. Воронин определил как «Повесть о междукняжии», подчеркивая ее цельный характер. Лейтмотив этой «Повести» – борьба горожан и старой знати, Владимира и Ростова, «старых и новых городов» (10).

Владимирский «мятеж» (1177 г.) и взятие Торжка (1178 г.) в представлении Н.Н. Воронина обнаруживают ослабление союза княжеской власти и горожан; последние, точнее, дружинники, проявили неповиновение Всеволоду Большое Гнездо. На взгляд Н.Н. Воронина, эти дружинники представляли новое дворянство – старую чадь, иноплеменников, и, возможно, кушдов (11).

В понимании Н.Н. Воронина Андрей Боголюбский выступал борцом за единство древнерусских княжеств. Как нам представляется, историк несколько преувеличил политическую дальновидность этого правителя. Желание Андрея подчинить своей воле другие земли и княжества скорее всего обуславливалось его властолюбием.

Посадское население Н.Н. Воронин признавал основной политической силой Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII в. По заключению ученого, горожане решили судьбу владимирского стола вскоре после гибели Андрея Боголюбского, а князь строил свои взаимоотношения с ними на основе договоров.

Н.Н. Воронин предложил ряд оригинальных решений проблем истории Северо-Восточной Руси. Думается, однако, что многие его выводы являются конъюнктурными и не выходят за рамки популярных в советской историографии догм.

1. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. 1. С.114.

2. Там же. С.115.

3. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля в X-XIII вв. // Русские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 219.

4. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 116.

5. Воронин Н.Н. К характеристике владимирского летописания 1158-1177 гг. // Летописи и хроники: 1976 г. М., 1976. С. 27.

6. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т.1. С. 345.

7. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 223.

8. Воронин Н.Н. Владимир: Боголюбово: Суздаль: Юрьев-Польской. М., 1965. С. 15.

9. Воронин Н.Н. Переяславль Новый // Средневековая Русь. М., 1976. С.142.

10. Воронин Н.Н. К характеристике владимирского летописания... С. 33.

11. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 225.

**Бабушкина С.Л.
(Нижневартовск)**

**Профессиональное обучение в Ханты-Мансийском
национальном округе в годы Великой Отечественной войны**

В связи с расширением рыбного производства в годы Великой Отечественной войны, а также развитием новых отраслей хозяйства, потребности в рабочей силе в округе резко возросли. В то же время трудовые ресурсы Севера непрерывно сокращались в результате естественной убыли и мобилизации на фронт. За первый год войны численность рабочих и служащих в округе уменьшилась на 50% (1). Особенно, кадровый дефицит стал ощущаться с 1943 г., когда на фронт мобилизовали бывших спецпереселенцев. Возникла острая необходимость в профессионально-техническом обучении молодых работников.

Возросшая в годы Великой Отечественной войны потребность в кадрах обусловила возникновение в окружном центре новых учебных заведений. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 10.06.1942 г. за № 1906 ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 06.01.1942 г. за № 19 и указаниями Главного Управления трудовых резервов при СНК СССР был издан приказ по Омскому областному управлению трудовых резервов г. Омска за № 226 от 30.06.1942 г. : организовать школу ФЗО № 16 в с. Самарово к 15 июля 1942 г. с контингентом в 150 человек на базе Омскрыбтреста с профессиями - одна группа плотников гражданского строительства 40 человек, одна группа бондарей 40 человек и две группы судоплотников по 35 человек в каждой, т.е. 70 человек и всего 150 человек (2).

Согласно протоколу заседания Исполнительного комитета Самаровского райсовета от 22 июля 1942 г. № 48 на нужды ФЗО передавался клуб на окраине с. Самарово, использовавшийся частично под квартиры. Школа начала занятия с 1 сентября 1942г. (3). Предназначенный клуб под школу ФЗО № 16 был полностью заселен за исключением зрительного зала и разрушенной сцены, заваленных дровами и прочим имуществом жильцов райотдела НКВД. Аппарат школы и склад размещался в двух квартирах из 4-х комнат. Однако 50 человек учащихся не имели общежития и жили в здании заезжего двора, совершенно не приспособленного и требующего ремонта. База производственного обучения предприятий Омгосрыбтреста оказалась не обеспечивающей производственное обучение. Как отмечал в объяснительной записке директор школы ФЗО № 16 И.М. Лисняк 12 октября 1942 г., самые крупные недостатки в школе проявлялись в:

«а) отсутствие штата руководящего 1. заместителя по политчасти, старшего мастера (т.е. заместителя по производственной части), а также 4 мастера производственного обучения. На месте, которых я взял временно исполняющих до постоянных мастеров, и как специалисты могут быть ис-

пользованы, но как воспитатели совершенно неспособные и не могут быть, ибо это спецпереселенцы, которым и доверять нельзя, и в кратчайшие сроки необходимо заменить;

б) отсутствие жилой площади в количестве 50 человек для учащихся, красного уголка, изолятора, умывалки и раздевалки, а также складских помещений и служебных, ввиду чего нельзя создать нормальных условий для жизни учащихся и проведения политико-массовой воспитательной работы;

в) отсутствие своей столовой - учащиеся питаются в столовой (ресторане) Самаровского сельпо, где зачастую в столовой можно встретить ряд безобразий со стороны посетителей с пароходов, которые в нетрезвом виде ведут себя нетактично, что ни в коем случае недопустимо в среде учащихся, а также приготовление пищи и выдача учащимся не поддается никакому контролю, а качество и количество неудовлетворительно. Снабжение учащихся идёт через Самаровский рыбкооп и продукты полностью не выдаются, за неимением на базе, а другими не возмещаются;

г) нательным бельём, обувью кожаной и постельной принадлежностью, кроватями, матрацами, простынями одеялами обеспечены полностью за исключением верхней одежды, мыла, полотенец и шапок из того, что полагается со школы» (4).

По плану в школе должно обучаться 150 чел, фактически же на 25 ноября 1942 г. обучалось 152 по профессиям: бондарь, судовой плотник, плотник. Из них, 8 человек взято из дома заключения в ФЗО в соответствии с законом правительства. К началу открытия ФЗО было принято 188 человек учащихся, но 43 человека выбыли из школы самовольно в период октября-ноября. По положению, возраст принимаемых был установлен с 15 до 18 лет, в школе обучались 18 летних – 17 чел., 17-летних – 57 человек, 16 – летних – 62 чел., 15-летних – 6 чел., 19-летних - 3 (за исключением заключенных). Образовательный уровень учащихся был следующим: с образованием 4 класса - 31 чел.; 5 классов - 37 чел.; 6 классов - 26 чел.; 7 классов - 41 человек; 8 классов - 8 человек.

12 июля 1942 г. Омский облисполком принял специальное постановление «О призыве молодежи в школы ФЗО». Согласно этому постановлению все дети сектантов, сосланных в Ханты-Мансийский округ, были направлены в Самаровскую школу ФЗО (71 человек). Эта акция была предпринята с целью «оторвать» молодежь от влияния верующих родителей. Беремся предположить, что среди первых учащихся школы ФЗО № 16 была и эта молодежь.

Производственное обучение вели 4 мастера-практика, все они были малограмотные, подготовки, соответствующей положению о ФЗО, не имели. Так, на должность слесаря принят был Рейх, эвакуированный из Ленинграда, который имел специальность зубного техника, но слесарного дела не знал. Плана работы у мастеров не было, программами производственного обучения дирекция мастеров не обеспечила, таким образом, обучение уча-

щихся предоставлялось самотеку. Не отводилось должного места и времени теоретическому обучению, обучение ограничивалось развитием практических навыков. Рабочими местами и инструментами учащиеся не были обеспечены, за исключением одной бондарной группы, которая только через два месяца обучения приступила к своей непосредственной бондарной работе.

Жилищные условия были неудовлетворительные, свыше 30 человек ютились на нарах и в коридорах. Столов и стульев в интернате не было. Освещение в вечернее время – керосиновые лампы. На 150 учащихся выписывалось только 3 экземпляра газеты «Сталинская трибуна», радио в интернате отсутствовало, фонд библиотеки насчитывал 30 экземпляров. Успеваемость в школе была низкая. По сведениям успеваемости на 26 ноября 1942 г. на «отлично» учились 29 человек, на «хорошо» - 54, «посредственно» - 51, «плохо» - 8. За факты прогула со стороны дирекции мастерам было дано распоряжение вместо других мер воздействия - не кормить (5). С 1942 по 1945 гг. школа выпустила 175 плотников, 123 судовых плотника, 270 бондарей (6).

В июне 1945 г. на базе окружной колхозной школы организована Ханты-Мансийская окружная одногодичная сельскохозяйственная школа, которая являлась единственным в округе учебным заведением, готовящим сельскохозяйственные кадры. За период с 1940 по 1949 гг. колхозной, а затем сельскохозяйственной школой выпущено: агротехников – 136; ветфельдшеров - 186; животноводов - 159; счетоводов - 232; прочих – 161. Из 874 чел, окончивших школу, коренного населения – хантов, манси, зырян, ненцев было 110 чел. – 13% (7).

Дирекция школы указывала на низкий образовательный уровень, особенно молодого коренного населения Севера (направляется молодёжь с 4-5 - летним, а нередко и с 2-3 - летним образованием). В итоге школа выпускала недостаточно квалифицированных специалистов и считала необходимым перевод школы на 2-х годичный срок обучения: *1-й курс подготовительный* – принимать учащихся, командированных колхозами независимо от национальности и образования. *2-й курс* – перевод с 1-го курса и принимаются лица, окончившие 7 классов и имеющие опыт работы в области сельскохозяйственного производства. Здание, в котором располагалась школа было одноэтажным, деревянным, полезной площадью 383 кв.м, при переводе на 2-х годичный срок обучения этой площади было явно недостаточно. В условиях Ханты-Мансийска, испытывавшего острый недостаток в помещениях, эта площадь могла быть получена только путём постройки помещений самой школой.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны округ за счет собственных ресурсов осуществлял подготовку необходимых кадров рабочих и специалистов.

1. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Томск, 1986. С. 136.

2. Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (Далее – ГАОПОТО). Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.75.
3. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.78.
4. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.77-78.
5. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.658. Л.111-112
6. Андросенко В.И. Ханты-Мансийск. 1979. С.57
7. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.1283 . Л.2.

Баранов Е.Ю.
(Екатеринбург)

**Факторы кризиса сельскохозяйственного производства
Уральской области
в начале 1930-х годов в контексте модернизационной теории***

В исторической литературе сегодня активно обсуждается кризис сельского хозяйства в СССР в начале 1930-х годов. Среди ученых возникла дискуссия по вопросу иерархии факторов кризиса и его хронологических рамок. Выделяются следующие факторы кризиса: плохие погодные условия 1931 и 1932 гг., которые негативно отразились на урожае, коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовительная политика советского руководства, «саботирование» крестьянами сельскохозяйственных кампаний, недостаточная агрикультурная работа, нарушение агротехнических правил.

Посмотрим на данный кризис в контексте модернизационной теории. Советский опыт модернизации сельского хозяйства конца 1920-х – начала 1930-х гг. состоял в механизации, внедрении новых агротехнологий, снижении до минимума рыночных механизмов регулирования экономики сельского хозяйства, становлении нового хозяйственного уклада, ставка в котором делалась на коллективную форму производства и его народнохозяйственном планировании. Причем социально-экономическая трансформация советской деревни обеспечивала, прежде всего, потребности индустриального развития страны (1).

Основным содержанием развития сельского хозяйства в годы первой пятилетки стала коллективизация. В 1932 г. колхозами было охвачено 59,3% крестьянских хозяйств по сравнению с 1,9% хозяйств в 1928 г. (2). В уральской историографии можно встретить различные данные о проценте коллективизированных хозяйств в 1932 г. (60%, свыше 68%, 70% всех крестьянских хозяйств (3)).

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «РГНФ – Урал» проект № 04 – 01 – 83102 а/У

Колхозное движение шло по возрастающей быстрыми темпами. Резкое снижение доли коллективизированных крестьянских хозяйств в период с конца марта по сентябрь 1930 г. связано с временным отступлением советского руководства от проведения коллективизации насильственными, административными методами. Доля коллективизированных хозяйств уменьшилась с 70,5 до 26,3% (4). Причиной спада колхозного движения и снижения темпов коллективизации зимой – весной 1932 г. явилось тяжелое положение многих колхозов, вызванное засухой и недородом 1932 г. в зерновых районах, организационно-хозяйственной неустroенностью большинства колхозов, ошибками, допущенными при обобществлении скота. Сокращение численности колхозов зимой – весной 1932 г. составило примерно 22%. Но спад колхозного строительства зимой – весной 1932 г. по своим масштабам и продолжительности не может сравниться со спадом весны – лета 1930 г.

Высокими темпами на Урале шло совхозное строительство. В 1928 г. в области был 51 совхоз (5). В 1932 г. их число увеличилось до 277. Трестированных совхозов в 1929 г. насчитывалось 23 из 52, в 1932 г. – 136, в 1933 г. – 139 (6). Удельный вес совхозного сектора в сельскохозяйственном производстве Урала в конце 1932 г. составлял 10% (7).

Советское руководство предоставляло значительные денежные средства на развитие перспективных, по его мнению, форм организации сельскохозяйственного производства. В 1931 и 1932 гг. более половины всех средств, вкладываемых в сельское хозяйство области, шло на развитие социалистического сектора (82 и 94,6 млн соответственно (8)). Значительные государственные средства шли на совхозное строительство, особенно на покупку дорогостоящего импортного оборудования. Однако приобретенная техника использовалась в хозяйствах только на 25 – 30% (9).

Приоритет, отдаваемый государством колхозно-совхозному сектору, проявлялся не только в увеличении капиталовложений, но и в снабжении его техникой. В 1929 г. в области начались организация тракторных колонн, строительство первых государственных машинно-тракторных станций: Шумихинской, Щучанской, Петуховской, Лебяжьевской, Карталинской и др. (10). Выросла мощность тракторного парка, который в начале 1930-х годов состоял в основном из колесных тракторов разных мощностей «СТЗ» и «ХТЗ», «Фордзон», «Интер22/36», «Кейс22/36» (11). Однако рост числа МТС не сопровождался пропорциональным увеличением тракторов. В 1930 г. на одну МТС приходилось 47,75 тракторов, в 1931 г. – 30,52, в 1932 г. – 22,76, в 1933 г. – 43,29 (12). С каждым годом увеличивалось число колхозов, обслуживаемых станциями, при этом МТС не достаточно снабжались машинной техникой, что отрицательно влияло на качество проведения сельскохозяйственных кампаний, прежде всего в колхозах. Доля колхозов, обслуживаемых МТС, осенью 1933 г. достигла 37,9% (13) в общем числе колхозов области, хотя до конца первой пятилетки уральские МТС обслуживали

менее трети колхозов области (14). Тракторный парк колхозов, не обслуживаемых МТС, сокращался.

Вместе с тракторным парком в уральских МТС появилось значительное количество комбайнов и грузовых автомашин, которые еще в 1931 г. имелись не на всех МТС области. Однако их число также не росло пропорционально количеству МТС (1930 г. – 3,25 грузовых автомашин на одну МТС, 1932 г. – 1,39) (15). Если говорить о производственной деятельности МТС, то ими не выполнялись планы вспашки паров, заготовки зяби, сеноуборочной кампании и силосования.

Общий тракторный парк Уральской области в 1928 – 1933 гг. вырос в 13,6 раза (16). До 1930 г. основной массив тракторов находился в колхозах области. Затем начался быстрый рост тракторного парка совхозов, МТС. Наличие тракторов влияло на состояние тягловой силы. Но вследствие их недостатка и низкой доли механической тяги в общем объеме тягловой силы области, тракторный парк не имел решающего значения при обработке земли. Изучение динамики тягловой силы показало, что с 1929 г. шло ежегодное ее сокращение. Прежде всего, это связано с уменьшением числа тягловых животных. По сравнению с 1927 г. количество рабочих лошадей к 1933 г. уменьшилось больше, чем в 2 раза, рабочих волов – почти в 3 раза (17), однако они оставались основной тягловой силой. Такая ситуация сложилась вследствие падежа скота из-за нехватки кормов и чрезмерной нагрузки, а также нежелания крестьян обобществлять скот, приведшего к забое животных.

Сокращение поголовья рабочих лошадей и расширение посевов вели к увеличению нагрузки лошадей по обработке земли. Нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем по области в 1930 – 1932 гг. выросла почти в два раза. Более высокой нагрузка лошадей в 1931 и 1932 гг. была в Центральном и Южном Зауралье – основных сельскохозяйственных районах области – вследствие наиболее значительного увеличения посевной площади. В декабре 1932 г. в письме в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину секретарь Уралобкома ВКП(б) И.Д. Кабаков писал о сложившейся критической ситуации с рабочими лошадьми, сравнивая их нагрузку в 1928 и 1932 гг.: «нагрузка на лошадь за 4 года по области увеличилась с 3 га до 8,3 га, причем в колхозах нагрузка в 1932 году достигла 10,3 га... Сложилось исключительное положение. В Южном Зауралье на каждую лошадь в 1928 году было посеяно 4,2 га, а в 1932 году 15 га. В Центральном Зауралье в 1928 году было посеяно 3,1 га, а в 1932 году в колхозах 14,2 га» (18). По отдельным районам в колхозах показатели нагрузки на лошадь в 1932 г. были более высокими, чем максимальные значения средней нагрузки в зерновых регионах области. Так, в колхозах Лебяжьевского района нагрузка на одну тягловую единицу составила 23 га посева, Петуховского – 22 га, Подвинного – 20,7 га, Усть-Уйского – 19,5 га, Полтавского – 17,97 га, Макушинского – 17,8 га, Ялано-Катайского – 15 га и т.д. (19). В Центральном и Южном Зауралье наибольшую среднюю нагрузку на одну рабочую лошадь (свыше 20 га) в 1932 г. имели следующие

районы: Лебяжьеvский – 25,40, Петуховский – 22,05, Подовинный – 21,32, Магнитогорский – 20,84 га (20). Причем эти районы являлись основными по площади посева зерновых и по объемам хлебозаготовок.

Перемены в социально-экономической структуре уральской деревни сопровождались изменениями в основных показателях аграрного производства. Размеры посевных площадей увеличились с 1928 г. по 1933 г. на 32,6%: с 5165,6 тыс. до 7669 тыс. га (21). Причем в 1930 – 1933 гг. наблюдался ежегодный прирост посевной площади. Посевные площади колхозов выросли так, что в 1932 и 1933 гг. колхозы имели свыше трех четвертей всех посевов области. В эти же годы, но не в таких больших масштабах, расширялись площади посевов в совхозах. И в 1932, 1933 гг. социалистический сектор сельского хозяйства обрабатывал более 90% посевных площадей Уральской области (22). Таким образом, к концу первой пятилетки колхозы и совхозы заместили в полеводстве единоличные хозяйства. При этом следует учитывать, что в полеводческой отрасли сельского хозяйства произошел поворот в направлении первоочередного обслуживания потребностей городского населения и нужд легкой и перерабатывающей промышленности.

Посевные площади зерновых и бобовых культур увеличились на 24,5%: с 4775,6 тыс. га в 1928 г. до 5947,5 тыс. га в 1933 г. В погоне за ростом зернопроизводства в неурожайные 1931 и 1932 гг. они достигали соответственно 6269,7 тыс. и 6088,2 тыс. га (23). В структуре посевных площадей вырос удельный вес овощных, технических и кормовых культур. Однако, площади сенокоса в области с 1931 по 1933 гг. сократились на 11,8% (24), что негативно отразилось на кормовой базе.

Полеводство в Уральской области носило экстенсивный характер. Развитие этой отрасли не сопровождалось повышением урожайности. Она зависела от природно-климатических условий региона и качества проводившихся агротехнических мероприятий (культивирование земли, сроки проведения посевной кампании). В годы сплошной коллективизации в области недостаточно качественно проводились паровая и зяблевая обработки почвы. За сокращением площади паровой земли последовало истощение почвы. Уменьшение зяблевой вспашки привело к понижению всхожести растений, засоренности всхода сорняками и сельскохозяйственными вредителями, болезням растений. Большая часть сева проводилась по весновспашке, что увеличивало его сроки.

Сельское хозяйство Уральской области испытывало недостаток в минеральных удобрениях. В 1931 – 1933 гг. происходило ежегодное сокращение их завоза. Не осуществлялся в соответствии с планом их завоз в 1931 и 1932 гг. В 1931 г. совхозы и колхозы области поступило 76,4% (25441,6 т) намеченного плана завоза минеральных удобрений, в 1932 г. – 72,3% (24110,5 т). Но по сравнению с поступлениями 1930 г. (13459 т) рост был очевиден (25). Наметились позитивные сдвиги в структуре завоза минеральных удобрений. В 1931 и 1933 гг. в область кроме калийных и фосфорных

доставляли еще азотистые удобрения, которые составляли еще незначительную часть общей массы удобрений (2% и 3% соответственно (26)). Следует учитывать отсутствие опыта химизации сельскохозяйственного производства в уральской деревне до 1930-х гг. Ранее крестьяне, стремясь наиболее эффективно использовать свои земельные наделы, для восстановления плодородия использовали биологические (навоз) и искусственные (известь, зола) удобрения.

Существенное значение для сельского хозяйства имеет время проведения посевной кампании, а в связи с краткостью вегетативного периода на Урале ее необходимо было проводить в сжатые сроки. Поздние посевы, производившиеся после 1 июня, в большинстве районов в значительной части не дозревали из-за наступавших заморозков или дозревали поздней осенью, когда осложнялось дело с уборкой урожая в связи с распутицей. В 1931 – 1933 гг. в Уральской области запаздывали с проведением ярового сева. Основная часть сева проводилась в конце мая – июне, сев затягивался до конца июня. С проведением посева особенно опоздали в 1932 г., когда по состоянию на 1 июня было засеяно лишь 57% всей посевной площади (27). Замедление темпов сева в 1931 – 1932 гг. стало одним из факторов снижения урожайности. Хотя в 1931 г. они были более высокими, чем в 1933 г. Так, на 1 июня 1931 г. было засеяно 74,4% площади ярового сева, в 1933 г. – лишь 61,9% (28), а с урожаями произошло обратное. Это говорит о наличии иных причин снижения урожая, чем запаздывание с проведением сева, и влияние на них плохих погодных условий. В целом, на урожаях отразился низкий уровень агротехники.

Средняя урожайность зерновых культур в области за рассматриваемый период уменьшилась на 27,4% (с 9,8 до 7,3 ц с га) (29). Снижение урожайности, не обернувшееся для сельского хозяйства непосредственным кризисом, произошло в 1929 г. Резкий спад урожайности зерновых культур наблюдался в 1931 г. Толчком к недороду стала засуха, распространившаяся почти по всей территории Урала. Количество осадков, выпавших на Южном Урале, во время созревания яровых хлебов (с 11 апреля до 11 июня) было в четыре раза меньше необходимого для нормального роста растений. В Зауралье летом 1931 г. значительная часть посевов погибла от суховея (30). В целом по Уральской области урожайность зерновых составила 2,72 ц с га (31), а в Центральном и Южном Зауралье (основных зернопроизводящих районах области) – соответственно 1,4 и 0,6 ц с га. В Южном Зауралье пшеницы собрали 0,6 ц с га, ржи – 1,1, овса – 0,3, проса – 1,9, ячменя – 0,2 (32). Погектарные сборы в северных районах в несколько раз превышали сборы в Южном Зауралье, но посевов там было меньше, поэтому и урожай 1931 г. оказался низким. В следующем 1932 г. погодные условия оказались также неблагоприятными. Второй год подряд был недород хлебов. Урожайность зерновых в колхозах Уральской области достигла 5,2 ц с га (33), что было выше, чем в целом по Уралу (4,6 ц с га), но ниже, чем по РСФСР (6,5 ц с га)

и СССР (6,8 ц с га) (34). В том же году в области был получен самый низкий урожай картофеля.

В северных районах, Предуралье и горнозаводском Урале и в течение 1928 – 1932 гг. урожаи были более высокими, чем в Центральном и Южном Зауралье. При определении причин низких урожаев 1931 и 1932 гг. следует учитывать стремление центрального и местного руководства быстрее провести коллективизацию в главных земледельческих районах области. И к концу первой пятилетки в Зауралье было коллективизировано 67,8% крестьянских хозяйств, а в целом по области – 60% (35). То есть в зоне, в большей степени ответственной за производство полеводческой продукции, колхозное строительство разворачивалось гораздо шире. В 1927 – 1929 гг. колхозы находились в более выгодном положении вследствие лучшего обеспечения колхозов сельскохозяйственным инвентарем, протравленными семенами. Но уменьшение паровой вспашки, нарушение севооборота отрицательно сказывались на плодородии почвы, вели к ее истощению.

Следует отметить, что в 1930 – 1933 гг. средняя урожайность зерновых была выше в единоличных хозяйствах и индивидуальных хозяйствах колхозников. В неурожайном 1931 г. она составила 4,2 ц с га в отличие от урожаев колхозов – 2,54 ц с га и совхозов – 1,27 ц с га. А в следующем 1932 г. она достигла 6,7 ц с га, находясь на уровне 1929 г. Таким образом, несмотря на все социальные и экономические потрясения, единоличный сектор показал лучшую способность к производству сельскохозяйственной продукции. Он и в 1933 г. превзошел в показателях урожайности колхозно-совхозный сектор (7,83 ц с га по сравнению с 7,1 – в колхозах и 7,02 – в совхозах) (36).

В период с 1928 по 1933 гг. в валовой продукции зерновых культур значительно вырос удельный вес колхозов: с 1,6 до 82,8%, и уменьшилась с 98,1 до 6,7% доля единоличных хозяйств (37). Колхозы стали основными производителями сельскохозяйственной полеводческой продукции, но в первые годы своего доминирования они не смогли обеспечить необходимых объемов производства. Объемы валовой продукции зерновых культур в области за 1928 – 1933 гг., несмотря на рост посевных площадей, не только не увеличились, но и снизились на 9,5%: с 46891 до 42445 тыс. ц. В 1931 г. производство зерновых сократилось в 2,6 раза по сравнению с 1928 г. Областные валовые сборы зерновых 1932 г. были на 32,9% ниже сборов 1928 г. (38).

Сокращение производства сельскохозяйственной продукции влекло ослабление кормовой базы. Это отрицательно сказывалось на численности скота. С 1927 по 1933 гг. поголовье скота в области уменьшилось по всем категориям хозяйств: овец и коз – на 50,73%, свиней – на 66,95%, лошадей – на 61,0%, крупного рогатого скота – на 50,3%, в том числе коров – на 35,85% (39). Значительное сокращение поголовья скота в области произошло в 1930 – 1932 гг. Основными причинами были: забой крестьянами личного скота

из-за нежелания отдавать его в колхозное стадо и для употребления в пищу в «голодные годы»; падеж скота из-за недостатка кормов и чрезмерной нагрузки на полевых работах. Лишь в 1934 г. удалось приостановить падение поголовья.

Советское руководство не реагировало адекватно на сложившуюся в уральской деревне кризисную ситуацию, усилению которой способствовала заготовительная политика советского руководства, направленная на максимальное изъятие сельскохозяйственной продукции из деревни и обеспечение продовольственные и материальные потребности форсированной индустриализации. С этой целью советское руководство увеличивало заготовительные планы. Планы хлебозаготовок из урожаев 1931 и 1932 гг. превышали планы конца 1920-х годов почти в два раза. В ходе хлебозаготовительных кампаний изымалось даже зерно из семенных, кормовых и личных крестьянских фондов. В счет хлебозаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено по разным оценкам от 32 до 43 – 45% собранного зерна (40).

В связи с чрезмерным изъятием в ходе заготовок сельскохозяйственной продукции в уральской деревне с 1928 г. стали возникать продовольственные затруднения, которые в 1932 – 1933 гг. обернулись голодом для населения региона. Наиболее пораженными голодом были районы Центрального и Южного Зауралья. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзного демографического кризиса начала 1930-х гг., который коснулся и населения Уральской области.

Итак, коллективизация уральской деревни, сопровождавшаяся раскулачиванием, привела с 1931 г. к доминированию социалистического сектора в сельском хозяйстве области. Но вместе с тем, 1931 г. – это начало резкого спада сельскохозяйственного производства, продолжавшегося до 1933 г., основные причины которого были заложены самим ходом аграрной революции. Несмотря на приоритетное государственное материально-техническое и агротехнологическое оснащение, колхозно-совхозный сектор не смог противостоять природно-климатическим условиям и удержать объемы производства. Среди объективных (плохие погодные условия) и субъективных (комплекс мер, решений советского руководства, определяющих аграрную политику) факторов кризиса сельскохозяйственного производства мы, прежде всего, выделяем политику советского руководства по смене хозяйственного уклада (в т.ч. формы организации производства) в деревне, которая воплощалась форсированными темпами, недостаточными механизацией и агрикультурной работой при расширении посевных площадей.

Ставить на первое место в иерархии факторов кризиса плохие погодные условия, на наш взгляд, нельзя еще потому, что и в 1929, 1930 гг., как свидетельствуют архивные документы, недород наблюдался в отдельных районах области. Но он не привел в целом к стремительному падению сельскохозяйственных показателей и последовавшему кризису не только региональной аграрной экономики, но и социальной сферы.

В рамках концепции агроперехода кризисные явления в сельскохозяйственном производстве Уральской области в начале 1930-х годов объясняются началом очередного периода трансформации аграрной сферы (41). Но объективные трудности модернизационных процессов, вероятно, могли иметь не столь серьезные социально-экономические последствия (как, например, голод) при более гибкой аграрной политике советского руководства.

1. См.: Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // Уральский исторический вестник. №5 – 6. (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 381; Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в Российской истории: Докл. междунар. науч. конф., 2 – 3 июля 2004 г. Екатеринбург – М., 2004. С. 136 – 144.
2. См.: Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 95, 100.
3. История народного хозяйства Урала: В 2ч. Свердловск, 1988. Ч. 1: 1917–1945. С. 131; Крумин Г.И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП (б) 22 января 1933г.). М., Свердловск, 1933. С. 27; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1972. С. 65.
4. См.: Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928 – 1933 гг.: Дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 44: Таблица 1. Динамика коллективизации крестьянских хозяйств в Уральской области в 1928 – 1933 гг.
5. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 85. Л. 15.
6. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 131; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.
7. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928 – 1932гг.): Автореф. дисс...канд. ист. наук. С. 14.
8. Власова Л.П., Ефременков Н.В. Указ. соч. С. 68; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
9. Алексеева Л.В. Указ. соч. С. 14.
10. История народного хозяйства Урала Ч. 1. С. 117.
11. ГАСО. Ф. Р–1824. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 10, 11.
12. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 92, 97. Расчеты проводились без учета числа МТС и тракторов Сеноцентра
13. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 97.
14. История народного хозяйства Урала Ч. 1...С. 157; Алексеева Л.В. Указ. соч. С. 16.
15. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 97.
16. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 92.
17. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 93.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 85.
19. Там же.
20. ГАСО. Ф. Р–1824. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 а.
21. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.

22. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
23. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
24. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 94.
25. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
26. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
27. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.
28. Там же.
29. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
30. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. М., 1986. С. 255.
31. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
32. Уральское хозяйство в цифрах. 1931 – 1932 гг. Свердловск, 1933. С. 167.
33. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
34. История крестьянства СССР. Т. 2. С. 256.
35. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 131.
36. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
37. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
38. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
39. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 82.
40. См.: ГАРФ. Ф. А - 262. Оп. 1. Д. 3794. Л. 49, 49 об., 50; Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928 – 1933 гг.: Автореф. дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930 – 1933 гг. // Научно-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 54 – 56; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 56.
40. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке...С. 136 – 137.

**Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е.
(Екатеринбург)**

Историография аграрного производства и продовольственного обеспечения в условиях “революции сверху”*

Обеспечение продовольственной безопасности страны актуализирует региональные исследования по определению потенциальных возможностей продовольственного самообеспечения индустриально развитых территорий. Исторический опыт России предостерегает, что нехватка продовольствия, угроза голода приводили к массовому недовольству и социальным потрясениям.

Историки все чаще сталкиваются с проблемами, анализ которых возможен только на стыке различных дисциплин, что позволяет выйти на новый уровень восприятия и обобщения исторических процессов. К разряду сложноструктурированных тем относится и изучение продовольственного

обеспечения общества на разных уровнях его организации: государство, регион, национальная группа, домохозяйство, семья. Достижение определенного уровня продовольственной обеспеченности было всегда основной задачей общества в целом и конкретного индивидуума, ибо в основе этого лежит инстинкт самосохранения, на котором базируется вся человеческая деятельность.

Уровень продовольственного обеспечения – один из показателей состояния экономики в целом и сельскохозяйственного производства в частности. На его формирование оказывал влияние целый ряд факторов, таких как развитие аграрного производства, торговли, организация снабжения, культура и традиции продовольственного потребления, демографические процессы.

Исторический аспект данной проблемы представляет интерес и является актуальным, так как позволяет понять проблемы современного аграрного сектора, продовольственной политики, пути и тенденции их развития. Изучение процессов, проходивших в стране с конца 1920-х гг., позволяет исследовать изменения векторов в развитии сельскохозяйственного производства, происшедшие в результате коллективизации, и в механизме продовольственного обеспечения населения – переход к нормированному распределению продуктов питания.

Период советской истории с конца 1920-х гг. дает пример формирования механизма продовольственного обеспечения через народнохозяйственное планирование, которое в силу исключительной сложности объекта управления далеко не всегда справлялось с поставленной задачей. Продовольственный дефицит, а порой, и голод были нередким явлением в советской действительности. В хозяйственной региональной политике преимущественное внимание уделялось отраслям тяжелой промышленности в ущерб легкой и пищевой промышленности и сельскохозяйственному производству, что привело в начале 1930-х годов к аграрному кризису и голоду 1932–1933 гг. в стране в целом, и в Уральской области в частности. Изучение аграрного производства и продовольственного обеспечения населения в 1928–1933 гг. на основе регионального материала является актуальным, поскольку позволяет учитывать исторический опыт при определении перспектив аграрного развития страны и формировании оптимального механизма продовольственной безопасности.

Изучение проблемы аграрного развития имеет достаточно обширную историографическую традицию, чего нельзя сказать об изучении продовольственного обеспечения населения. Исследование проблем аграрного развития достаточно четко разделяется на два этапа: первый, хронологически более длительный, охватывает литературу, вышедшую до конца 1980-х годов и характеризуется господством марксистско-ленинской методологии; второй – с конца 1980-х гг. отличается от первой деидеологизацией истории как науки, отмечается поиском новых методологических подходов, расширением исследовательской проблематики.

По истории советской деревни и крестьянства в доколхозный период и годы сплошной коллективизации создана значительная по объему и научным достижениям литература. До конца 1980-х годов советская аграрная история рассматривалась через призму побед и преимуществ колхозно-совхозного строя. Проблемы сельскохозяйственного производства служили фоном, на котором демонстрировались достижения в деле колхозного и совхозного строительства. Поэтому, на наш взгляд, следует уделить внимание вопросу историографии коллективизации.

В истории изучения советского крестьянства после начала коллективизации до конца 1980-х принято выделять четыре периода с примерными рубежами: конец 1930-х годов, середина 1950-х и середина 1960-х годов.

Первый период характеризуется тем, что процесс коллективизации крестьянских хозяйств изучался в ходе его осуществления. Основная литература по истории крестьянства и колхозов была представлена работами непосредственных участников колхозного строительства, она содержала фактические материалы текущей статистики, наблюдения современников (1). Но недостатками этих работ было наличие ошибок конкретно – исторического характера вследствие слабой источниковой базы. В это время вышли работы М. Власова, А.С. Либкинда, В. Большакова, Е.И. Ильина. Они заложили основу советской историографии социалистического преобразования деревни (2).

В конце 1930-х годов предпринимались первые попытки написать обобщающие исследования о социалистическом преобразовании в деревне, о победе колхозного строя (3).

Работы, вышедшие с конца 1930-х по первую половину 1950-х годов, в основном, комментировали и иллюстрировали отдельными фактическими примерами положения «Краткого курса истории ВКП (б)» (4). Коллективизация в них показывалась довольно идиллически: «Крестьяне массами приходили в колхозы, в МТС, наблюдали за работой тракторов, сельхозмашин, выражали свой восторг и тут же принимали решение – «пойти в колхозы» (5).

Следует отметить, что для литературы второй половины 1930-х – первой половины 1950-х годов свойственны догматизм и иллюстративность изложения. Так, особое место в историографии занимает книга М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР», вышедшая в 1954 г. (6). Для своего времени она давала наиболее полный очерк развития сельского хозяйства за первые двадцать лет Советской власти. Насыщенность цифровыми данными производила впечатление значительной фактической основы книги, свидетельствовала о стремлении преодолеть цитатно–иллюстративный метод изложения и изложения истории. Однако концепция книги полностью воспроизводила схему «Краткого курса истории ВКП (б)». Цифровой материал оставался только суммой примеров.

С середины 1950-х годов начался новый период в развитии отечественной историографии, в ходе которого историки на основе широкого круга архивных источников пытались критически переосмыслить историю совет-

ского общества с позиций марксистско-ленинской методологии. Это касалось и аграрной тематики.

Новаторские идеи появились в работах В.П. Данилова, В.М. Селунской: ими было доказано отсутствие необходимой материально-технической базы для производственной кооперации деревни к концу 1920-х годов, подчеркивалась роль административных методов в проведении коллективизации (7). В.П. Данилов пришел к выводу, что «к началу массового колхозного движения еще не было создано материально-технической базы для социалистического сельского хозяйства, но отдельные элементы ее уже имелись, образуя предпосылки для осуществления коллективизации» (8). Однако следует оговориться, что В.П. Данилов не исследовал глубоко вопроса технической оснащенности сельского хозяйства отдельных регионов страны. Вскоре данная инновационная тенденция в изучении социалистического преобразования сельского хозяйства была прервана.

В 1950-е годы в исторической литературе встречались неверные оценки состояния сельскохозяйственного производства в годы аграрной реформы. Э. Бурджалов, М.А. Краев вопреки фактам понижения показателей в растениеводстве сообщали о повышении урожайности и увеличении валового сбора зерновых культур в 1930–1932 гг. (9). А. Гончаров, А. Ильин, И. Лаптев, Ф. Пиджарый, посвятив свои работы проблемам истории советского государства во время коллективизации сельского хозяйства и «борьбы» коммунистической партии за ее проведение, вообще воздержались от оценки состояния аграрного производства (10).

Отдельными исследователями отмечались факты уменьшения валового сбора зерна, резкое сокращение поголовья скота в первые годы коллективизации. Среди причин этих «издержек производства» историки называли вредительство кулака и кулацкую агитацию, перегибы и «искривления», допущенные в ходе коллективизации (11). В учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» в качестве факторов спада в животноводстве указывались «частнособственнические пережитки крестьян», недостатки в организации и оплате труда (12). Требовалось более тщательное исследование факторов, оказавших негативное воздействие на развитие сельского хозяйства.

Работе машинно-тракторных станций в годы сплошной коллективизации были посвящены статьи А. Швецова и Ю. Родиной. В них отмечалась активная роль МТС в расширении посевных площадей и повышении урожайности, помощь МТС в обучении колхозных кадров, улучшении организации труда в колхозах, повышении трудовой дисциплины (13). Все эти вопросы в статьях были только поставлены, но не раскрывались на основе конкретно-исторического материала.

В изучении сельского хозяйства в СССР до 1960-х годов основное внимание обращалось на создание колхозов, объединение в них крестьян – единоличников, организационно-хозяйственное развитие коллективных хозяйств, налаживание их производства. При этом процесс колхозного строи-

тельства изучался главным образом по материалам конца 1929 – начала 1930 гг. Исследования в основном были хронологически ограничены годом «великого перелома» или коротким периодом (до лета 1930 г.), получившим название сплошной коллективизации (14).

С начала 1960-х годов наблюдается поворот внимания исследователей к разработке ряда проблем «решающего этапа сплошной коллективизации». В статьях И.Е. Зеленина, М.Л. Богденко, в монографии С.П. Трапезникова был впервые исследован процесс коллективизации крестьянства на материалах страны в целом (15).

Введение в научный оборот большого количества нового фактического материала позволило вывести рассмотрение аграрных проблем советской истории на новый уровень. В 1960-х годах появились монографии Ю.А. Мошкова, А.А. Барсова, В.Н. Яковецевского и других авторов, где были существенно уточнены бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства в годы первой пятилетки (16). В 1968 г. появилась статья З.К. Звездина, едва ли не первого обратившегося к судьбе единоличного крестьянского хозяйства 1930-х годов (17).

Опубликованные во второй половине 1960-х – 1980-х годах труды по истории крестьянства свидетельствуют о дальнейшем расширении масштабности и углублении научно-исследовательской работы в этой области, об охвате всех союзных и автономных республик, крупных национальных и экономических регионов страны (18).

Следует отметить значительный вклад Ю.А. Мошкова в изучение проблемы производства и распределения хлеба в годы первой пятилетки. В его монографии «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.)» проанализированы развитие зернового производства, изменение объема и форм заготовок хлеба, масштабы и способы удовлетворения потребностей населения в городе и деревне. Но, как и все советские историки, Ю.А. Мошков рассматривал «колхозный строй» в качестве избавителя страны от «непреодолимых ранее хозяйственных трудностей», писал, что «коллективизация создала необходимые социальные и хозяйственные предпосылки для будущего подъема сельского хозяйства и его главной, зерновой, отрасли». А причинами сокращения сбора зерна он считал неблагоприятные климатические условия и «естественные трудности», которые сопутствовали становлению нового общественного строя в деревне (19).

Историками – аграрниками стала плодотворно изучаться проблема становления и развития сельскохозяйственного производства, роль крестьянства в этом процессе. В работах показано, что «в конце 20-х годов в условиях быстро растущих потребностей социалистической промышленности в сырье и населения в продуктах питания проявились ограниченные возможности роста мелкокрестьянского производства, его неспособность удовлетворить потребности страны» (20). Советские историки подчеркивали, что снижение валового производства в

1931–1932 гг. не свидетельствовало об упадке сельского хозяйства, объясняли это временное явление трудностями колхозного строительства (21).

Исследования В.П. Данилова (22) являются основополагающими по истории советской деревни накануне коллективизации, что признается отечественными и зарубежными историками (23). Изучение развития крестьянских хозяйств привело В.П. Данилова к выводу о крайней ограниченности их возможностей в решении производственных задач и полной неспособности найти в этих условиях выход из социальных проблем.

Позднее В.П. Данилов, как и некоторые историки советского времени, многое пересмотрел в оценке истории доколхозного и колхозного крестьянства (24). В частности, историк отмечает, что проблемы и трудности современного сельского хозяйства уходят своими корнями в историческую драму сплошной коллективизации (25).

Одновременно историками-аграрниками проводились исследования совхозного строительства и производства. Ход совхозного строительства конца 1920-х – начала 1930-х годов изучался главным образом на материалах зерновых хозяйств – важнейшей группы совхозной системы тех лет – и получил известное осмысление с выходом в свет обобщающих работ И.Е. Зеленина, М.Л. Богденко, И.Е. Кантышева (26).

Накопление огромного фактического материала, осмысление основных проблем аграрной истории, появление монографических исследований по отдельным аспектам социально-экономических преобразований в деревне, основанных на источниках как общесоюзного, так и регионального характера, позволили приступить к изданию обобщающего труда по истории советского крестьянства, который воплотил научный поиск многих советских историков, – «Истории крестьянства СССР». Во втором томе данной книги рассматривались предпосылки, ход и результаты коллективизации, то есть аграрная история советского общества авторами представлялась как история социалистического преобразования деревни (27).

С конца 1980-х годов с началом демократизации политической жизни в стране начался новый этап отечественной историографии, в том числе в изучении коллективизации. На читателя выплеснулся целый поток газетных и журнальных статей, наибольший интерес привлекли публикации В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, Н.Л. Роголиной, И. Клямкина, О. Лациса, В. Селюнина, В.А. Тихонова и Г.И. Шмелева (28). Исследователи и общественные деятели признали, что главной причиной аграрного краха советского государства являлась административно-командная система управления сельским хозяйством, которая оторвала крестьянина от земли, лишила его чувства хозяина, превратила в наемного работника государства.

В 1990-е годы – на втором этапе историографии проблемы – изучение коллективизации находится в центре исследований В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина, М.А. Вылцана, В.В. Кабанова, М. Левина и др. Принципиально важное значение имеют исследования влияния аграрной

политики на сельскохозяйственное производство. Номотетическое значение в становлении современной историографии аграрной истории имеют публикации теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» в журнале «Отечественная история» в 1990-е гг.

Во второй половине 1980-х годов появились публикации отечественных и зарубежных ученых и общественных деятелей, связанные с темой продовольственного обеспечения населения: одной из наиболее активно обсуждаемых тем стал голод 1932–1933 гг. в СССР.

Голод 1932–1933 гг. являлся запретной темой в советской историографии, одним из “белых пятен” в отечественной истории. Это было связано с замалчиванием самого факта голода руководством Советского государства. Голод в стране был “засекречен”. Историки в лучшем случае обсуждали трудности проведения хлебозаготовительных кампаний, которые объяснялись “саботажем кулачества” и объективными причинами - погодными условиями, сложностью становления колхозов (29).

Впервые о факте голода 1932–1933 гг. в советской исторической литературе было заявлено в изданном в 1986 г. втором томе “Истории советского крестьянства” (30). В период перестройки начали писать о насильственной коллективизации и голоде 1932–1933 гг. в основных зерновых районах СССР - на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане — историки-аграрники В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий (31).

В 1988 г. вышла статья В.П. Данилова, посвященная дискуссии по проблеме голода 1932–1933 гг. в СССР в западной прессе. Западные советологи в 1980-х годах обсуждали два вопроса: причины и последствия голода (32). Р. Конквест в книге “Скорбная жатва: советская коллективизация и террор-голод” пишет о гибели от голода в 1932–1933 гг. 7 млн человек, из них 5 млн - на Украине, 1 млн - на Северном Кавказе и 1 млн - “в остальных районах”. Голод, по мнению Р. Конквеста, представлял собой проявление антиукраинского геноцида, был частью “организованного террора” против украинского народа и против немцев Поволжья (33).

И.Арч Гетти, опубликовавший рецензию на книгу Р.Конквеста, писал, что ведущие западные историки, занимавшиеся изучением коллективизации в СССР, были не согласны с заявлением автора об “умышленном терроре голодом”. Другой оппонент Р. Конквеста П. Вайлс не считает коллективизацию прямой причиной голода, так как она “не привела к сокращению в производстве хлеба”. Причиной голода, по его мнению, была заготовительная политика сталинского руководства, направленная на изъятие колхозного хлеба. И.Арч Гетти, П. Вайлс и другие западные исследователи высказывают недоверие к расчетам жертв голода 1932–1933 гг., проведенным Р. Конквестом, из-за использования недостоверных данных “от отдельных лиц и “самиздата”. В поддержку Р. Конквеста выступил С. Розфильд. Он предпринял попытку вычислить число “избыточных смертей” в СССР. Согласно его расчетам, жертвами насильственной коллективизации в период

1929–1939 гг. стали 5 млн человек, количество умерших от голода также составило 5 млн. В.П. Данилов, рассмотрев вычисления С. Розфильда за 1929–1949 гг., считает, что исследователь манипулировал демографическими данными, преувеличивая число жертв репрессий и голода (34).

Серьезными оппонентами позиции Конквеста - Розфильда стали представители объективистской школы Э.Х. Карра – Роберт У. Дэвис и Стивен Г. Уиткрофт. Р. Дэвис указал на ошибочность трех главных положений Р. Конквеста:

- голод 1932–1933 гг. не был актом геноцида против украинского народа, так как он “охватил территорию с населением 77 млн человек”, и лишь 30 из них проживало на территории Украины;

- бездоказательность вычислений демографических последствий голода;

- голод не был последствием коммунистической идеологии, события его вызвавшие “отражали” торжество сталинского крыла в коммунистической партии”.

Ученик Р. Дэвиса историк-экономист С.Г. Уиткрофт называет цифры демографических потерь в результате голода 1932–1933 гг. от 3 до 4 млн человек. Американские демографы Б. Андерсон и Б. Сильвер произвели подсчет жертв голода без учета детей, родившихся после 1926 г., их оценка избыточной смертности от 2 до 3 млн не противоречит расчетам С. Уиткрофта (35).

Вопросы о причинах и последствиях голода интересовали не только историков и демографов, но и мировую общественность. В конце 1980-х гг. была создана международная комиссия по расследованию обстоятельств голода 1932–1933 гг. на Украине. В 1990 г. в Торонто она представила свой итоговый отчет. Комиссия сделала следующие выводы:

- факт голода на Украине в 1932–1933 гг. “ не подлежит сомнению”, о голоде было осведомлено как украинское, так и московское руководство. Несмотря на это продовольственной помощи не было до лета 1933 г.;

- большинство членов комиссии решило, что голод не был искусственно организован и не имел своей целью уничтожение украинской нации, но советское руководство использовало голод для проведения политики денационализации.

Утверждение Р. Конквеста о голоде 1932–1933 гг. как части геноцида не получило поддержки. Комиссия констатировала наличие различных оценок демографических потерь населения в результате голода 1932–1933 гг. – 6 млн; 10 млн; 16 млн. Основной автор доклада Д. Мэйс называл цифру в 7,5 млн – минимальное, по мнению членов комиссии, число жертв голода: не менее 1,5 млн. умерших голодной смертью на Украине, 3 млн человек за ее пределами, причем 1 млн в Казахстане и на Северном Кавказе (36).

В обсуждении дискуссионных вопросов включились и советские историки. 24 октября 1988 г. в редакции журнала “История СССР” состоялась встреча историков-аграрников, посвященная проблеме изучения истории коллективизации. Ее участники не могли не коснуться темы голода

1932–1933 гг., факт которого стал общеизвестен. Выяснение причин голода, его масштабов и последствий с привлечением широкого круга источников - задачи, поставленные исследователями (37).

М.А. Вылцан считал, что после постановки дискуссионных вопросов в статье В.П. Данилова и определении в ней числа жертв голода в 3–4 млн, ученых в основном стал интересовать ответ на “сакраментальный” вопрос – “Кто виноват?” Среди советских исследователей получила распространение концепция “рукотворного”, “организованного” голода. Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков, по мнению М.А. Вылцана, внесли наибольший вклад в ее развитие и обоснование (38). К вышеперечисленным можно добавить В.П. Данилова и И.Е. Зеленина (39).

Под концепцией “рукотворного” голода подразумевается, что голод 1932–1933 гг. был искусственно “организован” сталинским руководством. Согласно мнению сторонников этой концепции, в 1932–1933 гг. в Советском Союзе имелось достаточное количество зерна для обеспечения сельского населения хлебом до следующего урожая. Засухи 1931 и 1932 гг. не могли вызвать массового недорода зерна, аналогичного недороду 1921 г. Ни погодные условия, ни низкий уровень развития производительных сил из-за репрессий, “карательных мер” против крестьян, их нежелания работать в колхозах при отсутствии материальных стимулов (хотя бы хлеба), ни значительное сокращение тягловой силы (лошадей и быков) не могли обусловить наступление голода. Он явился результатом насильственной коллективизации. К голоду привела проводимая советским руководством политика хлебозаготовок, направленная на изъятие хлеба из деревни и служащая интересам форсированной индустриализации (40).

В качестве оппозиции данной точки зрения выступали отдельные западные исследователи истории СССР, ставившие вопрос о наличии объективных и субъективных факторов, приведших к голоду данного периода (41).

В 1995 г. Российским государственным гуманитарным университетом был издан сборник “Голод 1932–1933 годов”. В него вошла статья американского профессора М.Б. Таугера. Он писал, что “валовой сбор зерна и план хлебозаготовок на 1932 г. были меньше, чем в любом другом году десятилетия”. Американский исследователь высказывал сомнение относительно достоверности официальных статистических данных по сбору зерна, которые, по его мнению, основывались на оценках урожая, сделанных до его уборки, и, возможно, на биологических урожаях (хотя система биологических урожаев была введена лишь в декабре 1932 г.). Таугер делает вывод, что действительные урожаи были намного меньше, чем показывают официальные цифры. Это подтверждалось архивными документами - ежегодными отчетами колхозов. По расчетам американского ученого урожаем 1932 г. составлял 50,06 млн т зерна. Из-за отсутствия в архивах данных по урожаю по всем колхозам, по совхозам и хозяйствам единоличников М.Б. Таугер считал возможным высказать предположение о валовом сборе зерна ниже 50,06

млн т. В результате возникшей нехватки продовольствия, как в сельской местности, так и в городах Советского Союза в конце 1932-1933 гг. наступил голод. М. Таугер не определил конкретно, чем был вызван низкий урожай 1932 г. – засухой, болезнями растений, нарушением агротехнических правил. Но он поставил в один ряд с субъективными причинами - заготовительной политикой и сознательным геноцидом против украинцев или немцев - объективное обстоятельство, повлекшее за собой массовый голод - низкий урожай. “Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным”, - писал М.Б. Таугер (42).

В сборнике материалов “Голод 1932–1933 годов” вместе с исследованием урожая начала 1930-х годов М. Таугера опубликована статья Н.А. Ивницкого. Он не оспаривал оценки урожая зерновых, но предположил, что “собранного хлеба хватило бы, чтобы избежать массового голода” (43).

Постановка вопроса о низком урожае 1932 г., о недостаточном валовом сборе зерна привела к активному обсуждению российскими и зарубежными историками проблемы соотношения объективных и субъективных факторов возникновения голода.

Западные исследователи С.Г. Уиткрофт и Р.У. Дэвис привлекли внимание к естественно-климатическим и агротехническим условиям возникновения массового голода 1933 г. 24 мая 1997 г. Институтом российской истории РАН, Междисциплинарным академическим центром социальных наук было проведено очередное заседание семинара “Современные концепции аграрного развития”, на котором обсуждался доклад С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса “Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.)”. Авторы доклада подвергли сомнению данные официальной статистики по урожаям (69,8 млн т – 1932 г.). По их мнению, реальный урожай зерновых 1932 г. был ниже урожаев 1930 г. (67–68 млн т) и 1931 г. (60,4–69,5 млн т) и составил 53-58 млн т. К такому низкому урожаю, за которым последовал голод, привели следующие факторы: нарушение правил агротехники: экстенсивное использование паров привело к истощению почвы и повышению заболеваемости растений; сокращение числа тягловых животных (лошадей, быков) из-за недостатка кормового зерна влекло за собой задержки выполнения основных сельскохозяйственных операций (вспашка, сев, уборка), в результате которых терялось значительное количество урожая; неблагоприятные погодные условия (засуха). Из перечисленных факторов объективным является только погода. Ситуация с севооборотами и тягловой силой во многом была обусловлена аграрной политикой СССР с 1928 г. С.Г. Уиткрофт и Р.У. Дэвис предположили, что Политбюро, осознав невозможность выполнения первоначального заготовительного плана 1932/33 г. по СССР – 20557 млн т зерна, приняло ряд мер, известных как “неонэп”. Речь, прежде всего, шла о снижении хлебозаготовительного плана и о легализации колхозной торговли и торговли крестьян - единоличников, которую советское руководство, по мнению М. Таугера, рассматривало в качестве равного заготовкам способа снабжения городов продовольствием. Первоначальный план хлебо-

заготовок по СССР к январю 1933 г. “был снижен на 17% до 17,045 млн т”. Кроме того, была организована выдача продовольственного (320 тыс. т) и семенного (1,274 млн т) зерна хозяйствам наиболее пораженных голодом районов - на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге, Урале и в Казахстане. Все это привело к изменению в зерновом балансе, сокращению снабжения населения зерном, его экспорта и уменьшению поступлений в неприкосновенный и государственный фонды (44).

В последнее время российские и зарубежные учёные сошлись во мнении, что голод был вызван совокупностью факторов. Российские историки В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, В.В. Кондрашин и другие предполагали, что голод наступил вследствие субъективно-политических обстоятельств.

В.В. Кондрашиным голод рассматривался как “организованный” сталинским руководством, как способ террора по отношению к крестьянству страны. В.В. Бабашкин считал, что голод “в равной степени с методами военного подавления и репрессиями сломил волю и способность крестьянства к открытому сопротивлению власти”. Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, В.П. Данилов, Ю.А. Мошков, Р.Т. Маннинг, В.В. Бабашкин осторожнее отнеслись к определению голода как “организованный”, но вину за него возложили на Сталина и его окружение. Урожаи 1931–1932 гг. были низкие, что связано с нарушением правил агротехники, недостатком тягловой силы, нежеланием колхозников работать при отсутствии мотивации к труду. Часть урожая не удалось собрать. Но урожай 1932 г. не мог вызвать массового голода. Голод был обусловлен сталинской “революцией сверху”, насильственной коллективизацией, раскулачиванием, в результате чего произошел спад производства. Главной причиной голода стали принудительные хлебозаготовки, в ходе которых у крестьян изъяли почти всё зерно. Продовольственные государственные зерновые ссуды колхозам были слишком малы, чтобы ослабить голод. Зерно продолжало идти на экспорт и на нужды промышленности (45). Таковы аргументы сторонников доминирования субъективного фактора голода.

По мнению Е.А. Осокиной, голод 1932–1933 гг. был обусловлен целым “набором”, комплексом факторов, причём нельзя выделить главную причину его наступления. Голод стал следствием непродуманных политических решений и сознательных репрессий крестьянства. Среди факторов, вызвавших голод, Е.А. Осокина называет плохой урожай, рост хлебозаготовок, развал крестьянских хозяйств и разрушение рыночной системы “в результате насильственной коллективизации и раскулачивания”, избирательное и недостаточное государственное продовольственное снабжение населения и ряд “карательных” мер Политбюро, усугубивших кризис – “заградительные отряды, прекращение снабжения регионов, не выполнивших план хлебозаготовок и проч.” (46).

Голод поразил основные зерновые районы СССР. Имеются различные мнения о количестве охваченного голодом населения. В.П. Данилов называл цифру 77 млн человек. И.Е. Зеленин, В.В. Кондрашин, Н.А. Ивницкий – 50 млн. (47).

В 1989 г. И.Е. Зеленин, рассматривая проблему демографических потерь в результате голода, в качестве наиболее объективной называл цифру западных советологов, по-видимому С.Г. Уиткрофта, 3-4 млн чел. и говорил о необходимости ее проверки и уточнения (48). Н.А. Ивницкий приводил следующие цифры: “на Украине умерло от голода не менее 4 млн человек; в Казахстане погибло от 1 до 2 млн человек; на Северном Кавказе, в Поволжье, ЦЧО, Западной Сибири и на Урале – 2-3 млн ... голод унес 7-8 млн человеческих жизней” (49). По мнению Е.Н. Осколкова, примерно 350 тыс. человек умерло от голода в Северо-Кавказском крае с июля 1932г. по декабрь 1933г. (50). В.В. Цаплин общее число жертв голода и его последствий в 1932–1933 гг. определил от не менее 2,8 до 3,8 млн человек (51).

В сентябре 1993 г. в Киеве состоялась Международная конференция «Голодомор 1932–1933 гг. на Украине: причины и последствия», в которой принимали участие российские, американские, канадские, японские, украинские исследователи, общественные и политические деятели. После конференции российские историки И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков сделали вывод, что число погибших от голода по подсчетам отечественных и зарубежных ученых составило не менее 7млн человек (52). В 1995 г. вышла статья Н.А. Араловец «Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии». Автор касается вопроса изучения демографических последствий голода 1932–1933 гг. Она приводит уже вышеупомянутые данные Р. Конквеста, С.Г. Уиткрофта, Б. Андерсона, Б. Сильвера.

Украинские исследователи называют следующие числа умерших от голода: Ф. Рудич – от 3,5 до 4 млн, Р.Я. Пирог – от 4 до 10 млн человек. По расчетам экономиста П.К. Василевского, жертвами голода на Украине с 1 декабря 1932 г. по 1 августа 1933 г. стали 7125850 человек. Б. Тулепаев и В. Осипов считают, что прямые потери населения Казахстана составили около 1,3 млн человек. По мнению С.В. Кульчицкого, смерть от голода постигла 3,5 млн украинцев, общие демографические потери в этой республике составили около 5 млн человек (53).

В.В. Кондрашин, ссылаясь на российских демографов, назвал цифру сверхнормативной смертности 7 млн чел. в 1933 г. В своей статье В.В. Кондрашин приводит оценки демографических потерь в результате голода исследователей различных районов бывшего Советского Союза. На Украине “прямые демографические потери могут колебаться от 3 до 5 млн человек”, учитывая снижение рождаемости, полные демографические потери оцениваются в 4,3-5 млн. В Казахстане 1750 – 1798 тыс. человек погибло от голода и мигрировало в 1931-1933 гг. В.В. Кондрашин, занимаясь иссле-

дованием темы голода 1932–1933 гг. в Поволжье считает, что общие демографические потери деревенского населения в этом регионе составили до 1 млн. человек, среди которых 213,1 тыс. крестьян умерло от голода и вызванных им болезней, а недостаточную рождаемость в 1932–1934 гг. оценивал в 162,2 тыс. человек, остальное количество – мигрировавшие в города и другие районы страны. В.В. Кондрашин делает вывод о возможности оценки демографических потерь в результате голода в 5–7 млн человек (54).

В последней работе В.П. Данилов и И.Е. Зеленин отметили: "Голод 1932-1933 гг. поразил главным образом важнейшие зерновые районы страны и прежде всего (по территориальному охвату) Украину, Северный Кавказ, Поволжье, а также Казахстан. Горькая чаша сия не минула Южный и Средний Урал, Центральное Черноземье, Западную Сибирь и некоторые другие регионы. Жертвами этой беспретендентной в истории России трагедии стала, если суммировать приводимые данные исследователей по регионам, от 7 до 8 млн человек" (55).

Исследования Е.А. Осокиной по государственной и рыночной торговле при социализме открыли новое направление в историографии продовольственного обеспечения населения, в частности, историк впервые поставила проблемы кризисов снабжения и иерархии потребления в 1930-х годах (56).

Таким образом, историография располагает большим количеством исследований по истории советской деревни в годы "революции сверху", но ученые больше занимались изучением процесса коллективизации с позиций ее необходимости и закономерности, а не с позиций эффективности и перспективы ее форм. Еще не написано обобщающих работ, в которых содержался бы глубокий анализ аграрного производства страны в 1920–1930-х годах. Проблема продовольственного обеспечения населения выпала из поля зрения историков и практически не изучалась.

Изучение социально-экономических отношений уральской доколхозной деревни началось уже в 1920-х годах. Литература о крестьянстве и сельском хозяйстве второй половины 1920-х годов преимущественно носила агитационно-пропагандистский, популярный характер (57). В то же время на Урале появились первые конкретно-исторические исследования, написанные на материалах годовых бюджетов крестьянских хозяйств, гнездовых динамических переписей, социальных обследований индивидуальных крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов (58).

В работах непосредственных участников событий В. Ленкова, Ф. Казанского, П. Хлестова, Я. Бирюкова были рассмотрены подготовка и проведение коллективизации на Урале в целом, а также в различных его районах (59). В 1940-е и первую половину 1950-х годов история массового колхозного движения на Урале практически не разрабатывалась.

После XX съезда КПСС начали появляться работы, освещавшие различные аспекты коллективизации уральского хозяйства. В.Н. Зуйков попытался рассмотреть историю колхозного строительства на Урале в широ-

ком плане с постановкой проблем хода коллективизации, организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов (60). Одновременно с ним над проблемами истории уральской деревни в годы сплошной коллективизации начали работать историки Н.В. Ефременков, А.В. Бакунин, В.Е. Муравьев, В.И. Мухачев, А.Ф. Фунтов и другие (61).

Вторая половина 1960-х – 1970-е годы стали периодом комплексного изучения социалистического преобразования уральской деревни. В ряде статей Н.В. Ефременкова и его докторской диссертации «Подготовка и проведение коллективизации сельского хозяйства Урала 1917–1932 гг.» история колхозного строительства была рассмотрена в политическом, экономическом и социальном аспектах (62). М.А. Иванова изучила завершение сплошной коллективизации на Урале (63). Различные аспекты социалистического преобразования уральской деревни исследовали Л.П. Власова, В.П. Гришанов, Р.П. Киреев, В.Я. Мухачев, И.Е. Плотников, А.Ф. Фунтов (64). Труды советских историков несут на себе "идеологическую печать" прошлого, но вследствие своей документальной насыщенности и аналитического подхода заслуживают внимания, в особенности работы указанных уральских историков.

Работы уральских историков – аграрников Н.В. Ефременкова, И.Е. Плотникова, М.В. Попова, Р.П. Толмачевой, М.А. Ивановой (65) посвящены в большей степени социально-политическим аспектам истории деревни 1920–1930-х гг. К изучению проблем аграрного производства на Урале, демографического развития села, продовольственного обеспечения историки только приступают.

В 1997 г. А.С. Еремин защитил кандидатскую диссертацию по истории коллективизацию крестьянских хозяйств в Ирбитском округе Уральской области. Он проанализировал ход колхозного строительства с 1919 г. по 1932 г., рассмотрел экономическое состояние ирбитских колхозов, управление ими, проблемы организации коллективного труда, уделил внимание формам принуждения и репрессивных методов, роли раскулачивания в процессе переустройства ирбитской деревни, исследовал развитие социально-политических процессов и культурно-бытовые перемены в деревне. А.С. Еремин сделал вывод о трагических последствиях коллективизации для ирбитской деревни как в социально-экономической (разрушение производительных сил деревни), так и в духовной сфере (66).

Л.В. Алексеева предприняла попытку реконструировать картину сельскохозяйственного производства в Уральской области в годы первой пятилетки. Она попыталась проследить изменения в землепользовании и землеустройстве области, показать развитие земледелия и животноводства, определить значение различных категорий хозяйств в сельскохозяйственном производстве, рассмотреть влияние коллективизации на производство растениеводческой и животноводческой продукции, подвести итоги хозяйственной деятельности в уральской деревне за годы первой пятилетки. Но в ее диссертационном исследовании не прослежены в динамике в течение всей

первой пятилетки основные сельскохозяйственные показатели: посевные площади, урожайность, валовая продукция. В ее работе фрагментарно описаны заготовительные кампании в области, содержатся лишь отдельные сведения о заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1928–1932 гг., однако отсутствует их полноценный количественный анализ, не рассмотрены факторы голода на Урале, некоторые просто перечислены, но в принципе это не входило в задачи работы. Л.В. Алексеева пришла к выводу, что, несмотря на позитивные сдвиги в сельскохозяйственном производстве с осени 1928 г. по осень 1930 г., выразившиеся в расширении посевных площадей, увеличении численности орудий труда, сельскохозяйственной техники, ситуация в сельскохозяйственном производстве к концу первой пятилетки в области являлась критической. На смену индивидуальному крестьянскому хозяйству пришли крупные хозяйства – колхозы и совхозы, которые были обязаны обеспечить поступление продуктов, сырья и денежных средств из сельского хозяйства в промышленность, при этом не учитывалось материально-бытовое положение населения уральской деревни (67).

М.Н. Денисевич, рассмотрев историю индивидуальных хозяйств в 1930–1985 гг. на Урале, затронул проблемы коллективизации, заготовительных кампаний и голода 1930-х годов на Урале. По его мнению, основной причиной голода стало массовое обобществление посевов, скота, фактическая ликвидация приусадебных участков, чрезмерное изъятие хлеба и мясо-продуктов у колхозников и единоличников (68).

В публикациях и кандидатской диссертации Е.Ю. Баранова об аграрном производстве и продовольственном обеспечении населения Уральской области дана всесторонняя характеристика тяжелейшей ситуации в уральской деревне в начале 1930-х годов (69).

Анализ литературы по истории уральской деревни конца 1920-х – начала 1930-х гг. позволяет заключить, что, несмотря на значительное количество исследований, в истории сельскохозяйственного производства региона имеются «белые пятна»: не рассмотрены динамика основных сельскохозяйственных показателей, заготовительные кампании, причины и последствия аграрного кризиса в регионе. Тема продовольственного обеспечения населения и голода 1930-х годов комплексно не затрагивалась учеными. Поэтому представляется интересным предпринять попытку научно-исторического анализа проблемы аграрного производства и продовольственного обеспечения населения на примере Уральской области.

В основу исследования может быть положена, разработанная в рамках теории модернизации профессором Г.Е. Корниловым, концепция «агроперехода». Основной тенденцией XX столетия был переход от традиционного, аграрного общества к индустриальному, городскому, демократическому обществу. Процессы модернизации определяли экономическую, политическую, социальную, культурную и все другие сферы жизни общества.

Трансформация в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначена термином «агропереход». В ходе агроперехода шло утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, механизации и усовершенствование техники, развитие рыночных отношений и кооперации, преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, изменение типа воспроизводства населения и трансформация сельской семьи, внедрение грамотности, распространение научных сельскохозяйственных разработок, изменение быта сельского населения. Модернизационные процессы в продовольственной сфере заключались в изменении механизма продовольственного обеспечения, нормирования и структуры питания, где основную роль стали играть рынок как основной инструмент обеспечения населения продовольствием и государство как институт, гарантирующий продовольственную безопасность, вместо ориентации традиционного общества на натуральное хозяйство.

Агропереход на Урале прошел несколько этапов. Один из них приходился на конец 1920-х – начало 1950-х годов. Внешне он протекал на этом этапе под лозунгом социалистических преобразований, но его направленность и решаемые задачи были связаны с коренной сменой форм собственности, форм организации сельскохозяйственного производства, с интенсификацией аграрного производства. На этом этапе вырос новый слой сельского населения – механизаторы, которые и были носителями модернизационной тенденции, заменившие зажиточную часть крестьянства, уничтоженную в процессе коллективизации.

Обеспечение населения продовольствием зависело от развития сельскохозяйственного производства в регионе, форм торговли, ее объемов и товарной структуры, структуры потребления, состояния продовольственных запасов. В ходе исследования выявлены две модели продовольственного обеспечения населения региона – рыночная и планово-распределительная, показан переход от рыночных отношений периода НЭПа к централизованному государственному распределению продуктов. Переход к формированию механизма продовольственного обеспечения через народнохозяйственное планирование показал, что власти не справлялись с поставленной задачей. Формирование и утверждение планово-распределительной системы, переход функций основного производителя продовольствия к колхозам и совхозам привели к тому, что управление сельскохозяйственным производством и потреблением приобрело специфические черты, связанные с насильственным изъятием сельхозпродукции и распределением ее среди производителей по остаточному принципу, а среди основной массы городского населения – по уравнильным нормам, сельское население было оставлено на самоснабжении. Кризис сельскохозяйственного производства, разразившийся в ходе массовой коллективизации, привел к резкому сокращению потребления сельского населения и голоду 1932 – 1933 гг. Общий уровень продо-

вольственного обеспечения населения оставался низким, крайне не рациональным и не сбалансированным по количеству и качеству потребляемой продукции.

В исследовании используется термин «голод». Одним из первых выявил формы голода и рассмотрел его влияние на поведение людей и социальную организацию П.А. Сорокин (70). Согласно его типологии голодания, абсолютный голод – полное прекращение поступления пищи в организм. Ученый выделял относительное качественное и количественное голодание. Качественное голодание – нехватка в пище, необходимых для жизнедеятельности человеческого организма веществ, а количественное – недостаточное поступление пищи в организм. Количественная сторона пищи измеряется ее калорийностью, а качественная наличием в ней белков, жиров, углеводов, витаминов. В схеме П.А. Сорокина имеется и качественно-количественное голодание. Следует ввести еще две дефиниции. Первая – это «голодовка», которая нами трактуется как локальное проявление абсолютного голода или относительного количественного голодания. Вторая – «латентный голод», включающий хроническое недоедание, белковое и витаминное голодание (качественно-количественное голодание по типологии П.А. Сорокина).

-
1. История крестьянства СССР. В 5-ти тт. / Т.2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М., 1986. С. 8.
 2. Власов М. Коллективизация советской деревни. М., 1930; Либкинд А.С. Аграрное переселение и коллективизация деревни. М., 1931; Ильин Е.И. Колхозы СССР и их удельный вес в строительстве Советского Союза. М., Л., 1930.
 3. Анисимов Н.И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Лаптев И. Советское крестьянство. М., 1939.
 4. Трапезников С.П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки. М., 1951; Смирнов М.С. Борьба партии Ленина – Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952.
 5. Вопросы истории. 1990. №11. С.31.
 6. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.
 7. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М, 1957; Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961.
 8. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. С.399.
 9. Бурджалов Э. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1956. С.47; Краев М.А. Указ. соч. С.637 – 695.
 10. Гончаров А. Советское государство и право в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. М., 1955; Ильин А.С. Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1954. См.: Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР //Вопросы истории. 1958. №9. С.133.

11. Лященко П. История народного хозяйства СССР. Т.3 М., 1956. С.371; Генкина Э. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1952. С.69.; Трапезников С. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951. С.169.
12. См.: Погудин В.И. Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР...С.133.
13. Там же. С.126.
14. Данилов В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы научной конференции 9–12 июня 1969г. М., 1971. С.240.
15. Зеленин И.Е. Колхозное строительство в СССР в 1931–1932 гг. // История СССР. 1960. №6; Богденко М.Л. Колхозное строительство весной и летом 1930г. // Исторические записки. Т.76. 1965; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965.
16. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966; Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней М., 1969; Яковецевский В.Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М., 1964.
17. Звездин З.К. Материалы обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931-1932 гг. //Источниковедение истории советского общества. Вып.2. М., 1968.
18. История крестьянства СССР...Т.2. С.9.
19. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). С.228–229.
20. История крестьянства СССР... Т.2. С.14.
21. Там же.
22. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.
23. См.: Плотников И.Е. Роль Советов в подготовке коллективизации сельского хозяйства (на материалах Урала). Челябинск, 1980; Крестьянское хозяйство на Урале. Источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С.39.; Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia, vol. 1: The Socialist Offensive, 1929-1930; vol. 2: The Soviet Economy in the Turmoil, 1929-1930. London, 1989; Fitzpatrick.S. The Russian Revolution, 1917-1932. Oxford, 1984.
24. Данилов В.П. Коллективизация: Как это было? // Страницы истории советского общества. М., 1989; Он же. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. №5.
25. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. №5. С.7.
26. Кантышев И.Е. Экономика зерновых совхозов. М., 1953; Богденко М.Л. Строительство зерновых совхозов СССР в 1928 – 1932 гг. М., 1958; Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917–1927 гг.). М., 1972; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917 – 1975). М., 1976; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941. М., 1982.
27. История крестьянства СССР ...Т.2.М., 1986.
28. Данилов В.П. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. №16; Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930 – 1932гг.) // История СССР. 1990. №6; Ивницкий Н.А. Коллективи-

- зация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Роголина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989; Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. №3; Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. №6; Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. №8. №2; Шмелев Г.И. «Не смей командовать!» // Октябрь. 1988. №2.
29. Историографию проблемы голода 1932-1933 гг. подробно рассмотрел В.В. Кондрашин в своем диссертационном исследовании. См.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.,1991. С.2–9.
 30. История крестьянства СССР. История советского крестьянства...Т.2. М., 1986. С.256, 265; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья. С.6; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. №2. С.3.
 31. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации; Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и “демографической катастрофе” 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С.116-121; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? // Голод 1932-1933 годов. С.43-65.
 32. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. ... С.116-121.
 33. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом // Новый мир. 1989. №10; Он же. Жатва скорби: реестр голода // Вопросы истории. 1990. №1; №4. С.83–100.
 34. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде... С.117-119.
 35. Там же. С.119-120.
 36. Итоговый отчет международной комиссии по расследованию голода 1932-1933 гг. на Украине // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С.7-8.
 37. История СССР. 1989. № 3. С.51-55.
 38. Отечественная история. 1998. № 6. С.113.
 39. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья. С.5-6.
 40. Там же. С.10-19; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.С.178-180; Он же. Голод 1932-1933 гг. в советской деревне: Рукопись. С.8; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации. .С.3; Отечественная история. 1998. № 6. С.114-115, 117-118.
 41. Wheatcroft S.G. Soviet Industrialization Project Series. №11: The significance of climatic and weather change on Soviet agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Birmingham.
 42. См.: Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года //Голод 1932-1933 годов. С.13 – 34.
 43. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ... С.43-45.
 44. Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.)...С.95-109,124; Таугер М.Б. Указ. соч.С.15-21.
 45. Отечественная история. 1998. № 6. С.109-118, 126-128; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы междунар. конф. Москва, 14-15 июня 1994 г. М.,1996. С.414; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья: Автореф. ... С.8, 11-19; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревнях Поволжья. С.179-180; Он же. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.7-8, 11-12; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ...С.43-45.
 46. Отечественная история. 1998. № 6. С.118-119.

47. Данилов В.П. Дискуссия ... С.119; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации...С.3; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.17; Отечественная история. 1998. №6. С.114.
48. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации...С.17.
49. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: Кто виноват? ...С.64.
50. Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине. // Отечественная история. 1994. №6. С.261.
51. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. №4. С.178.
52. Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Кондрашин В.В., Осколков Е.Н. О голоде 1932–1933 гг. и его оценке на Украине...С.262.
53. Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. №1. С.137–140.
54. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в советской деревне. С.26-28; Он же. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья. С.19-20.
55. Данилов В.П., Зеленин И.Е. Организованный голод. К 70-летию общекрестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. №5. С.109.
56. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998; Она же. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.
57. Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926; Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале. Свердловск, 1927; Его же. Социально-классовая структура уральской деревни. Свердловск, 1929; Локацков Ф.И. Хозяйственно-политическое состояние и задачи советов Уральской области. Свердловск, 1927; Лейканд М. Урал через 5 лет. Свердловск, 1929; Стариков С. Организация труда в колхозах в весенний сев. Свердловск-М.,1932.
58. Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929; Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1929; Колхозное строительство на Урале (1928–1930гг.) Челябинск–Свердловск, 1931.
59. Казанский Ф.М. Колхозное строительство на Урале. Свердловск, 1928; Ленков В. Комсомол Урала на социалистической перестройке сельского хозяйства. Свердловск, 1932; Хлестов П. Борьба за совхозы и колхозы на Урале. Свердловск, 1932; и др.
60. Зуйков В.Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927-1934 гг.) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957.
61. Бакунин А.В. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933–1934 гг.) // Труды Уральского политехнического института. Вып. 86. Свердловск, 1957; Бакунин А.В., Митрофанов Л.Д. Борьба партии за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Свердловск, 1961; Мухачев В.И. Роль рабочего класса в проведении массовой коллективизации (1929–1932 гг.) // Ученые записки Свердловского юридического института. Т.9. Свердловск, 1969; Фунтов А.Ф. Из истории организации деятельности Шатровского союза коммун в 1923–1925 гг. // Вопросы истории Урала. Сб. 4. Свердловск, 1963; и др.

62. Ефременков Н.В. Начало массового колхозного движения в уральской деревне // Исторические записки Т.74. М., 1963; Ефременков Н.В., Муравьев В.Е. Из истории кооперативного колхозного движения на Урале в 1926–1927 гг. // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; Ефременков Н.В. Колхозное движение на Урале в 1917–1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.1. Свердловск, 1966; Его же. Колхозное строительство на Урале в конце 1930 – первой половине 1931 гг. // Вопросы истории Урала. Сб.7. Свердловск, 1967.
63. Иванова М.А. Завершение коллективизации сельского хозяйства на Урале (1932–1937 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1969.
64. Власова Л.П. Материально – производственная база сельского хозяйства Урала накануне коллективизации (1927–1929 гг.) // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1975; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Некоторые стороны становления и развития материально – технической базы колхозов Урала в годы реконструктивного периода // Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.3. Свердловск, 1972; Киреев Р.П. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса (по материалам Южного Зауралья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971; Плотников И.Е. Советы Урала и колхозное строительство (осень 1927 – осень 1928 гг.) // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып.6. Челябинск, 1971; Его же. Роль Советов в подготовке коллективизации сельского хозяйства (на материалах Урала): Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск, 1980.
65. Ефременков Н.В., Пономарева Р.П. Основные аспекты коллективизации сельского хозяйства Урала в трудах советских историков // Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. Сб. науч. трудов. Калинин, 1983. С.89 – 90; Иванова М.А. Изменение социальной структуры уральского крестьянства в ходе коллективизации сельского хозяйства // Население и трудовые ресурсы уральской деревни. Сб. науч. тр. Свердловск, 1987; Ее же. Формирование аграрно-промышленного комплекса на Урале: Информационные материалы. Свердловск, 1988; Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. Екатеринбург, 1997; Плотников И.Е. «Ликвидация кулачества как класса» на Урале // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всерос. науч. конф. Ч.2. Вологда, 1992; Его же. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в начале 1930-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тез. науч. конф. 25–26 окт. 1994. Свердловск, 1994; Толмачева Р.П. Коллективизация. Уроки истории // Наука Урала. 1987. 9 августа.
66. Еремин А.С. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен): Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997; Он же. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. 18с.
67. См.: Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998; Она же. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Курган, 1998.

68. См.: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С.37–62.
69. Баранов Е.Ю. Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928 – 1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народнохозяйственного учета) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Екатеринбург, 2001. С. 17-20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1928-1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования. Екатеринбург, 2002. С. 53-58; и др.
70. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922.

* Работа выполнена при поддержке фонда «РГНФ – Урал» проект № 04 – 01 – 83102 а / У «Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг.»

**Гаврилов Д.В.
(Екатеринбург)**

Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая «концепция В.В. Адамова»)

На рубеже 1960-1970-х гг. на исторической сцене шумно и скандално выступили так называемое «новое направление» и примкнувшая к нему «уральская школа В.В. Адамова», провозгласившие себя в качестве самых передовых, прогрессивных и высоконаучных течений в советской исторической науке. Выдвинутая тогда «концепция В.В. Адамова» не была принята большинством уральских историков, а затем забыта, но в последнее время предпринимаются энергичные попытки её реанимации, о чём свидетельствует недавно изданный Уральским государственным университетом (г. Екатеринбург) сборник статей «Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв.» (1). Поэтому возникает необходимость рассмотреть научные основы этой «концепции», определить её действительную роль и значение, место в исторической науке.

«Новое направление» впервые проявилось в 1960-х гг. в виде опубликованного в разных изданиях небольшого цикла социально-экономических работ, отличавшихся по своей проблематике и приёмам исследования. Открыто оно выступило на рубеже 1960-1970-х гг. - на Всесоюзной научной сессии по проблеме «многоукладности» в 1969 г. в г. Свердловске и изданием в 1972 г. в Свердловске сборника статей «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности» (2).

Главной заслугой «нового направления» его сторонники считают выдвинутую ими в своей собственной интерпретации, для «более глубокого

понимания» экономики России начала XX в. и социально-экономических предпосылок Октябрьской революции 1917 г., «теорию многоукладности». Однако, с большим апломбом провозглашённая в 1960-х гг., эта «теория» сразу же вызвала и до настоящего времени вызывает много недоумённых вопросов, на которые до сих пор никто не дал вразумительных ответов.

Несмотря на свои огромные претензии, «теория многоукладности», в сформулированном идеологами «нового направления» виде, в действительности может именоваться теорией лишь условно, поскольку за неё обычно принимается ряд разрозненных, не связанных друг с другом, противоречивых положений, высказанных отдельными историками по разным поводам, не представляет собой чётко сформулированной, законченной системы взглядов, ясно изложенной, цельной и определенной научной концепции, то есть атрибутов, которые позволили бы считать её действительно научной теорией.

До сих пор нет ясности в том, кого из историков (за исключением нескольких фамилий) следует считать историками «нового направления», поскольку многие историки, которых причисляют к этому направлению, в целом не разделяли его взглядов.

Неясно также, почему эта расплывчатая, аморфная сумма противоречивых положений была названа «теорией многоукладности». Термин «многоукладность» не был изобретением историков «нового направления», уже давно существовал в дореволюционной и советской историографии, его использовали историки и экономисты конца XIX-начала XX вв., его многократно употреблял в своих работах В.И. Ленин, его применял главный идеолог КПСС в 1960-1970-х гг. М.А. Суслов, он широко использовался советскими историками и даже фигурировал в школьных учебниках (3). В самом «новом направлении» нового было очень мало, все их построения строились на своеобразном истолковании цитат классиков марксизма-ленинизма и уже известных исторических фактов.

Сущность «теории многоукладности» применительно к России начала XX века, в понимании его ведущего идеолога К.Н. Тарновского состояла вовсе не в том, что экономика страны признавалась многоукладной (это было аксиомой для советской историографии, в том числе и «официальной»), а в утверждении, что в пореформенной России капиталистический уклад был не систематизирующим, а лишь одним из укладов в многоукладной экономике страны. Российская экономика рассматривалась как механическая совокупность социально-экономических укладов, причём удельный вес, роль и значение докапиталистических укладов явно преувеличивались. Главной целью научно-теоретических «изысканий» новонаправленцев (никогда открыто не признаваемой) была попытка доказать некапиталистический характер российской «многоукладности», некапиталистический характер экономики дореволюционной России.

Из схоластических схем, построенных «новонаправленцами», бездоказательных постулатов о характере российской «многоукладности», намёков на её некапиталистический характер - должен был следовать вывод об отсутствии в стране объективных предпосылок социалистической революции, о неготовности страны к социалистическим преобразованиям в экономике и социально-политическом строе, содержался скрытый подкоп под официальную теорию социалистической революции в России в 1917 г. В этом и заключалась вся «соль», квинтэссенция «теории многоукладности».

Поскольку в России в октябре 1917 г. уже произошла революция, возглавляемая партией, руководствовавшей социалистической теорией и приступившей к строительству в стране социалистического общества, революция уже была совершившимся фактом, то дискуссии, начатые историками «нового направления», уже тогда носили догматический и схоластический характер. Октябрьскую революцию 1917 г. можно любить или не любить, именовать её «переворотом», «катаклизмом», но она была, за 10 дней потрясла весь мир, и не считаться с этим фактом невозможно.

Вести дискуссии о том, имелись ли социально-экономические предпосылки революции Октября 1917 г. или их не было, это всё равно, что обсуждать: была ли беременна девица, неожиданно для родителей или кого-нибудь другого родившая ребёнка. В подобных случаях можно лишь говорить о том, что кто-то заметил её беременность, а другие её не смогли увидеть.

Диссидентское «новое направление» 1960-начала 1970-х гг., повидимому, выполнило свою задачу, расшатывая советскую идеологию, внося смятение в ряды советских историков, в чём его безусловная заслуга. Но выдвинутая им «теория многоукладности», как научная доктрина, не нашла поддержки среди большинства историков не из-за своего «идеологического инакомыслия», а из-за её догматизма, начётничества, научной неполноценности, её искусственности, оторванности от реальной действительности.

«Новое направление» поддержала группа уральских историков во главе с зав. кафедрой истории СССР Уральского государственного университета, кандидатом исторических наук В.В. Адамовым, в которую, кроме него самого, входили его аспиранты Ю.А. Буранов, Т.К. Гуськова и Л.В. Ольховая. Хотя выдвинутые тогда В.В. Адамовым несколько идей не составляют какой-либо законченной и научно обоснованной системы взглядов, редколлегией и авторами университетского сборника они именуется «концепцией В.В. Адамова».

Редколлегия и авторы университетского сборника, вместо обещанного анализа его творческого наследия, занялись беззастенчивым расхваливанием его научных трудов, объявили о множестве «концепций В.В.Адамова», «обогативших историческую литературу», представили их в качестве «крупных научных открытий» (4). Кроме того, они бесцеремонно занялись «исправлением», «дополнением» и «модернизацией» «концепций

В.В.Адамова», приписывают ему идеи, положения и термины, которых не было в его научных трудах.

Вот вывод, к которому пришел М.А. Фельдман: «Итак, логика исследований В.В. Адамова,- пишет М.А. Фельдман, - объективно подводила к переосмыслению ленинской теории о наиболее высокоразвитом капитализме не только в рамках Уральского региона, но в масштабе России. Для исторического периода 30-50-х гг. это было крупное (и, добавим, смелое) научное открытие, не потерявшее актуальность и в наши дни» (5).

Никакой «ленинской теории» «о наиболее высокоразвитом капитализме» «в Уральском регионе» и «в масштабе России» никогда не существовало, она выдумана самим М.А. Фельдманом. Хорошо известно, что В.И.Ленин считал Россию не страной «наиболее высокоразвитого капитализма», а страной со средним уровнем развития капитализма. Не считал он и Урал регионом «наиболее развитого капитализма», относил его к районам, где промышленность была ещё «не чисто капиталистической», где сохранялись «самые непосредственные остатки дореформенных порядков», «где точно вчера было крепостное право» (6).

Зачем М.А.Фельдману понадобилось, по неведению или преднамеренно, подобное откровенное враньё? Это видно из второй половины цитаты, судя по которой «исследования В.В. Адамова» якобы превзошли «ленинскую теорию», вели к её «переосмыслению», что они были «крупным научным открытием». Самому В.В. Адамову мысль о том, что его «концепция» превзошла теории В.И. Ленина, вела к их «переосмыслению» (в своих трудах он постоянно, почти на каждой странице, и даже по несколько раз на одной странице, ссылался на В.И. Ленина), едва ли могла присниться в самом страшном, кошмарном сне. Манипулирование М.А. Фельдмана адамовским научным наследием свидетельствует о его неуважении к памяти учёного, единомышленником и продолжателем дела которого он называет себя.

Н.Н. Алеврас, «современивая» взгляды В.В. Адамова, уверяет: «историки нового направления» и В.В. Адамов, в частности, своими разработками подходили к идеям, близким теории модернизации, и обосновывали цивилизационные принципы исторического познания». По её мнению, «в среде «нового направления» формировался подход, совпадавший по основным параметрам с идеями теории модернизации, выраженными западноевропейскими учёными в 60-70-е гг. XX в. С. Блэком, А. Гершенкроном, У. Ростом и др.». «Исходя из этого,- заключает Н.Н. Алеврас, - методологические поиски «новонаправленцев», в том числе В.В. Адамова, можно рассматривать в качестве варианта подобных теорий, а их творчество воспринимать как предтечу современного переосмысления российского индустриального феномена...» (7). Но это тоже явная натяжка.

Ни подходов, «близким теории модернизации» и «цивилизационным принципам исторического познания», ни «совпадения по основным параметрам с идеями теории модернизации» в работах В.В. Адамова обнаружить

невозможно. Суждения В.В. Адамова о «крепостническом укладе» на Урале и «консервации» такого уклада коренным образом расходятся с теорией модернизации. Никогда не обращался он и к цивилизационному подходу. Нет в его работах никаких упоминаний или ссылок на труды С. Блэка, А. Гершенкрона, У. Ростоу.

Ни в одной из своих работ В.В. Адамов не отозвался на высказанные западноевропейскими и американскими историками того времени (например, Т. фон Лауэ и др.) мнения о ходе модернизационных процессов на Урале в конце XIX- начале XX вв. Даже самая большая поклонница «концепции В.В. Адамова» Т.К. Гуськова вынуждена подвергнуть критике попытки С.Я. Бугаевой и А.И. Прищепы «представить В.В.Адамова чуть ли не «предтечей русского варианта модернизма»». «Разумеется, для такого рода утверждений, - признаёт Т.К. Гуськова, - нет никаких оснований» (8).

Но это не всё. Кроме всего вышперечисленного, оказывается, что «концепция В.В. Адамова» имела магические, способные обосновать любую ситуацию свойства, а сам В.В. Адамов обладал нострадамуссовским даром предсказания, ещё в 1970-е гг. предвидел горбачёвскую «перестройку» и ельцинско-гайдаровские рыночные реформы, и, как утверждается в предисловии к университетскому сборнику, «фактически обосновал причины неизбежных сложностей, возникших в процессе эволюции советской государственно-монополистической экономики в социально-рыночную» (9). Конечно, никаких указаний или даже намёков на возможность эволюции советской экономики в рыночно-капиталистическую, никакого «обоснования причин неизбежных трудностей» для подобной эволюции в трудах В.В. Адамова нет и быть не могло, всё это чистейшего вида выдумки авторов и редколлегии университетского сборника.

«Концепция В.В.Адамова» не вытекала из монографического исследования, анализа и обобщения исторических фактов, была оторвана от конкретно-исторической действительности, была создана искусственно, умозрительным путём на основе тенденциозно подобранных и своеобразно истолкованных цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, представляла собой одно из искажённых ответвлений советской исторической науки.

В своём главном научном труде - в статье «Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала», к которой редколлегия и авторы университетского сборника постоянно обращаются для восхваления адамовской «концепции», В.В. Адамов сослался на К. Маркса и Ф. Энгельса – 5 раз, В.И. Ленина - 75 раз, то есть в статье объёмом в 2 п.л. (32 страницы текста) классики марксизма-ленинизма упоминаются им 80 раз. Если исключить из этой статьи цитаты и их комментирование, то в сухом остатке от статьи не остаётся ничего существенного.

«Концепция В.В. Адамова», не встретившая поддержку среди большинства уральских историков, не доказанная и, как оказалось, недоказуемая, сейчас представляется редколлгией и авторами университетского

сборника в качестве непреложных истин, превращенных в непререкаемые, священные догмы, которые читатели должны принимать не рассуждая, слепо, на веру.

Догма первая: «Крепостнический уклад». В центре «концепции В.В. Адамова» находилось утверждение о существовании на Урале в начале XX в., вплоть до Октября 1917 г., некоего «крепостнического» социально-экономического уклада. В.В. Адамов писал: «Крепостнический уклад общественного хозяйства представлял в России огромную силу. Капитализм так и не смог до самой революции сломить этот уклад» (10). «Капиталистической индустрии, крепостническому укладу Урала – оригинальный строй промышленности», и разъяснял, что уральская горнозаводская промышленность отличалась «по самому своему существу от строя и организации капиталистического производства» (11). На научной сессии 1969 г., признавал В.В. Адамов, возражения со стороны участников сессии вызвало его «отнесение горнозаводского хозяйства Урала к крепостническому укладу» (12).

Утверждение о «крепостническом укладе» является краеугольным камнем «концепции В.В. Адамова», без него эта «концепция» становится бессмысленной и теряет своё «диссидентство». Но что представлял из себя «крепостнический уклад», каковы были его составляющие, его структура, как он функционировал, как взаимодействовал с другими укладами, подтверждается ли его существование конкретно-историческим материалом - ни сам В.В. Адамов, ни его ученики никогда не разъясняли. Придуманый В.В. Адамовым «крепостнический уклад» до сих пор остаётся отвлечённым понятием, чем-то неясным, туманным, мифическим и эфемерным.

Доказать, что накануне Октября 1917 г. горнозаводская промышленность Урала, в которой ведущие металлургические заводы были уже полностью или основательно реконструированы, оснащены современной по тому времени техникой; 93,9 % металла (1910 г.) производилось мартеновским и бессемеровским способами; в энергетическом хозяйстве на долю паровых, электрических и двигателей внутреннего сгорания (1916 г.) приходилось 95,1 %, а на долю водяных - только 4,9 %; почти вся она находилась под контролем банковского капитала; со времени отмены крепостного права прошло более полувека и «отработки» сохранились только на немногих мелких захудалых заводах, что такая промышленность представляла собой «крепостнический уклад» - абсолютно невозможно.

Вместо того, чтобы признать идею о существовании на Урале в начале XX в. «крепостнического уклада» ошибочной, редколлегия и авторы университетского сборника всячески изворачиваются, в их истолкованиях «крепостнический уклад» куда-то исчез, а вместо него появились неуклюже изобретённые какие-то иные, «родственные крепостническому» уклады - феодально-крепостнический, феодальный, полукрепостнический и др. (13).

Догма вторая: особые свойства «окружной системы». Существовавшую на Урале окружную систему В.В. Адамов считал структурой «крепо-

стнического уклада», «олицетворением оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности (14).

Этот постулат можно было бы воспринять серьёзно лишь в том случае, если бы окружная система существовала только на Урале, и можно было бы предполагать, что именно она обусловила формирование в регионе «оригинального строя». Но окружная система существовала также в Западной Сибири (Алтай), в Восточной Сибири (Нерчинский округ), в Карелии, на Кавказе, она существовала в странах Западной Европы (в Германии, Австрии, Швеции), но нигде, кроме Урала, не сложилось такого «оригинального строя», как на Урале. Следовательно, дело было не в окружной системе, как таковой, а именно в местных факторах, которые и обусловили в пореформенный период формирование и длительное существование на Урале «оригинального строя».

В.В. Адамов утверждал, что «окружная система» «определяла путь и тип» эволюции уральского горнозаводского хозяйства, обусловила «особенности социально-экономического развития» региона. По мнению его поклонников, окружная система обладала ещё большими, прямо чудодейственными, магическими свойствами: определяла «особенности экономической и социокультурной жизни региона», «организационно-техническую сторону функционирования округов», все происходившие в них экономические, технические, демографические и социальные процессы (15).

Окружная система, являясь административно-правовой категорией, закреплённой Уставом горным, регламентировала права горнозаводчиков на занятие горным промыслом, и никак не могла влиять на производственно-техническую, финансово-экономическую, социальную и социокультурную стороны деятельности горнозаводских округов.

Догма третья: «переплетение» укладов и их «консервация». По мнению В.В.Адамова, на Урале в начале XX в. происходило «не преобразование крупным капиталом отсталых горнозаводских округов по своему образу и подобию, а взаимное приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов», «крепостнический уклад» «не вытеснялся капитализмом», а, наоборот, «упрочивался, консервировался», происходило «сближение и переплетение силы и мощи монополистического капитала с силой крепостничества». По утверждениям авторов университетского сборника, осуществлялась «делка» «по разделу привилегий между финансовым капиталом и уральскими помещиками-промышленниками», которая не свидетельствовала о «продвинутости» «в смысле капиталистического развития». Поэтому, считал В.В. Адамов, никакая техническая реконструкция уральских заводов «в рамках окружной системы» была невозможна, капиталовложения на их реконструкцию были мизерными – составили только 15 млн руб. (16).

Эти постулаты не нашли подтверждения в конкретно-исторических исследованиях. Ю.А. Буранов, исследуя процесс акционирования в ураль-

ской горнозаводской промышленности, раскрыл механизмы подчинения уральских акционерных обществ финансовым капиталом, установил почти полное вытеснение старых феодальных владельцев из уральской горнозаводской промышленности, убедительно доказал несостоятельность утверждений о «переплетении» финансового капитала и феодальных владельцев, «консервации пережиточных явлений», о «невозможности» проникновения инвестиций в окружающую систему.

Исследования М.П. Вяткина и Ю.А. Буранова показали, что коммерческими банками накануне и в годы промышленного подъема 1910–1914 гг. было вложено в техническую реконструкцию уральских заводов 107,8 млн руб. Тогда же Совет министров ассигновал крупные суммы на переоборудование казённых заводов: Пермского пушечного - 10,6 млн руб., Ижевского оружейного - 4 млн руб. и т.д. В годы Первой мировой войны на «переустройство» частных заводов для производства военной продукции коммерческими банками было вложено 70-75 млн руб., 39 заводов затратили на приобретение оборудования, связанного с военными заказами, 130 млн руб. (17).

Догма четвёртая: не рабочий класс, а «сословие крепостнического уклада». Горнорабочие Урала, утверждал В.В. Адамов, даже в начале XX в., вплоть до 1917 г., «взятые в целом», якобы представляли собой «не пролетариат, а сословие крепостнического уклада», их состояние следует сравнивать «не с положением пролетариата центра России, а с положением сельскохозяйственных рабочих». Редколлегия и авторы университетского сборника заявили «о преобладании у уральских рабочих сословных черт и характеристик над классовыми» (18).

Но пролетариат на Урале действительно существовал, и не только в фабрично-заводской промышленности и на железнодорожном транспорте, как полагал В.В. Адамов, но и в горнозаводской промышленности, что подтвердили многочисленные исследования историков и Октябрьская революция 1917 г.

Анализ земских подворных переписей в горнозаводских районах Урала, проведённых в 80-90-х гг. XIX вв., показал, что горнозаводские рабочие в своей основной массе (70-90 %) не занимались обработкой земли, порвали с земледелием, процесс пролетаризации среди них зашёл довольно далеко. Даже на старых, существовавших с крепостнических времён заводах, сложилась значительная группа рабочих-пролетариев (около 40-50 %), совершенно лишённых каких бы то ни было средств к существованию, кроме собственных рук. Горнозаводский Урал уже в конце XIX в. был подлинно пролетарским краем (19).

По данным Всесоюзной переписи населения 1929 г., среди рабочих металлообрабатывающей и металлургической промышленности Урала, начавших работать в 1914-1917 гг., сохранявшие связь с землёй составляли: у металлистов – 25,9 %, металлургов – 30,1 % (20), т.е. накануне революции 1917 г. около 70-75 % металлистов и металлургов не имели связи с землей.

Догма пятая: «типичность» Нижнетагильского округа. Т.К. Гуськова и Л.В. Сапоговская утверждают, что Нижнетагильский округ являлся «типичным» и «на его примере» можно рассматривать всю организацию уральской горнозаводской промышленности в целом (21).

В действительности, он как раз типичным не являлся: 1) Был расположен на Среднем Урале, в районе с благоприятными природно-климатическими условиями; 2) Обладал богатейшими природными ресурсами, в числе которых - г. Высокая с гигантскими запасами высококачественной железной руды; 3) Кроме чугуна и железа, выплавлял медь, добывал золото и платину; 4) Включал 9 заводов, дал в 1860 г. 13,8 % чугуна, 11,9 % железа, 39,6 % меди, 28,1 % золота, 90,6 % платины, производимых на всём Урале; 5) Владельцы округа Демидовы имели колоссальное влияние в правительственных кругах, пользовались поддержкой царствующих особ; 6) Обладание крупными капиталами позволяло Демидовым (вплоть до начала XX в.) сохранять финансовое равновесие своего округа.

Горнозаводских округов, равных по производительной мощности Нижнетагильскому, на Урале было только 4-5. Поэтому его нельзя ставить в один ряд, сравнивать с округами средних и малых размеров, состоявшими из 1-2 заводов, часто - не имевшими своей рудной базы и собственных лесов, принадлежавшим мелким, неавторитетным владельцам, не обладавшим значительными капиталами. Рассматривать развитие социально-экономических процессов на всём Урале «на примере Нижнетагильского округа» - ненаучно, а часто - просто абсурдно.

«Концепция В.В.Адамова», предложенная в качестве региональной модели социально-экономического развития Урала, являлась перепевом устаревших официальных, буржуазных и народнических теорий конца XIX-начала XX вв. Она была не шагом вперёд, а, наоборот, тянула историческую науку назад, к представлениям русской дореволюционной архаичной официальной, буржуазной и народнической историографии о некапиталистическом характере экономического развития России, об отсутствии в стране индустриального пролетариата, о полукрестьянской-полурабочей социальной природе уральских рабочих.

Несмотря на то, что «новое направление» и «концепции В.В. Адамова» оказались научно несостоятельными, не выдержали испытания временем на достоверность и жизнеспособность, за три прошедших десятилетия не дали каких-либо ощутимых реальных результатов - редколлегия и авторы университетского сборника призывают возродить их, ратуют за всемерное внедрение их в историческую науку, за возвращение к проблемам, «поднятым» ими, призывают использовать их идеи для «современного переосмысления исторического процесса» (22).

Настораживают боевой дух и воинственный тон редколлегии и авторов университетского сборника, их агрессивность и непримиримость ко всем заподозренным в нелояльности к «концепции В.В. Адамова», их неже-

ление оценить реальную действительность, увидеть действительно прогрессивные перспективные, а не мнимые и оказавшиеся бесплодными пути развития исторической науки.

1. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. Екатеринбург, 2004.
2. Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
3. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.296; Суслов М.А. Избранные речи и статьи. М. 1972. С.560-561; История СССР с древнейших времён до наших дней. М. 1967. Т. VII. С.294-314,363-378 (авторы разделов - Д.А. Коваленко, Н.Я. Бромлей).
4. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5.
5. Там же. С.74.
6. Ленин В.И. К вопросу об империализме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.39. С.178; Он же. Развитие капитализма в России // Там же. Т.3. С.488; Он же. Замечательное дело // Там же. Т.23. С.373.
7. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.19,23.
8. Там же. С.41.
9. Там же. С.5.
10. Адамов В.В. Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой империалистической войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Л. 1954. С. VII-VIII.
11. Он же. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. С.235.
12. Он же. Предисловие // Там же. С.8.
13. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5, 35-36, 79-83, 90.
14. Адамов В.В. Об оригинальном строе Урала // Научная сессия, посвящённая проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. С.78.
15. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.34-36, 61, 78-79.
16. Гарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. С.24; Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. С.246-247, 255-256; Он же. Развитие промышленности Урала в 1908-1913 гг. // Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С.14, 19.
17. Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов, 1 июля 1916-1 января 1918 гг. Пг., 1918. С.53; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. М.-Л., 1965. С.236, 396; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982. С.257.
18. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5.
19. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Екатеринбург, 1891. С.269-493; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1894. Вып. 5. Ч. 1. Заводский район. С.240-255;

- Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма, 1861-1900 (Численность, состав, положение). С.138-143.
20. Рашин А.Г. Металлисты СССР. М., 1930. Т.1. С.26.
21. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.38,64.
22. Там же. С.5-6, 15, 44, 66, 69.

**Галкина Т.А.
(Екатеринбург)**

Роль Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря в становлении женского образования в Пермской губернии

История возникновения Ново-Тихвинской обители восходит к XVIII веку. Это был первый именно женский монастырь, основанный на территории Пермской губернии. В 1799 г. в Екатеринбурге возникла женская община при кладбищенской церкви Успения Божьей матери. На её основе через 10 лет появилась Ново-Тихвинская пустынь, позднее переведенная в монастырь 3-го класса. Через 23 года после основания общины в 1822 г. был учреждён женский монастырь 1-го класса. Ново-Тихвинский монастырь был единственным первоклассным на территории Урала и Сибири. Он был самым крупным женским монастырём. Монастырь активно развивал свою деятельность в разных направлениях: сельское хозяйство, промыслы, просвещение, благотворительность, строительство. По всем направлениям он достиг высоких результатов. Как и многие другие в 1921 г. Ново-Тихвинский был закрыт. В 1994 г. он был возрожден.

Особого внимания заслуживает просветительская деятельность монастыря, так как он стоял у истоков развития женского образования на Урале. На основании «правил Высочайше утвержденных в 1836 году и 14 статьи Устава Духовной Консистории 4.09.1838 года при монастыре было открыто женское училище» (1). Изучить его деятельность позволяют отчёты, публиковавшиеся ежегодно в Екатеринбургских Епархиальных Ведомостях с 1886 по 1917 годы включительно. До учреждения училища обучением занималась старшая грамотная монахиня, которая учила не только монастырских детей, но и приходящих девиц из духовного, купеческого и крестьянского сословий. Первое десятилетие училище полностью содержалось за монастырский счёт. Первоначально оно состояло из трёх классов. Преподаванием бесплатно занимался один монастырский священник, а рукоделием обучала монахиня, надзиравшая за ученицами. В 1847 г. училище посетил архиепископ Пермский Аркадий. В последствии он написал игуменье Александре (1827-1858), что «училище должно обратить на себя особое внимание епархиального начальства». Он признал нужным возвысить значение этого заведения и высказал следующие пожелания: «По нашей епархии заводятся училища

для детей женского пола не только по заводам, но и по сёлам... Ваше должно первенствовать между ними во всех отношениях» (2). В 1848 г. в Перми был составлен устав училища. По нему на обучение принимались дети женского пола всех сословий и всех направлений православия из Екатеринбурга и других городов. Воспитанницы могли жить как при монастыре, так и в домах своих родителей. Содержались девочки частично за счёт монастыря, попечителей и своих родителей. Преподавателями решено было назначить двух местных священников. Ученицы изучали следующие предметы: «учение», рукоделие, хозяйство. «Учение» подразумевало обучение чтению, письму и арифметике. Кроме того, воспитанницы были обязаны знать на память определённые молитвы. В уставе особо было обращено внимание на метод обучения, он должен быть объяснительным - «...не оставлять ни одного слова, праздничного дня, обряда или богослужения без объяснений» (3).

С 1866 года учителям начали выплачивать вознаграждение - 170 рублей на всех в год. Священники, имевшие мало свободного времени, не могли полностью посвятить себя учительскому делу. В 1871 г. настоятельница Магдалина (1858-1893) добилась увеличения жалования и расширения штата. Жалование было увеличено до 150 рублей в год каждому учителю. Для преподавания были приглашены студенты Н. Морозов и И. Щапов, деятельность которых была высоко оценена экзаменаторами по итогам 1870/71 учебного года. Постепенно число учебных предметов увеличилось. Училище в 1885 г. было преобразовано в 4-классное. На первом году обучения учили чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, заучиванию на память молитв, рукоделиям и церковному пению. На втором году вводилось изучение священной истории Ветхого Завета, первая часть Катехизиса, сведения о двенадцятих праздниках, объяснение литургии и первые четыре действия арифметики. В третьем классе ученицы знакомились со священной историей Нового Завета и рассказами из всеобщей истории, второй частью Катехизиса и начинали изучение русской грамматики. Они получали общее представление о географии - им сообщали краткие сведения о народах, живших до Р.Х. и после. Продолжалось объяснение видов богослужения, углублялась программа по рукоделию, домоводству, церковному пению. В последнем четвёртом классе заканчивали изучение Катехизиса, знакомились с рассказами о важнейших событиях вселенной и российской церкви, продолжали изучение грамматики, истории, географии, на арифметике проходили дроби. К этому времени ученицы содержались на следующие средства: 1) пособие от епархиального начальства; 2) деньги, вносимые родителями или попечителями; 3) пожертвования; 4) деньги, получаемые от продажи рукоделий; 5) средства заведения монастыря. После открытия учебного заведения количество учениц не превышало 20 человек. Число желающих попасть в училище постоянно росло: в 1859 г. - 32 чел., 1866-47 чел., 1872-58 чел., 1874-82 чел. Что касается помещений, то училище располагалось в 2-х этажном каменном здании с садом на монастырской земле. Оно содержалось и обслу-

живалось за счёт монастыря. Кроме училища в 1866 г. при обители был учреждён детский приют для воспитания девиц-сирот 6-7 лет духовного звания. Когда девочки достигали 10-ти летнего возраста, они поступали в училище. В приюте сироты получали основные знания и умения. К 1873 г. в нём находилось 30 девочек. Матушка Магдалина считала, что время для детей очень дорого и они должны начать обучение в определённые годы. Именно поэтому она постоянно хлопотала об увеличении числа вакансий в приюте.

В 1874 г. игуменья начала ходатайствовать об открытии 5-го класса, а затем и 6-го, чтобы преобразовать училище в 6-тиклассное. Расходы монастырь брал на себя. В 1880 г. последовал указ Священного Синода, в котором было разрешено преобразовать училище из 4-х в 6-тиклассное Зауральское Епархиальное женское училище - единственное на всей территории Пермской губернии. Количество учениц с 82 чел. увеличилось до 186, а в 1890 г. уже обучалось 250 учениц. К 1909 г. список предметов ещё более расширился. В учебную программу входили: дидактика, черчение, рисование, космография, физика, церковнославянский язык, алгебра, общая и русская гражданская истории, немецкий язык и гимнастика. В 1908 г. руководство училища выступило с ходатайством об открытии 7-го класса, но съезд духовенства из-за нехватки помещений предложил отложить до постройки нового здания. Общеобразовательная программа 7-го класса приравнивалась к программе правительственных женских гимназий. К началу 1913/14 учеб. г. число учениц увеличилось до 334 человек. Общее количество недельных часов по классам (по обязательным предметам) распределялась следующим образом: 1,2,3 классы-22 урока, 4 класс-25 уроков, 5,6 классы-28 уроков. Уроки длились 50 минут, между ними были перемены по 10 минут. Занятия ежедневно начинались в 9-00 и заканчивались в 14-05. Подготовкой к урокам занимались в вечерние часы под руководством воспитательниц.

При училище имелась библиотека, формировавшаяся со времени его основания. К началу XX в. она состояла из 3-х отделов: 1) фундаментальный - 4507 томов; 2) ученический - 3208 т.; 3) учебный - 2521 экземпляров.

Времена изменились. В 1917 г. появился декрет о передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения. Церковь лишилась всех своих семинарий, училищ, академий и связанного с ними имущества. К 1930-м гг. все монастырские здания были заняты светскими учреждениями. Старое и новое здания училища сохранились до наших дней.

Женское училище, открытое при Ново-Тихвинском монастыре, было первым на территории Пермской губернии. Таким образом, духовное образование опередило светское более чем на 20 лет (4). Из всех пансионов для девочек самым долговечным оказался монастырский, просуществовавший 80 лет. Следует подчеркнуть, что училище давало образование малоимущим девицам-сиротам. Всего за время существования учреждения в нём прошли обучение 8911 девочки. При монастыре была создана целая образовательная система, включавшая приют, училище и церковно-приходскую школу. Ново-

Тихвинский монастырь сыграл значительную роль в становлении женского образования на территории Пермской губернии, он смог поднять женское образование на более высокий уровень.

1. Иконников В. Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря, СПб., 1870. С. 91.
2. Там же. С. 92.
3. Там же. С. 93.
4. Первые пансионы появились в 50-е гг. XIX в., 31.07.1860 г. открыта первая казённая гимназия. Некрасов В. Юбилей женской гимназии // Вечерний Екатеринбург. 1993. 11 августа.

**Дашкевич Л.А.
(Екатеринбург)**

О начале деятельности уральских гимназий

Школьную реформу начала XIX в. многие исследователи считают одним из наиболее ярких проявлений либерализма александровской эпохи (1). Законодательные акты, разработанные просвещенными реформаторами («Предварительные правила народного просвещения» от 24 января 1803 г., университетские уставы 1804 г., «Устав учебных заведений, подведомственных университету и попечителям округов» от 5 ноября 1804 г.), декларировали гуманистические начала в обучении и воспитании: бессловность и бесплатность обучения, светский характер образования, преемственность программ учебных заведений разного уровня (2). В российской провинции, однако, правительственные преобразования в учебной сфере были встречены весьма прохладно.

Вновь образованная, в соответствии с Уставом 1804 г., Пермская гимназия, по словам одного из исследователей ее истории, директора училищ Пермской губернии В.Н. Шишонко, в первой четверти XIX в. «не пользовалась хорошей репутацией в обществе» (3). Численность учащихся в ней к 1826 г. была в несколько раз меньше, чем в прежнем главном народном училище. Основной костяк их составляли дети чиновников низших рангов (обер-офицеров) и кантонисты местного военно-сиротского отделения (см. Таблицу 1). Небогатое купечество и мещанство Перми, очевидно, не видело необходимости в широком гимназическом образовании для своих детей и практически не посылало их в высшие классы средней школы. «Безвременно» отвлекали своих детей от учебы в гимназии и бедные жители Перми, особенно матери сирот, причиной этого, как указывал директор гимназии Н.С. Попов, была потребность «снискать пособие в хозяйстве, а иногда и самое пропитание» (4).

Не считали необходимым для своих детей гимназическое образование и богатые дворяне и чиновники, жившие в губернском городе. Как указывал в той же записке директор Н.С. Попов, «достаточнейшие из жителей Перми» предпочитали обучать своих детей дома, «призывая для того студентов здешней семинарии, немногие – учителей гимназии». Чиновники стремились поскорее пристроить своих детей к службе, причем, по словам директора, они делали это «не столько для получения жалованья, сколько для ранней заслуги чинов». Любопытно, что отвращало благородные сословия от обучения детей в гимназии, помимо прочего, еще и опасение публичных наказаний. Н.С. Попов указывал, что если исключить питомцев гимназии «за все шалости и нерадение, то число учеников чрезвычайно уменьшится, ибо многие родители, особливо благородные, не станут вовсе отдавать детей, опасаясь стыда, чтобы дети их не попали в число исключенных» (5). Подобные причины культурно-психологического характера были обычными для провинции того времени (6). Большое значение, помимо того, имели и факторы субъективного свойства, особенно отношение к учебному делу руководителей местной администрации и училищного ведомства. В 1810 г. директор училищ Пермской губернии Н.С. Попов жаловался попечителю Казанского учебного округа на Пермского гражданского губернатора Б.А. Гермеса, уверяя, что тот знать не хочет попечителя и его распоряжений, чем «огорчает его до слез» (7). Надо сказать, впрочем, что и сам Никита Савич Попов не пользовался особым авторитетом в местном обществе. Его «несостоятельность» в должности директора, с точки зрения В.Н. Шишонко, была одной из главных причин слабого притока учащихся в Пермскую гимназию.

Никита Савич Попов был одним из самых опытных педагогов в Перми, он работал здесь учителем с самого момента основания училищ. В начале XIX в. его назначили директором Пермского главного народного училища. Обучался Н.С. Попов сначала в Пермской семинарии, а затем в Петербургской учительской семинарии Ф.И. Янковича де Мириево. Известно, что во время учебы он посещал лекции ученых Российской Академии наук, а после возвращения в Пермь стал одним из первых исследователей местного края (8). В 1800 г. Н.С. Попова привлекли к созданию Атласа Пермской губернии. За составление «Историко-географического описания губернии» к Атласу учителя наградили досрочным повышением в чине. По именному указу Павла I 37-летнего учителя произвели в восьмой класс по табели о рангах, что дало ему права потомственного дворянства (9). В 1802-1803 гг. Н.С. Попов трудился над составлением «Хозяйственного описания Пермской губернии». Этот двухтомный капитальный труд, составленный по программе Вольного экономического общества, до сих пор является одним из лучших источников по истории Урала. В 1807 г. за составление научного труда Н.С. Попов был назначен адъюнктом Казанского университета. В 1812 г. его приняли в члены Казанского Общества любителей словесности (10).

Личные качества Н.С. Попова, однако, как и его административные способности, оставили не столь приятные воспоминания у жителей Перми. Небольшим уважением, очевидно, он пользовался и в среде учителей Пермской гимназии. Материалы, опубликованные В.Н. Шишонко, свидетельствуют о постоянных стычках директора Н.С. Попова с подчиненными, что, впрочем, имело вполне обоснованную причину. Как выяснила ревизия, директор гимназии «имел обыкновение при выдаче жалования учителям брать себе, без достаточного законного основания, 100 рублей серебром ежемесячно». Отчеты его о расходовании казенных сумм были столь запутанными, что он вынужден был заплатить после ревизии по казенному взысканию 113 рублей серебром. Нарекания по службе привели к тому, что Н.С. Попов, прослуживший в учебном ведомстве почти 41 год, был уволен из училища без назначения пенсии и испытывал на старости такую нужду, что Пермский губернатор хотел даже принять его на должность заседателя в совестном суде с годовым окладом в 300 рублей, чтобы он «не умер в нищете, не имея настоящего хлеба» (11).

Пермская гимназия была торжественно открыта 29 июня 1808 г. Разместилась она в здании главного народного училища, которое украшало Пермь еще с конца XVIII века. Большую помощь училищному ведомству в создании местной гимназии оказали уральские заводовладельцы. Надо отметить, что суммы благотворительных взносов на Урале никогда не достигали размеров дворянской и купеческой благотворительности в российских столицах. Богатые дворянские семьи, владевшие заводами и земельными владениями на Урале, в XIX веке в своих имениях почти никогда не появлялись, они предпочитали проводить время в столицах или за границей. Именно там, вдали от Урала, многие из них (Демидовы, Строгановы, Лазаревы, Голицыны и др.) оставили о себе память как крупнейшие меценаты и благотворители. Впрочем, просьбы о финансовой помощи пермского губернатора они тоже почти никогда не оставляли без ответа.

В 1806 г. Вятский и Пермский генерал-губернатор К.Ф. Модерах предложил «здешней губернии господам заводчикам» сделать какое-либо пожертвование на содержание вновь создающейся гимназии. В ответ на эту просьбу поступили денежные взносы от владельцев Авзяно-Петровских и Сергинско-Уфалейских заводов М.П. Губина (1500 рублей), Верх-Исетских заводов А.И. Яковлева (1000 рублей), его ближайшего родственника подполковника С.С. Яковлева, владевшего Алапаевскими заводами (500 рублей). 1000 рублей передал для гимназии Н.Н. Демидов, посетивший свои Нижнетагильские заводы в 1806 г. Сумма, образовавшаяся в результате благотворительных взносов (4000 рублей), была отправлена для приращения процентами в Московский опекунский совет Воспитательного дома. Известие об этих пожертвованиях решено было напечатать в периодической печати, благотворители же получили благодарственные письма лично от министра просвещения Петра Васильевича Завадовского (12).

После создания гимназии поток благотворительных взносов на ее содержание не прекращался. Ежегодно они поступали от разных слоев населения. Список благотворителей, отправленный Советом императорского Казанского университета попечителю учебного округа в 1819 г., например, числил среди них заводовладельца Григория Александровича Строганова, пермских чиновников, горных офицеров, надзирателей питейных сборов и других городских жителей. Взносы, поступающие от городского населения (всего ведомость зафиксировала 17 человек), были невелики (от 5 до 50 рублей асс.), в целом, однако, они составили достаточно большую для того времени сумму (475 рублей 50 копеек асс.). Любопытно, что небольшие суммы пожертвований перечисляли даже весьма небогатые местные учителя: в 1819 г. это был учитель Пермской семинарии Бенедиктов, отдавший гимназии 50 копеек серебром (13).

Местная интеллигенция пополняла учебные кабинеты гимназии. В 1819 г., например, инспектор Пермской врачебной управы Федор Христофорович Граль передал директору училищ Пермской губернии «спиртовый термометр с реомюрным делением». В 1820 г. старший учитель Василий Грибовский принес в дар гимназии гербарий, составленный им из растений, имевших распространение в Пермской губернии и зарубежных странах. Уральские растения (340 видов) он собирал сам, зарубежные же (300 видов) приобрел в Санкт-Петербургских ботанических садах. По решению Совета Казанского университета сообщение об этом полезном подарке было напечатано в Московских и Санкт-Петербургских Ведомостях (14).

В целом, денежная сумма, отпускавшаяся на нужды Пермской гимназии в первой четверти XIX в. составляла около 6300 рублей. Это были средства из казны (3666 рублей 66 копеек), от приказа общественного призрения (2000 рублей), проценты с благотворительного капитала, хранившегося в московском опекунском совете, пожертвования горожан. Не отказались от своего обязательства поддерживать гимназию после издания указа 1804 г. и заводовладельцы Строгановы. Ежегодное пособие в 400 рублей они начали передавать Пермскому главному народному училищу еще в XVIII веке (15).

Учреждение гимназии в Вятской губернии несколько затянулось, так как местное главное народное училище ко времени реформы, в отличие от Пермского, не имело собственного дома. Однако «приверженность к просвещению» жителей в Вятке оказалась несравненно выше, чем в Перми. Согласно данным ведомости, отправленной ректору Казанского университета, по численности учащихся Вятская гимназия в начале 1826 г. почти вдвое превосходила Пермскую. Купечество и мещанство Вятки практически не уступало местному чиновничеству в желании дать своим детям среднее образование (см. Таблицу). Причину тому исследователи видят в личной инициативе, энергии и настойчивости вятского гражданского губернатора Федора Ивановича Фон-Брадке. Губернатор Фон-Брадке сменил на этом посту Василия Ивановича Болгарского. В 1807 г., после четвертой сенаторской

ревизии, открывшей огромные злоупотребления в управлении Вятской губернией, Болгарский был отдан под суд (16).

Вступив в должность, Ф.И. Фон-Брадке стал вести активную переписку по поводу открытия в губернском центре гимназии. Сохранились его письма с просьбой о содействии в открытии гимназии с попечителем Казанского университета, министром народного просвещения, Вятским и Пермским генерал-губернатором. Неоднократно губернатор обращался и к местному обществу, призывая его «обогатить детей своих науками, яко капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастье от них отнять не может» (17). По инициативе Ф.И. Фон-Браке по всей губернии была открыта подписка к пожертвованию на устройство гимназии. Она принесла училищному ведомству достаточно крупную сумму в 13624 рубля 85 копеек асс. Наиболее крупное пожертвование на нужды образования внес уржумский купец Матвеев (5 тысяч рублей), за что ему была вручена золотая медаль с надписью «За полезное». Собранные деньги дали возможность купить для гимназии собственное помещение. На одном из аукционов был приобретен у купца Масленникова каменный дом за 5341 рубль 20 копеек (18).

Таблица 1

Состав (по происхождению) учащихся уральских гимназий в 1825 г.*

Наименование учебного заведения	Социальное происхождение учащихся									Всего
	Из дворян (штаб-офицеры дети)	Из обер-офицерских детей	Из приказно-служительских детей	Из купцов	Из мещан	Из городских крестьян	Питомцы Приказа обществ. призрения	Кантонисты	Из крепостных (дети господ-служителей)	
Пермская гимназия	4	18	1	-	2	-	2	10	2	39
Вятская гимназия	3	36	2	14	16	4	-	-	-	75
ИТОГО:	7	54	3	14	18	4	2	10	2	114

* Составлено по: Ведомости о составе гимназий, направленные директорами училищ Пермской и Вятской губерний ректору Казанского университета в 1826 г. (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2003. Л.7-8).

В таблице не учтены учащиеся Уфимской гимназии, так как она в это время еще не была открыта.

21 ноября 1811 г., после торжественного акта открытия, вятская гимназия начала прием учащихся. В день открытия она вновь получила от горожан 1112 рублей (19). Денежные средства и материальные пожертвова-

ния поступали от горожан на нужды гимназии и после ее официального открытия. Во время открытого испытания воспитанников гимназии в 1816 г., например, проверяющие чиновники пожертвовали гимназии 335 рублей, а учитель рисования подарил школе портрет епископа Вятского и Слободского Гедеона (20).

Училищное здание, купленное казной у купца Масленникова, оказалось не совсем удобным для размещения учебных площадей, поэтому в 1815 г. решено было обменять его на более просторный дом купца Аршаулова. Купец получил не только прежний училищный дом, но и достаточно большую доплату за него (11200 рублей) с условием, чтобы он передал в собственность гимназии землю, на которой расположено здание, а также доставил для его перестройки тысячу бревен и сто тысяч кирпичей. Каменный двухэтажный дом, дополненный вновь выстроенными двумя флигелями, был готов к началу занятий 21 ноября 1815 г. Перестройка здания обошлась казне в 7360 рублей. По просьбе губернатора материальную помощь в строительстве оказали Холуницкие заводы. В 1816 г. управитель заводов Ефим Васильевич Ваганов передал строительному комитету около 25 пудов связанного железа (21). Старания вятского губернатора Ф.И. Фон-Брадке не остались незамеченными. За свои заботы об открытии гимназии он был удостоен звания почетного члена императорского Казанского университета (22).

Первым директором Вятской гимназии, как и в Перми, стал бывший директор местного главного народного училища Тимофей Титыч Рапинов. Судя по воспоминаниям выпускников гимназии, большими дарованиями этот человек не выделялся. «Не слишком достаточен» он оказался и в науках, не знал ни одного иностранного языка. Местные жители, жертвователи гимназии, были очень недовольны этим обстоятельством и просили губернатора найти нового директора. Училищный комитет Казанского университета порекомендовал на эту должность Ивана Вильгельмовича Глейнига. В 1812 г. он занял пост директора гимназии и руководил ею и всеми подчиненными учебными заведениями до 1819 г. В отличие от Рапинова, Глейниг был человеком весьма образованным для того времени. Выходец из прусских дворян на русской службе, он закончил курс обучения в Кенигсбергском университете, некоторое время состоял на военной службе, участвовал в турецких войнах. Во время директорства И.В. Глейнига Вятская гимназия процветала. Высоко оценил деятельность этого человека попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский. В 1815 г. он представил Глейнига к награде, отметив, что «усердием и деятельностью он перед всеми директорами округа отличается». Отметил директора Вятской гимназии и новый попечитель округа Михаил Александрович Салтыков. Осмотрев учебные заведения Вятской губернии в 1815 г., он поставил его в пример всем прочим директорам (23).

Самой длительной и сложной оказалась реализация нового школьного Устава в Оренбургской губернии. В силу ряда обстоятельств учебная администрация здесь не пошла по традиционному пути преобразования

главного народного училища в гимназию. К началу XIX в. Оренбургское главное училище занимало тесный и холодный дом в Оренбурге. Визитаторы И.И. Запольский и П.С. Кондырев, посетившие его в 1809 г., отметили, что ни жить, ни учить детей в нем невозможно - «за худобою и крайним холодом классической (то есть классной) /комнаты – Л.Д./ учителя зимою, кое-как теснясь, учили детей попеременно в своих жилых комнатах» (24). Для создания гимназии необходим был новый, более просторный и удобный дом. С самого начала возник вопрос о том, где же его строить? Оренбург был в то время уездным городом. Приказ общественного призрения, непосредственно ведавший народными училищами, находился в Уфе. Вдали от местного гражданского начальства, главное училище оказалось забытым и заброшенным. Визитаторы считали необходимым перенести гимназию в центр губернии. Этому же мнения придерживался и военный губернатор края князь Г.С. Волконский. Он готов был содействовать переводу главного народного училища в Уфу, в Оренбурге же - учредить особое «училище для азиатцев и всех вообще иррегулярных войск», дав ему название Неплюевского (25).

Гражданский губернатор М.Ф. Веригин, располагавшийся в Уфе, однако, оказался не столь большим сторонником создания губернской гимназии в Уфе. Университетским визитаторам он, правда, обещал помощь в устройстве гимназии и даже заявил, что уже назначил для нее дом. Но дом этот, как отметили ревизоры, «почти так же неудобен и ветх и неуделан, и клонится к падению, как настоящий» (26).

Некоторое понимание представители училищного ведомства встретили в Уфе лишь у губернского предводителя дворянства Саввы Осоргина. Тот считал, что учреждение гимназии губернскому городу необходимо, так как в губернии много бедных дворян: воспитание детей вдали от родины для них чрезвычайно затруднительно. Предводитель дворянства был уверен в том, что дворянство охотно будет выделять благотворительные взносы на устройство гимназии. Сам он обещал всевозможную помощь в сборе пожертвований (27). О сборе благотворительных взносов на устройство в Уфе гимназии дворянству было объявлено в 1809 г. Дворянство в ответ пообещало выделить на эти цели 10 тысяч рублей, предполагая собрать эту сумму за три года с помещичьих крестьян (по 30 копеек с души) (28). В мае 1810 г. первый взнос от дворянского общества (3333 рубля 33 копейки) поступил в училищное ведомство и был направлен в приказ общественного призрения для приращения процентами. Оставшиеся деньги, однако, долгое время были в недоимке, так как дворяне не видели особой активности властей в деле устройства гимназии (29).

Дело сдвинулось с мертвой точки только после приезда в Оренбург нового военного губернатора графа Петра Кирилловича Эссена. В 1817 г. он обратился к гражданскому губернатору и губернскому предводителю дворянства с предложением «принять ревностное участие в приглашении дворян и граждан на пожертвование для заведения гимназии и уездных училищ,

кто чем заблагорассудит». Богатым заводладельцам и дворянам-помещикам П.К. Эссен направил личные письма с просьбой об оказании пособия делу народного просвещения в крае. Оренбургское общество достаточно активно откликнулось на инициативу военного губернатора. К сентябрю 1820 г., судя по донесению визитатора Розанова, в Оренбургском приказе общественного призрения находилось уже 23127 рублей, пожертвованных на устроение в Уфе гимназии (30).

Среди жертвователей гимназии были заводладельцы, помещики, чиновники, офицеры, казаки, купцы. Кроме того, дворянин И.Е. Демидов выделил для строительства средней школы 778 бревен строевого леса (31). В том же 1820 г. в пользу вновь создающейся гимназии было передано крупное частное пожертвование: помещик Бугурусланского уезда, коллежский советник П.Я. Тоузаков передал в гимназический капитал 10 тысяч рублей (32).

Собранных денег оказалось достаточно для начала строительства гимназического помещения в Уфе. По проекту здесь предполагалось возвести каменное трехэтажное здание, которое могло вместить в себя и гимназию, и уездное училище. Смета строительных работ составила 145708 рублей – сумма, весьма внушительная для училищного ведомства того времени. Долгое время, прежде всего из-за дороговизны работ, строительство здания затягивалось. В 1823 г. отыскался подрядчик (чухломской купец Василий Юдин, прибывший в Уфу из Костромы), согласившийся выстроить здание за 135 тысяч рублей. На эти расходы казна согласилась: в 1823 г. деньги, дополнившие благотворительные средства, были перечислены Казанскому учебному округу из строительного капитала департамента народного просвещения. В 1825 г. гимназическое здание в Уфе было отстроено. 9 июня 1826 г. министр народного просвещения А. Шишков предписал принять его в училищное ведомство. Гимназическое здание, однако, оказалось очень непрочным, скоро в его стенах обнаружили большие трещины, которые пришлось устранять. Обнаружились и другие неполадки. Открытие гимназии затянулось еще на два года. Торжественное открытие Уфимской гимназии состоялось 11 ноября 1828 г. (33).

Уральские гимназии, как, впрочем, и многие провинциальные школы, заполнялись учениками далеко не столь быстро, как на это рассчитывали реформаторы. Отношение к просвещению в провинциальных центрах менялось очень медленно. Приверженность к среднему и высшему образованию здесь в течение всей первой половины XIX в. приходилось приносить сверху, усилиями коронных властей и руководителей учебной части. Важной вехой в развитии среднего и высшего образования стал указ от 6 августа 1809 г., написанный на основе доклада М.М. Сперанского. На основе этого указа лица с университетским образованием получали существенные преимущества при продвижении по служебной лестнице. Чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство, могли приобрести лишь чиновники, выдержавшие экзамен в университете. Как писал историк

народного образования И. Алешинцев, после данного указа «пассивная забастовка общества по отношению к гимназиям кончилась, будущие чиновники стали учиться» (34).

Указ об экзаменах был отменен только в 1856 г. К этому времени он выполнил свою роль – образовательный уровень чиновничества в центре и на местах значительно вырос. Как свидетельствуют данные анализа социальной мобильности российской бюрократии в первой половине XIX в., осуществленные американским исследователем В.М. Пинтнером, карьера чиновника к концу крепостного периода лишь на 18% зависела от его социального происхождения и на 12% - от числа крепостных душ. По большей части (на 31%) карьера определялась образованием чиновника (оставались, правда, и прочие факторы, в 39% случаев именно они определяли карьерный рост чиновника) (35). Численность учащихся уральских гимназий к середине XIX в. выросла более, чем в 4,5 раза. К 1 января 1855 она составляла 525 чел., в том числе: в Вятской гимназии - 141 чел., в Пермской гимназии – 149 чел., в пансионе при Пермской гимназии – 44 чел., в Оренбургской гимназии – 168 чел., в пансионе при Оренбургской гимназии – 23 чел. (36).

1. См., например: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.2. Ч.2. М., 1994; Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. М., 2001; Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. СПб., 2000.
2. ПСЗ-I. Т.27. С.438; Т.28. С.625.
3. Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С.124.
4. Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Ч.1. СПб., 1865. С.121.
5. Там же.
6. См., например: Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-Восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С.233.
7. Зверев А.В. Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808-1908). Пермь, 1908. С.35.
8. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX вв.): Учебное пособие. Пермь, 1992. С.11.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д.95. Л.149.
10. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С.422.
11. Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С.123.
12. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д. 175. Л.1, 5, 7, 10, 13.
13. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.977. Л.20.
14. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1220. Л.1-2.
15. Зверев А.В. Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808-1908). Пермь, 1908. – 229 с. - С.33.

16. Васильев М.Г. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С.5.
17. Васильев М.Г. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С.6.
18. Васильев М.Г. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С.7.
19. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.2. Вятка, 1881. С.623.
20. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.645. Л.3 об.
21. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.645. Л.17.
22. Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т.1. Вятка, 1880. С.346, 358, 359.
23. Васильев М.Г. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С.11.
24. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича. СПб., 1904. Изд.2-е. Ч.1-2. С.494.
25. Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч.1. Екатеринбург, 2000. С.29, 70.
26. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича. СПб., 1904. Изд.2. Ч.1-2. С.504.
27. Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. (1805-1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича. СПб., 1904. Изд.2. Ч.1-2. С.504-505.
28. Мирсаитова. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч.1. Екатеринбург, 2000. С.71.
29. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.832. Л.2-3.
30. В эту сумму, очевидно, вошли 10 тысяч рублей, пожертвованные дворянством Оренбургской губернии в 1805 г. на устройство в Казани военного училища. После того, как власти отказались от создания этого училища, деньги были перечислены в Оренбургский приказ общественного призрения. В 1820 г. Правление императорского Казанского университета обратилось к попечителю округа М.А. Салтыкову с просьбой о ходатайстве перед правительством о переводе этих денег на нужды вновь учреждаемой гимназии (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.832. Л.4).
31. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.832. Л.4.
32. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.1019. Л.18.
33. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.2071. Л.40.
34. Алешинцев Т. История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). СПб., 1912. С.55.
35. Pintner W.M. Civil officialdom and the nobility in the 1850-s // Russian officialdom. Chapel Hill. 1980. P.237.
36. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.6683. Л.112, 225, 402.

**Захарова Н. В.
(Нижевартовск)**

**Развитие маслоделия в Тобольской губернии
в начале XX века**

Коренной перелом в развитии маслоделия в зауральской части России начался в конце XIX столетия в связи с сооружением Сибирской железной дороги. Инициаторами маслоделия в Тобольской губернии стали местный предприниматель А.О. Памфилов и петербургский купец А. Вальков. Первый открыл в Тюменском уезде сыроваренный и маслодельный завод, продукция которого успешно продавалась на местных рынках в Екатеринбурге, Томске, Тюмени и других городах; второй в 1894 г. организовал в Курганском уезде первый завод по производству экспортных сортов масла.

По просьбе тобольского губернатора уже в следующем году в губернию Министерством земледелия и государственных имуществ был прислан в качестве инструктора по маслоделению заведующий Смоленской передвижной маслодельней Н. Сокульский. Под его руководством в январе 1896 г. 6 крестьянских дворов в деревне Морево Ялуторовского уезда организовали первую в Сибири маслодельную артель.

Первая экспортная контора, специализирующаяся на скупке масла, была открыта в том же году в г. Кургане торговым домом «Г. И. Пализень». В 1897 г. свою деятельность на этом поприще начала компания «Братьев Бландовых».

С открытием экспортных контор стал осуществляться тщательный контроль за качеством поставляемой продукции. Первичная экспертиза проводилась в г. Кургане, затем в Санкт-Петербурге, где продукция делилась на сорта и отправлялась за границу.

Тобольское крестьянство довольно быстро осознало выгоду для себя нового дела. Об этом свидетельствует тот факт, что за короткое время в губернии возникла густая сеть маслодельных заводов. К 1904 г. их насчитывалось 728, в том числе артельных 190; остальные являлись частными.

В районах маслоделия заводы охватывали, по нашим подсчетам, 75 – 80 % хозяйств. Главными поставщиками масла являлись зажиточные крестьяне, поскольку изготовление качественной конкурентоспособной продукции мелкому хозяйству было не под силу. Крупных маслодельных заводов, однако, насчитывалось сравнительно немного. Большинство из них представляло собой небольшие полукустарные предприятия с 2 – 3 рабочими и ручной двигательной силой.

Вплоть до 1906 г. маслоделие Тобольской губернии находилось в руках частных предпринимателей. На их долю приходилось до 75 % маслоделен. Но с началом массовых переселений в годы столыпинских преобразований положение резко меняется. Посчитав сибирское маслоделие

очень перспективным, правительство стало всячески поощрять его развитие выдачей ссуд на устройство артельных заводов, поставкой оборудования в кредит и назначением техников-инструкторов. Кроме того, в Тобольской губернии были открыты низшие сельскохозяйственные школы, работали курсы по обучению сельского населения новейшим приемам обработки молочной продукции.

Результаты такого подхода к делу не заставили себя долго ждать. В доказательство этого приведем численные показатели роста артельных маслоделен в Тобольской губернии на основании данных за 1904, 1906, 1908 гг.

Год	Число заводов	Количество переработанного молока (в пуд.)	Число рабочих
1904	190	4 078 988	458
1906	354	8362353	988
1908	541	11 464212	1240

С началом столыпинской аграрной реформы и ростом переселений число артельных заводов, объемы выпускаемой на них продукции и численный состав занятых в производственном процессе рабочих заметно возросли при сопоставлении с предшествующим периодом.

Производительность сливочного масла в 1910 – 1914 гг. увеличилась по сравнению с 1901 – 1905 гг. почти в 2,5 раза.

Развитие маслоделия отразилось на повышении доходности молочного скотоводства, как можно заключить из данных следующей таблицы.

Уезд	Размер дохода от маслоделия в уездах Тобольской губернии (на одну корову по годам (в руб.))			
	1905 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
Курганский	5,76	18,59	19,77	23,2
Ялуторовский	6,2	21,84	25,05	26,0
Ишимский	5,6	15,26	18,59	20,03
Тюкалинский	7,8	24,25	20,98	22,58
Тарский	7,9	28,28	20,24	25,30

Доход на один двор от молочного производства колебался в 1908 – 1910 гг. от 80 руб. в Курганском уезде до 181 руб. в Тарском.

Сибирские губернии, в том числе Тобольская, по экспорту продукции маслоделия заняли ведущее место на международном рынке, усиленно конкурируя с Данией. Большая часть тобольского масла направлялась в Англию, затем Германию, Данию, Францию и Голландию. Это масло – хорошо отработанное, обладавшее к тому же прекрасными вкусовыми качествами, – вывозилось из Дании и Голландии под маркой этих стран или шло на «сдабривание» их собственной продукции.

В маслоделии в ту пору быстро возрастала роль кооперации. Товарищества, входившие в «Союз сибирских маслодельных артелей», в 1914 г. объединяли около 250 тыс. домохозяйств, почти половина из которых приходилась на долю Тобольской губернии.

Последняя к 1914 г. стала одним из ведущих маслодельческих районов России, опередив такие старые центры маслоделия, как Петербургская, Вологодская, Ярославская губернии и Прибалтика.

Успехи развития западносибирского маслоделия в начале XX в. были засвидетельствованы Н.Л. Скалозубовым. По его словам, «в положении сельского хозяйства юга (Тобольской. – Н. З.) губернии произошли такие перемены, которые поражают наблюдателя: быстрое развитие маслоделия для экспорта, появление даже в глухих деревнях сепараторов и маслобоек делает выгодным молочное скотоводство; возрастает количество дойного скота у крестьян, возрастает ценность скота, в увеличивающейся пропорции из года в год растет количество сдаваемого на маслодельни молока; у крестьян появляется интерес к улучшению скота, возникает спрос на племенных животных, делаются попытки улучшенного содержания скота; получает развитие свиноводство; возникает интерес к травосеянию».

**Ильиных И.В.
(Нижний Тагил)**

**«Жить так, как живут мужчины»: гендерный аспект
общественной и трудовой активности населения
Нижнего Тагила на рубеже 1920-30-х годов**

Одним из условий строительства социалистического общества в 20-30-е годы XX века было формирование «нового человека», разделяющего идеалы и ценности устанавливаемого строя. Власть при создании «нового советского гендера» («нового мужчины» и «новой женщины»), вовлечении их в политическую и общественную жизнь, задействовала различные социальные, политические и психологические механизмы воздействия. Поскольку задачи первой пятилетки требовали активного участия женского населения в общественном производстве, правительство проводило нормативное и принудительное регулирование семейных отношений, формировало и изменяло официальные дискурсы, которые по-новому интерпретировали положение женщин в обществе и меняли устоявшийся гендерный уклад.

Жесткая гендерная политика советского руководства ставила женщин в положение «подчиненности», при котором условием выживания и самореализации был выбор определенной стратегии взаимодействия с властью. Ш. Фицпатрик выделила стандартный набор моделей построения взаимоотношений с государством, характерный для населения советской

деревни (1). Анализ социального поведения городского населения на рубеже 20-30-х годов XX века (на примере г. Нижнего Тагила) показывает, что они успешно применялись и жителями индустриальных городов. Среди основных способов взаимодействия с властью, форм проявления лояльности по отношению к ней можно выделить: 1) стратегии активного сотрудничества, вылившиеся, например, в движение ударниц и общественниц; 2) стратегии манипулирования через письменное и устное апеллирование к вождям и в государственные структуры; 3) стратегии приспособления, которые сводились к укреплению традиционных гендерных отношений и институтов.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века, согласно периодизации И. Кона, Г. Лapidус, А. Роткирх, произошло изменение гендерной политики советского правительства, суть которого заключается в переходе от политической к экономической мобилизации женщин, в связи с начавшейся форсированной индустриализацией и коллективизацией, реализацией курса на культурную революцию (2). Женщина, ранее воспринимаемая как «отсталая, темная, аполитичная часть населения», стала рассматриваться как репродуктивная единица и рабочая сила, именно в этом качестве вовлекаясь в коммунистическое строительство. Как «социально-одобряемую деятельность» официальная идеология пропагандировала политическую и производственную мобилизацию женского населения, что осуществлялось через женотделы, организованные при партийных комитетах различного уровня, делегатские собрания женского актива, секции городских советов депутатов.

В городах в условиях социалистического строительства при сохранявшейся низкой производительности труда необходимо было «привлечение женщин к трудовой повинности и участию в коммунистических субботниках» (3). Для осуществления этой линии власть проводила целенаправленную политику по укоренению в общественном сознании идеи о том, что «экономическое и социальное равноправие женщина могла приобрести при условии равноправного ее участия в производительном труде» (4). Но не все постановления органов власти были реализованы на местах. По решению Обкома ВКП(б) от 6 апреля 1931 года «о внедрении женского труда в производство» доля этого труда должна была составлять не менее 31%. В реальности, например, на Нижнетагильском заводе было задействовано женщин 23,7% от общего количества рабочих, на Выйском железном руднике – 18,6%, на Тагилстрое – 25%, на руднике III Интернационала – 31% (5). Недостаточно активно участвовали женщины в массовых компаниях. Согласно информационной сводке № 2/150 Центрального комитета Всесоюзного союза рабочих металлистов от 15 апреля 1930 года «О вербовке металлистов на работу в колхозы за счет 25000 рабочих» по Уральской области из 982 мобилизованных - женщины составляли 9,2% (6).

В индустриальном городе трудовая деятельность женского населения была тесно связана с общественной, заключающейся в участии в отчетно-выборных компаниях, движении ударников, социалистических соревно-

ваниях, а также в вступлении в Коммунистическую партию, работе в профсоюзных, советских и партийных организаций в качестве выдвиженцев. Несмотря на влияние революционных событий, во многом эмансипировавших женскую часть населения, их роль в общественно-политической жизни страны оставалась не столь значительной, как требовалось партией и правительством.

Характерным примером проявления общественной активности женщин являлось их участие в работе городского совета. В 1929 г. в Нижнем Тагиле в совет было избранно 69 женщин, что составляло 32% от общего количества депутатов (7). Анализ материалов базы данных «Депутаты» позволяет выявить наиболее типичные характеристики социального портрета женщин, стремившихся к проявлению активности. По роду занятий 40,6% женщин-депутатов были работницами промышленных предприятий, 32% - домохозяйками, 20,3% - служащими. По уровню образования 10,1% из них оставались неграмотными или малограмотными, 59,4% имели низшее образование, 23,1% - среднее, 7,2% - высшее. По национальности 95,6% женщин-депутатов были русскими. Возраст 52,1% из них не превышал 30 лет. Несмотря на изменение женского представительства в тагильской окружной парторганизации, составлявшего в 1924 г. - 11,6% от общего числа членов, в 1925 - 13%, в 1926 - 17,1%, в 1927 - 17,5%, в 1928 - 16,1%, на 1 октября 1929 - 15,5%, лишь 42% женщин-депутатов являлись членами Коммунистической партии (8).

Работу в советах различного уровня, вступление в партию, используя льготы, предоставляемые рабочим, большинство женщин воспринимало как «лифты социальной мобильности», как условие дальнейшего продвижения, возможность самореализации (9). Именно этот тип активисток, воспитанных на идеалах революции, с укоренившимся в сознании представлением о справедливости и закономерности советского строя, плодотворно участвовал в общественно-политической жизни города, считая это правом и долгом каждого гражданина.

Несмотря на сложившиеся политические и социально-экономические условия, которые привели к складыванию определенного типа политически активных женщин, большинство представительниц женского населения Нижнего Тагила на рубеже 20-30-х годов XX века продолжало оставаться политически пассивными, сохраняя традиционное представление об участии в советах и собраниях (зачастую олицетворявшимися с сельскими сходами) как типично мужском занятии. Особенно сильно это представление было в сельских районах, административно относившихся к городу, где доля женщин-депутатов была минимальной. По статистике, проводимой на делегатских собраниях женского актива, если в 1925-26 гг. активно участвовавших в общественной жизни женщин было 22%, причем такое распределение сохранилось и в следующем году, то по округу в тот же период доля женского представительства в советах упала с 33% до 18% (10). Менее активно женщины участвовали и в работе отчетно-выборных собра-

ний. Если явка мужчин на них в 1931 г. составляла 82%, то женщин – 70% (11.) Одной из причин нежелания женщин проявлять социальную активность было негативное отношение к ним со стороны традиционно настроенной части населения. Сами женщины-депутаты на совещаниях профактива среди причин пассивности представительниц женского населения в общественной работе называли малограмотность, нежелание работать, «отсталость от мужчин в своем развитии» (12).

Социальная активность женщин в индустриальном городе на рубеже 20-30-х годов XX века была отражением установившегося советского гендерного порядка, вызванного задачами социалистического строительства. Это приводило к изменению роли женщины в обществе, необходимости проявления ею активности в политической и производственной сферах. Но формированию по инициативе партии и правительства «нового типа» женщины препятствовали сохраняемые в сознании населения традиционные стереотипы взаимодействия женщины и власти.

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е годы: город. М., 2001.
2. Здравомыслова Е.А., Текина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: «РОССПЭН», 2003. С.442.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898-1925. М., 1953. С.895.
4. Ильина О. На главном направлении // Женщины Урала в революции и труде. Свердловск, 1963. С.271.
5. Отдел по делам архивов администрации г.Нижний Тагил (ОДААНТ). Ф.70. Оп.2. Д.176. Л.16,26.
6. ОДААНТ. Ф.228. Оп.4. Д.64. Л. 34 об.
7. База данных «Депутаты: 1929» // ОДААНТ. Ф.Р-70. Оп.2. Д.114.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф.9. Оп.1. Д.1028. Л.26.
9. Здравомыслова Е.А., Текина А.А. Указ.соч. С.462.
10. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2. Д.86. Л.10.
11. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2.Д.139. Л.108 об.
12. ОДААНТ. Ф.Р-70.Оп.2. Д.86. Л.10.

**Ильченко В. Н.
(Екатеринбург)**

**Особенности правовых отношений между
Русской православной церковью и советским государством
в годы Великой Отечественной войны**

К началу Великой Отечественной войны по-прежнему число верующих оставалось значительным. Материалы переписи 1937 г. свидетельствовали о традиционной верности христианской вере (1). В этой связи важным являлось отношение к войне Русской Православной Церкви, выразившееся уже в первый день войны в послании митрополита московского и коломенского Сергия (2). Он обратился к народу 22 июня 1941 года в день праздника всех святых земли русской. Его пасторское послание было разослано по всем приходам. (Это было нарушением действовавшего закона, согласно которому запрещалась всякая церковная деятельность вне церковных стен, как всякое вмешательство в государственные дела). В своем послании Сергей пишет «Мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охватив весь земной шар до нас не дойдет». Православная церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она переживала все его испытания, так и его успехи. Не оставит она своего народа и теперь. Благословляет она и предстоящий всенародный подвиг» (3). Он напомнил народу о его героях, которых воодушевляло чувство долга перед своей страной и церковью. Сергей убеждал священников не оставлять своих прихожан, и тем более не предаваться размышлениям о возможном переходе на другую сторону фронта, что было бы по его словам «изменой Родине и своему пасторскому долгу». Это явный намек на то, что после всех ужасов и преследований мысль об этом могла показаться многим соблазнительной. В литературе, к сожалению, встречается мнение о том, что митрополит Сергей определил патриотическую позицию под страхом репрессий со стороны государственных органов (4). Опровергая эти домыслы, Сергей писал, что он из любви к Родине и народу без чьих-либо просьб и тем более принуждений всячески противился фашизму и порабощению им нашей страны. Сергей говорит, что люди, заявляющие противное, живут корыстными целями и эгоистическими интересами, а не интересами церкви. При этом митрополит Сергей вспоминал что « нам не приходилось даже задумываться о том какую позицию должна занять наша церковь во время войны» (5). Через четыре дня он отслужил в патриаршем Соборе благодарственный молебен, после которого произнес проповедь, содержащую намек на то, что положение в Советском Союзе неблагоприятно «Пусть грянет буря, мы знаем, что она принесет не только несчастья, но и облегчение, она очистит воздух и унесет ядовитые испарения. Мы уже видим некоторые признаки этого очищения». Это было началом активного участия Сергей и возглавляемой им церкви в патриотической борьбе.

В октябре, когда немцы стояли вблизи Москвы, Сергей выступил с посланием, осудившим тех священнослужителей, которые, оказавшись под оккупацией, начали активно сотрудничать с немцами. Весьма важными и требующими особого внимания представляются в этой связи вопросы, связанные с положением Русской Православной Церкви на оккупированной территории. Не секрет что фашизм нуждался в религиозном оправдании и использовал для освещения своего положения христианство. Об этом говорится в изданной Московской патриархией в 1942 г. книге под названием «Правда о религии в России», которая вышла одновременно на нескольких языках. К сожалению, в Советском Союзе в продажу поступило лишь небольшое количество экземпляров.

Московский патриархат осудил поступивших на службу к фашистам православных священнослужителей, не признал каноничности церковей созданных ими под покровительством фашистских оккупационных властей. Признание богословской теории войны руководителями Московской патриархии не привело их к антигуманному антинародному политическому выводу. Подавляющее большинство лидеров Русской Православной Церкви выступили как патриоты русского народа.

Первой уступкой церкви со стороны государства было последовавшее с 1942 г. разрешение совершить в Москве пасхальный крестный ход. С первых дней войны церковь неустанно зывала к патриотизму населения. Особенно деятелен в этом был архиепископ ленинградский Алексей, которому разрешили остаться в осажденном городе для того, чтобы поддержать дух его жителей. Он провел в Ленинграде 900-дневную блокаду (6). «Бог судил нам, писал Алексей испытать бедствие, обрушившееся над родной землей, испить горькую чашу временного порабощения фашистскими злодеями» (7). Решением Верховного Совета СССР митрополит Алексей был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Смягчение антицерковной политики правительства проявилось в возможности открыть новые приходы, возобновить богослужения в заброшенных храмах. В печати почти полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда. Прекратил свое существование «Союз воинствующих безбожников». Были закрыты некоторые антирелигиозные музеи (8).

Митрополит Сергей предпринял важный шаг по пути фактической легализации церкви. 5 января 1943 г. он послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открыть церковный банковский счет, на который бы вносились все деньги, пожертвованные на оборону в церквях страны. Сталин разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло православной церкви статус юридического лица отнятого декретом «Об отделении церкви от государства» (9). В результате по имеющимся данным церковью было собрано более 300 миллионов рублей (10).

Причин, побудивших Советскую власть изменить свою политику по отношению к церкви, было несколько. Следует хотя бы сказать, что советская власть не решилась делать ставку в этой страшной войне только на коммунистическую идеологию. Православный патриотизм оказался той силой, на которую можно было опереться. Большую роль сыграли и дипломатические причины. Частичная нормализация отношений между церковью и государством должна была изменить отношение эмиграции к советскому режиму.

Существенный поворот государства лицом к религии произошел после встречи митрополита Сергия и Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Уже через четыре дня после беседы, в Кремле состоялся Архиерейский Собор при участии 19 архиепископов, многие из которых были доставлены в Москву из лагерей и ссылок. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий был единодушно выбран патриархом Русской Православной Церкви. Собор также избрал Священный Синод (11).

19 сентября 1943 г. на кафедральном Богоявленском соборе состоялось интронизация патриарха. После избрания патриарха процесс нормализации отношений между православной церковью и советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. Сталин подписал постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви». Председателем Совета был учрежден полковник НГКБ Карпов Г.Г. Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он в никакой мере не будет выполнять руководящие и контролирующие функции по отношению к Русской Православной Церкви. Однако, на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный Синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, направление в приходы священников, назначение епархиальных епископов, открытие храмов, духовных учебных заведений и другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться правительством. С участием Совета были подготовлены и приняты многие правительственные документы, оказавшие положительное влияние на процесс укрепления Русской Православной Церкви в обществе и нормализации церковно-государственных отношений (12).

Большое значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской Православной Церкви и утвержденное правительством 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей» (13). Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании 20-х, 30-х годов у верующих появилась все-таки возможность восстановить деятельность некогда закрытых культовых заведений. Амнистия многих церковных деятелей, репрессированных в 30-е г., открытие культовых учреждений духовных учебных заведений, разрешение издательской деятельности позволили улучшить положение православия (14). Новая религиозная политика больше-

вистского руководства дала возможность Русской Православной Церкви обеспечить рост практически по всем показателям своего развития.

Для контроля за развитием религиозной активности государственные органы управления использовали институт уполномоченных по религиозным вопросам. Он создавался параллельно с Советом по делам Русской Православной Церкви и должен был своевременно и точно реализовывать его директивы на местах. Согласно положению о Совете, утвержденному 7 октября 1943 г. в каждой союзной, автономной республике, крае и области при высшем исполнительном органе власти вводилась должность уполномоченного по делам Русской Православной Церкви.

Подчиняясь напрямую руководству Совета, уполномоченные при согласовании с местной администрацией обязывались осуществлять наблюдение за религиозной обстановкой во вверенной территории. Круг обязанностей уполномоченного сводился к следующему: установление контроля за своевременным принятием к исполнению всеми местными органами власти законов и постановлений правительства, относящихся к жизнедеятельности церкви, учет всех действующих и закрытых культовых учреждений и определение их возможности для использования по назначению, рассмотрение заявлений, ходатайств верующих об открытии церквей, молитвенных домов и выработка предварительного заключения для решения этих вопросов со стороны органов власти, информация (в виде поквартальных отчетов и статистических сводок) о состоянии религиозных дел на подконтрольных уполномоченным участках.

Как правило, подбор и расстановка кадров уполномоченных осуществлялись местными органами власти. На эту должность решениями областных исполкомов назначались люди, имевшие стаж работы в партийных структурах, общественных организациях, исполнительных комитетах или органах внутренних дел.

Назначение уполномоченных по делам Русской Православной Церкви и формирование их административного аппарата практически во всех регионах страны было осуществлено в январе-феврале 1944 г.

Во второй половине Великой Отечественной войны церкви могли обеспечить себя церковной утварью, осуществлять ремонтно-реставрационные работы, содержать певчих, выплачивать заработную плату церковнослужителям, делать взносы в фонд обороны. К 1945 г. религиозные организации решением СНК СССР получили права юридического лица, отнятые у них законоположениями 1929 г. Разрешено было открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Открывались духовные семинарии, академии, монастыри. Но малейшее превышение предоставленных церкви государством прав незамедлительно порождало негативную реакцию. Начало деятельности священнослужителя и все последующие шаги были невозможны без соответствующих санкций органов управления. Активная церковная

деятельность пастырей часто вызывала сопротивление властных структур и ставилась вне закона. Крайне сложной и громоздкой была процедура открытия церквей. Ходатайства верующих и священнослужителей с просьбами об открытии культовых учреждений, о разрешении проводить церковные ритуалы и обряды часто не преодолевали бюрократические барьеры. Ходатайства принимались к рассмотрению органами власти после тщательной проверки. Сроки подготовительно-проверочной работы администрации не определялись законодательно. Приняв дело к рассмотрению, органы власти имели широкие возможности официально отказать просителям. Причины отказа могли быть многообразны. Положительно решалось не более 20% требований. Система инстинктивно не допускала возрождения религиозных традиций. Не отказывая открыто верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях правительства, властные структуры стремились, как можно дольше затянуть решение вопросов, тем более что противоречивость документов предоставляла для этого широкие возможности. Чиновники, ожидая скорой отмены указаний сверху, стремились под разными предлогами притормозить ход событий. Однако, подавляющее большинство православного духовенства, осуществляли свою деятельность в период Великой Отечественной войны честно и достойно, несмотря на нехватку кадров, материальных средств в условиях половинчатости проводимых государством мероприятий. Тем не менее, объективные процессы, обусловленные необходимостью спасения Отечества должны были определить пусть временный, но очень нужный на данном этапе государственно-церковный компромисс. Таким образом, мы видим, что государство изменило свое отношение к церкви исходя из насущных интересов внутренней и внешней политики.

-
1. См.: Всесоюзная перепись населения. Краткие итоги. М., 1991.
 2. Русская Православная церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 4.
 3. Русская Православная Церковь. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 4.
 4. Корзун М.С. Русская православная церковь 1917-1945 годы. Минск, 1987. С. 93.
 5. ЖМП. 1943. №1. С. 7.
 6. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 108.
 7. ЖМП. 1944. №4. С. 6.
 8. Цыпин В. Указ. соч. С. 130.
 9. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 180.
 10. Корзун М. С. Указ. соч. С. 95.
 11. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1984. С. 115.
 12. Цыпин В. Указ. соч. С. 145.
 13. См.: Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1990.
 14. См.: Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996. С. 260.

Коврижных Г.Н.
(Екатеринбург)

**Восстановление и развитие системы внешкольных учреждений
по изучению региональной истории и культуры
(1945-1970-е гг.)**

В послевоенные годы внеклассная и внешкольная работа по изучению региональной истории и культуры получает дальнейшее развитие.

В апреле 1947 г. было проведено расширенное заседание коллегии Минпроса РСФСР, посвященное опыту изучения местного края в школах (1). Включились в методическую работу по школьному краеведению А.Е. Ставровский, А.Ф. Родин и другие педагоги (2). Академия педагогических наук выпустила ряд сборников, в которых освещался передовой опыт учителей по краеведению. Развивалось и художественное воспитание детей, главным образом во внешкольных учреждениях. Начиная с 1946 г., в Москве ежегодно проводились выставки детского творчества. На этих выставках школьники представляли работы на разные темы и в разных видах изобразительного искусства: живопись, вышивка, резьба по дереву и др. Показательным было не только увеличение от выставки к выставке количества участников, но и повышение качества детских работ. Оно явилось следствием усовершенствования методики проведения занятий по искусству (3).

В связи с ростом сети внешкольных учреждений встал вопрос об упорядочивании их работы и уточнении функций педагогического персонала. В 1953 г. Министерство просвещения РСФСР утвердило единые «Положения о внешкольных детских учреждениях Министерства просвещения РСФСР», которые определили их место в системе коммунистического воспитания подрастающего поколения, содержание, формы и методы работы (4). Система внешкольных учреждений развивалась как межведомственная, межотраслевая – часть внешкольных учреждений подчинялась Министерству просвещения, часть – Министерству культуры. Воспитание детей было делом всего общества. Опыт формирования такой системы показал, что ее эффективность во многом зависит от наличия управленческих структур, координирующих деятельность детских учреждений разных ведомств. Такие управленческие функции в то время во многом выполняли региональные комитеты комсомола.

Экскурсионно-туристская и краеведческая работа получила значительное развитие, однако, как и в предыдущие периоды, ознакомление школьников с искусством местного края составляло незначительную часть этой работы, и лишь учителя-энтузиасты включали это направление в свою деятельность.

По-прежнему, краеведческую работу вели Детские экскурсионно-туристские станции (ДЭТС), которые были, прежде всего, методическими

центрами. В 1950 г. в СССР было 66 ДЭТС, в последующие годы их количество продолжает расти (5). В Свердловске издаются сборники, обобщающие опыт экскурсионно-туристской и краеведческой работы с детьми (6).

Анализ сборников позволяет сделать вывод, что приоритетными направлениями краеведческой работы в этот период являлись:

1. природные богатства и природные условия;
2. история и быт;
3. хозяйство местного края;
4. социалистическое строительство;
5. Родной край в годы Великой Отечественной войны.

Об изучении искусства местного края педагоги не задумывались и не включали этот материал в программы своей деятельности. Авторы сборников разрабатывали методику проведения экскурсий на производственные предприятия, считая, что такие мероприятия «оказывают большую помощь ребятам в выборе профессии» (7). После экскурсии учащиеся должны были составить описание, в которое входили: историческая справка, описание предприятия, маршрутная карта, перечисление профессий, необходимых для работы предприятия и др. Школьники не были пассивными зрителями и слушателями, во время экскурсий они проводили исследовательскую работу. Такой подход к экскурсионной деятельности продолжал традиции, начатые педагогами 1920-х годов - И.М. Гревсом, Н.П. Анциферовым.

Новой, весьма результативной формой вовлечения в экскурсионно-туристические мероприятия явилось проведение Всесоюзных экспедиций комсомольцев, пионеров и школьников. Так, в 1956 г. была организована первая экспедиция, посвященная 40-летию Советской власти, в 1958 г. - вторая и т.д. Одной из задач этих экспедиций было изучение истории народного искусства, знакомство с народными умельцами и сбор их произведений для создания школьных музеев. Организация таких музеев рассматривалась как одна из форм пропаганды народного искусства. Педагоги придавали этой работе огромное воспитательное значение: «Собирание коллекций произведений народных промыслов дает возможность глубже понять народную культуру, душу народа, служит делу воспитания патриотизма и интернационализма подрастающего поколения. К тому же работа эта помогает сохранять многие памятники искусства» (8).

Именно в эти годы масштабы краеведческой работы все более расширяются, при этом особое внимание уделяется вопросам изучения и охраны памятников истории и культуры. Массовое движение в этом направлении организационно оформилось в создании в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в отделениях и секциях которого объединилось большинство краеведов страны.

По всей стране, и на Урале в частности, педагоги использовали местный материал для организации эстетического воспитания учащихся во внешкольной и внеклассной работе.

В 1960-е годы, как и в предыдущее десятилетие, одной из основных черт краеведческой работы продолжает оставаться идейно-политическая направленность. Например, нижнетагильский педагог Е.А. Виноградова так определяет понятие эстетического воспитания: «...это развитие у учащихся способности восприятия прекрасного в явлениях природы, общественной жизни и художественных произведениях, развитие эстетических суждений и оценок, художественных взглядов и вкусов *в единстве с политическими и моральными взглядами* (выделено мной - К.Г.)» (9). Далее автор описывает эксперимент по последовательному осуществлению эстетического воспитания во внеклассной работе средствами различных видов искусств (кино, театр, художественное чтение, живопись, пение, музыка, танец, художественная литература, художественная самодеятельность и др.). Декоративно-прикладного искусства среди этих видов искусств не упоминается. Подобное отношение к прикладному искусству не было отличительной чертой уральской педагогической мысли. В сборниках, изданных в Москве, прикладное искусство как средство эстетического воспитания также не рассматривается (10).

Другой уральский педагог - А.С. Новоармейский воспитывал у своих учеников эстетическое восприятие окружающего мира в процессе прохождения производственной практики на Верх-Исетском металлургическом заводе. «Практика еженедельных посещений завода и работа там развили у учащихся способность эстетического восприятия процесса производства. Ученики чувствовали красоту ярких цветовых тонов, характерных для металлургического производства, любовались видом расплавленного металла, эстетически оценивали некоторые заводские шумы. Эстетическое восприятие сопровождалось возникновением интеллектуальных чувств: любознательности, чувства удивления, чувства нового» (11). Важным условием эстетического воспитания посредством восприятия процесса производства, по мнению А.С. Новоармейского, является участие школьников в производственной деятельности.

Придавая большое значение политехническому обучению, Президиум ВЦСПС, Бюро ЦК ВЛКСМ и коллегия Министерства просвещения СССР 1 декабря 1969 г. приняли постановление «Об упорядочивании и улучшении организации экскурсий школьников на промышленные предприятия», в которых предусматривается расширение тематических экскурсий в соответствии с требованиями школьных программ. Содержание экскурсии включает ознакомление школьников с основами производства, оборудованием, технологическим процессом, новой техникой, организацией труда, научно-техническими достижениями, встречи с передовиками производства.

Большую работу по популяризации и распространению опыта школьного краеведческого движения осуществляют журналы: «Советская педагогика», «Народное образование», «Преподавание истории в школе», «Вопросы истории». В 1957 г. был основан журнал «Декоративное искусство

СССР», который систематически публиковал статьи теоретического и практического характера.

Появляются диссертационные исследования разных сторон краеведческой работы со школьниками (12). Большинство работ посвящается рассмотрению краеведческого материала как средства патриотического воспитания: М.М. Краков, Н.Г. Лохичева (13) и др.

К сожалению, воспитательный потенциал местного декоративно-прикладного искусства исследователями по-прежнему не рассматривается. И.Р. Тимошин в 1966 г. выделял следующие направления краеведческой работы в культурно-просветительских учреждениях:

1. по изучению, пропаганде и охране историко-революционных памятников;
2. по сбору и пропаганде материалов о жизни и деятельности выдающихся революционных борцов, мыслителей;
3. по изучению и написанию истории партийных организаций заводов, фабрик, учреждений;
4. по сбору и пропаганде материалов по истории местных комсомольских организаций;
5. по изучению и пропаганде материалов о Гражданской войне в крае;
6. по обобщению опыта историко-краеведческой деятельности в районе, селе, городе и разработке путей эффективного использования историко-краеведческих материалов в воспитательных целях (14).

В этот период педагоги внешкольных учреждений разрабатывают формы и методы изучения местного материала школьниками. Наиболее эффективными формами краеведческой работы учреждений культуры, по мнению И.Р. Тимошина, являются:

- а) лекции и беседы о прошлом и настоящем края;
- б) встречи с ветеранами революции;
- в) тематические вечера, посвященные прошлому, настоящему и будущему предприятия, колхоза, района, города;
- г) кинофестивали революционных фильмов;
- д) экскурсии в историко-революционные и краеведческие музеи, туристические походы по местам революционных движений;
- е) выступления коллективов художественной самодеятельности, состоящих из ветеранов революции и труда (15).

Кардинальное изменение оценки декоративно-прикладного искусства, как средства воспитания подрастающего поколения, произошло в 1968 г. в связи с принятием Постановления Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию художественных промыслов». В этом постановлении Совет министров обязал Министерства просвещения республик обеспечить введение, начиная с 1968-1969 учебного года, в общеобразовательных школах, находящихся в районах, в которых расположены предприятия народных художественных промыслов, обучение учащихся на уроках труда техническим приемам изготовления художественных изделий.

Решениями исполкомов местных Советов народных депутатов отдельные школы в районах, где особенно развиты традиционные художественные промыслы, где живут и трудятся потомственные мастера, были закреплены за предприятиями народных художественных промыслов местной промышленности. С их помощью создается соответствующая учебно-материальная база, налаживается обеспечение школ материалами и специальными инструментами. Предприятия народных промыслов выделяют художников и опытных мастеров, которые ведут занятия с детьми.

Только в Уральском регионе предприятий народных художественных промыслов было более двадцати: Сысертский завод художественного фарфора, Кунгурский комбинат «Керамик», цех художественного литья в Каслях, Туринская фабрика детской игрушки (роспись по дереву), Канашихинская и Буткинская ковровые фабрики, цех эмальпосуды на Нижнетагильском металлургическом заводе (лаковая роспись по металлу), цех керамики в г. Невьянске и др.

Использование средств традиционного декоративно-прикладного искусства активизировалось не только в школьном образовании, но и во внеклассной и внешкольной работе. В практику школ широко внедрялась внешкольная работа по художественным ремеслам. Кроме обязательных учебных занятий проводятся экскурсии на предприятия, факультативные занятия, открываются Детские художественные школы, кружки при Домах пионеров. В печати появилось много специальной методической литературы, статей в журналах «Юный художник», «Семья и школа» и др. по ведению работы в кружках мозаики, вышивки, соломки, бересты. По словам одного из авторов этих изданий - Д.Г. Соболева, «декоративно-прикладное искусство создает возможность для ознакомления детей с различными видами народного творчества и использования всевозможных материалов, что развивает общую культуру личности ребенка и прививает элементарные трудовые навыки» (16).

Возраставшее значение внешкольной работы было отмечено в Основах законодательства СССР и союзных республик о народном образовании (1973 г.), где был выделен специальный раздел «О внешкольном воспитании». В 1970-е годы были приняты типовые положения о станциях юных натуралистов, туристов, техников и др., где определялись задачи, содержание работы, структура, руководство, планирование работы, необходимая материальная база, порядок финансирования. Система внешкольного воспитания рассматривалась как важный компонент всей системы образования.

Интерес к декоративно-прикладному искусству продолжает расти. В конце 1974 г. Правительством принимается постановление «О народных художественных промыслах», в котором, в частности, Министерству просвещения поручается осуществить необходимые меры по профориентации учащихся общеобразовательных школ в центрах народных художественных

промыслов. Выходят книги по декоративно-прикладному искусству республик СССР (17).

В январе 1977 г. Министерство культуры РСФСР, Министерство просвещения РСФСР и Министерство местной промышленности издали совместный приказ «Об ориентации Детских художественных школ на преподавание прикладного искусства и открытие Детских художественных школ в центрах народных художественных промыслов» (Приказ № 484 от 23 января 1977 г.). В нем говорится о мерах по укреплению связи начального художественного образования с производством изделий народных художественных промыслов и профессиональной ориентации школьников на занятия прикладным искусством.

Сотрудники НИИ художественной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР и Программно-методическое управление Министерства просвещения РСФСР провели работу над учебными программами по обучению школьников на уроках труда в общеобразовательных школах приемам работы по изготовлению предметов традиционных художественных промыслов и ремесел. Это программы по художественной резьбе и росписи по дереву, по художественной обработке кости, металла, по узорному ткачеству и вышивке, изготовлению кружевных изделий. Программы предусматривали знакомство с произведениями народного декоративно-прикладного искусства и на внешкольных занятиях - в экспозиции и фондах местных краеведческих музеев, на выставках; сбор материалов по народному искусству для создания школьного музея.

В период 1960-1970-х годов широко развернулось движение юных этнографов. I Всероссийский слет юных этнографов в Орджоникидзе в 1976 г. показал, насколько увлеченно работают школьники над сбором предметов народного искусства, их осмыслением и постижением секретов народного мастерства. Результаты работы по изучению народных художественных ремесел убедительно демонстрировали выставки творчества молодежи, проводимые на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. В этот период выставочная деятельность значительно активизировалась - помимо выставок детских работ, экспонируются работы профессиональных и самодеятельных художников и мастеров.

Анализ педагогической литературы 1970-х годов показывает, что декоративно-прикладное искусство становится одним из важнейших средств воспитания школьников. Исследователи изучают педагогические возможности художественного творчества - диссертации П.В. Лосюк «Нравственное воспитание старшеклассников в процессе овладения декоративно-прикладным искусством» (18), Д.М. Скильского «Изучение декоративно-прикладного искусства в школе, как средство развития творческих способностей учащихся» (19) и др. Авторы этих диссертационных исследований на примере изучения отдельных направлений художественных ремесел (резьба по дереву, инкрустация, художественная обработка бересты и др.) раскры-

вают вопросы взаимосвязи учебных и внеучебных занятий. Внешкольные мероприятия рассматриваются как органическое продолжение уроков труда и факультативных занятий. Предлагаются различные формы: туристско-краеведческие походы, встречи с умельцами, организация выставок, создание музея народного искусства.

Издаются методические материалы по организации внеклассной и внешкольной работы (20). Основная задача внешкольных учреждений видится авторам этих сборников в организации свободного времени учащихся, «особо в помощи внешкольных учреждений нуждаются сельские школы, где следует проводить специальные семинары для педагогов и старших учащихся, создавать выставки технического творчества детей», «краеведческая работа служит одним из средств развития у школьников любви к знаниям, способствует углубленному изучению основ наук, приобретению навыков самостоятельной исследовательской работы, помогает в выборе будущей профессии» (21). Большая роль отводится краеведению и конкретно народному искусству: «беседы о народном декоративно-прикладном искусстве способствуют воспитанию уважения к народному искусству, народным художникам, чувства гордости за свой народ...» (22).

Вся внешкольная работа в 1960-1970-х годах по-прежнему строилась на основе общих принципов коммунистического воспитания: высокая идейность и коммунистическая целеустремленность, тесная связь с жизнью, трудом и практикой коммунистического строительства. Успешность внешкольной работы виделась в объединении усилий школы, семьи и культурно-просветительских учреждений (23). Перед внешкольными учреждениями была поставлена задача через содержание, формы инструктивно-методической, кружковой, организационно-массовой работы влиять на состояние работы детских общественных организаций - пионерской и комсомольской.

-
1. Опыт работы школ по изучению родного края. Материалы заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР. М., 1947; Изучение родного края пионерами и школьниками в экскурсиях и походах. Методическое письмо. М., 1947.
 2. Краеведение в начальной школе. Из опыта школ и учителей. Свердловск, 1949; Внеклассная краеведческая работа в средней школе / Под ред. А.А. Яковлева. М., 1951.
 3. Апраксина О.А. Очерки по истории художественного воспитания в советской школе. М., 1956. С. 80.
 4. Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. Госкомстат СССР. М., 1989.
 5. Там же. С. 400.
 6. Информационное письмо. Из опыта экскурсионно-туристской и краеведческой работы с детьми. Свердловск, 1956; Краеведение в начальной школе. Из опыта школ и учителей. Свердловск, 1949.

7. Белов В.И. Из опыта организации экскурсионно-туристской и краеведческой работы в районе // Информационное письмо. Из опыта экскурсионно-туристской и краеведческой работы с детьми. Свердловск, 1956. С. 4-16.
8. Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока: книга для учителя / Сост. Т.Б. Митлянская. М., 1983. С. 223.
9. Эстетическое воспитание учащихся во внеклассной работе / Отв. ред. Е.А. Виноградова. Нижний Тагил, 1961. С. 5.
10. Никитина Ф.Г. Об эстетическом воспитании учащихся во внешкольной работе // Эстетическое воспитание во внеклассной работе/ Под ред. Т.Д. Полозовой. М., 1960. С. 8-20.
11. Новоармейский А.С. Восприятие процесса производства в эстетическом воспитании учащихся // Эстетическое воспитание учащихся во внеклассной работе/ Отв. ред. Е.А. Виноградова. Нижний Тагил, 1961. С. 74-94.
12. Ставровский А.К. Внеклассная краеведческая работа. М., 1951; Прусс И.Т. Воспитание социалистического патриотизма у пионеров в процессе краеведческой работы. Автореф. дисс... канд. пед. наук. Киев, 1960; Рубанова Н.В. Краеведение как средство связи воспитания с жизнью. Дисс... канд. пед. наук. М., 1965.
13. Краков М.М. Школьное краеведение как средство воспитания советского патриотизма у учащихся. Дисс... канд. пед. наук. Л., 1957; Лохичева Н.Г. Краеведческая работа как средство воспитания пионеров на революционных и героических традициях. Дисс... канд. пед. наук. Л., 1963.
14. Тимошин И.Р. Краеведение как средство патриотического воспитания школьников. Дисс... канд. пед. наук. М., 1966. С. 171.
15. Там же. С. 198.
16. Соболев Д.Г. Декоративно-прикладные работы в детском изокружке. М., 1956. С. 114.
17. Народное творчество башкир: Сб. статей / Под ред. Р.Г. Кузеева и Н.В. Бикбулатова. Уфа, 1976.
18. Лосюк П.В. Нравственное воспитание старшеклассников в процессе овладения народным декоративно-прикладным искусством. Дисс... канд. пед. наук. М., 1974.
19. Скильский Д.М. Изучение народного декоративно-прикладного искусства в школе как средство развития творческих способностей учащихся (на материале искусства Прикарпатья). Дисс... канд. пед. наук. М., 1973.
20. Болотина Л.Р., Латышина Д.И. Методика внеклассной воспитательной работы в начальных классах. М., 1978.
21. Воспитание школьников во внеучебное время: Сб. методических материалов Министерства просвещения РСФСР в помощь организатору внеклассной и внешкольной воспитательной работы / Под ред. Л.К. Балясиной. Сост. В.П. Кыркалов и П.Э. Шпитальник. М., 1971. С.30, 115.
22. Болотина Л.Р. Указ. соч. С. 83.
23. Культурно-просветительская работа: Учеб. пособие. М., 1969. С. 419.

**Кожевникова Т.Г.
(Екатеринбург)**

**«Записки Уральского медицинского общества»
как исторический источник**

Во второй половине XIX – начале XX вв. наблюдалось оживление общественной активности медицинской интеллигенции, которое выразилась, в частности, в создании научно-медицинских обществ (далее – НМО) и широким развитием медицинской печати. Если в 1860-е гг. в России насчитывалось до 30 НМО, то к началу XX в. их число увеличилось до 120. Провинциальные НМО объединяли в своих рядах в среднем до 100 врачей каждое, а крупные, центральные НМО – до 300-400. Если в начале XIX в. на долю печатных изданий по медицине приходилось около 4,4% от общего числа выходивших в России книг, то к концу столетия их доля возросла до 7,6% (1).

На Урале во второй половине XIX – начале XX вв. действовали Оренбургское физико-медицинское общество, Общество врачей г. Вятки, Общество врачей Пермской губернии, Общество врачей Уфимской губернии, Уральское медицинское общество в г. Екатеринбурге (2). С 1870-х гг. на Урале начали выходить в свет медицинские издания земских врачебных советов, санитарных бюро и ветеринарных отделов (3).

Заметное место среди медицинских изданий занимали издания НМО. НМО Урала издавали, главным образом, протоколы заседаний – «Протоколы Оренбургского физико-медицинского общества», «Протоколы Общества врачей г. Вятки», «Протоколы заседаний Общества врачей Пермской губернии», «Протоколы заседаний Общества врачей Уфимской губернии» (4).

Уральское медицинское общество (далее – УМО) издавало журнал («Записки»), где публиковались протоколы заседаний общества и материалы научно-исследовательской деятельности его членов. Издание «Записок УМО» осуществлялось при финансовой поддержке Пермского губернского земства. «Записки» издавались в период с 1891 по 1915 гг. Нумерация томов производилась по годам издания с 1-го (1891 г.) по 23-й (1915 г.). Некоторые тома выходили в двух выпусках, некоторые были сдвоенными, один том объединял с 16-го по 21-й годы издания «Записок».

Редакторскую работу на протяжении всего времени издания «Записок УМО» вел председатель общества, врач-педиатр Н.А. Русских. Авторами публикаций «Записок» были преимущественно врачи. В издании приняли участие более 40 человек, но наиболее активными корреспондентами «Записок» были доктора медицины: А.А. Миславский, Д.П. Никольский, А.М. Новиков, В.М. Онуфриев, В.А. Падучев, врачи: А.А. Абражанов, Б.О. Котелянский, П.П. Кибардин, А.Э. Ландезен, А.С. Пономарев, А.И. Смородинцев, А.М. Спасский.

В структуре «Записок УМО» не было четкого выделения официального и неофициального отделов. Научные материалы не отделялись от делопроизводственных, напротив, доклады размещались, как правило, после протоколов тех публичных заседаний, на которых они были прочитаны и обсуждены.

По видам публикаций «Записки УМО» сходны с другими аналогичными изданиями того времени.

Делопроизводственные материалы представлены, главным образом, протоколами публичных и административных заседаний, отчетной документацией.

Протоколы публичных заседаний УМО опубликованы в полном объеме за период с 1890 по 1913 гг. Обычно собрания членов общества с приглашением посторонних лиц проводились 5 – 8 раз в год, причем одно из них было посвящено подведению итогов года. На публичных заседаниях заслушивались и обсуждались доклады и сообщения членов общества, рассматривались и решались вопросы санитарно-гигиенического характера, демонстрировались различные медицинские препараты, обсуждались вопросы сотрудничества УМО с другими общественными организациями. Информационная насыщенность протоколов публичных заседаний делает их ценным источником сведений о развитии научно-исследовательской и просветительской деятельности УМО.

Организационно-хозяйственная деятельность общества отразилась в протоколах административных заседаний. Они проводились по мере необходимости, как правило, 4 – 5 раз в год. Опубликованы протоколы административных заседаний УМО достаточно полно за период с 1890 по 1912 гг.

Кроме текущих дел общества на этих заседаниях заслушивались и обсуждались доклады комиссий, избравшихся для решения конкретных научно-практических задач, например, о программе для сбора сведений о кумысолечебных местностях, о мерах борьбы с заразными болезнями, об устройстве больниц (в г. Екатеринбург, Невьянском заводе), об организации «Самаритских курсов» (5).

Протоколы административных заседаний являются источником биографических сведений, так как на этих заседаниях чествовали юбиляров из числа членов УМО. Особенно широко общество отмечало 50-летие врачебной деятельности одного из учредителей, почетного члена, доктора медицины А.А. Миславского (6). Видным деятелям УМО посвящены отдельные тома «Записок», например, второй выпуск 2-го тома посвящен памяти секретаря, действительного члена общества, врача Б.О. Котелянского; 5-й том – памяти товарища председателя, почетного члена общества, врача А.Э. Ландезена. Здесь же помещены некрологи о них (7).

Отчетная документация УМО опубликована достаточно полно и охватывает период с 1890 по 1913 гг. (в «Записках» отсутствует отчет о деятельности общества за 1904 – 1905 гг.). Хронологические рамки отчетного

периода для УМО обусловлены датой торжественного открытия общества, которое состоялось в помещении музея УОЛЕ 4 марта 1890 г.

В структуре отчета о деятельности УМО можно выделить следующие разделы: численный состав общества и состав должностных лиц; количество и повестка публичных и административных заседаний; количество сделанных докладов и их тематика; издания общества и обмен изданиями; состояние библиотеки общества; финансовый отчет.

Комплексный характер отчетной документации УМО и высокая степень полноты ее сведений делает данную разновидность делопроизводственных документов важным и ценным источником для изучения всех сторон жизни и деятельности общества.

Материалы научно-исследовательской деятельности членов УМО представлены, главным образом, докладами и сообщениями. Анализ делопроизводственной документации УМО показал, что количество сделанных докладов и сообщений варьировалось от 1 до 22 в год. В среднем же ежегодно на рассмотрение и обсуждение выносилось от 5 до 10 докладов. Из отчетов о деятельности УМО видно, что многие доклады вызывали живой интерес и обмен мнениями среди членов общества.

В результате анализа содержания «Записок УМО» выявлено 134 публикации, различающиеся по происхождению, тематике и назначению, которые условно можно систематизировать по нескольким тематическим группам (см.: таблицу 1).

Таблица 1

**Тематика публикаций
«Записок Уральского медицинского общества»
(1891 – 1915 гг.)***

Том, выпуск	Акушерство и гинекология	Хирургия	Эпидемиология	Гигиена и санитарное дело	Педиатрия	Прочие	Всего публикаций
1	1	2	-	1	1	2	7
2 (1)	-	3	-	3	-	3	9
2 (2)	1	-	-	2	1	4	8
3 (1)	-	-	5	-	-	2	7
3 (2)	1	-	-	1	2	1	5
4 (1)	1	-	3	-	1	1	6
5	1	-	-	-	-	3	4
6	1	-	-	2	-	3	6
7	1	-	-	1	1	8	13
8	-	2	1	-	-	-	3
9-10	1	2	-	-	1	2	6
11-12	-	4	2	-	-	7	13
13-14	-	-	-	-	1	-	1
15	-	-	-	-	-	1	1

16-21	11	4	3	1	2	5	26
22	6	-	-	-	1	3	10
23	3	2	-	-	-	4	9
Всего	28	19	14	11	11	51	134
В %	20,9	14,2	10,4	8,2	8,2	38,1	100,0

* Составлено и подсчитано по: Записки УМО. Екатеринбург, 1891-1915. Т.1-23.

Первое место по количеству публикаций (20,9%) занимают работы, посвященные проблемам акушерства и гинекологии. Второе место принадлежит докладам и сообщениям по хирургии (14,2%). Работы по эпидемиологии составляют 10,4% от общего числа публикаций. Заметное место занимают публикации по гигиене и санитарному делу, педиатрии (по 8,2%). Кроме того, в «Записках УМО» публиковались статьи по вопросам неврологии, ортопедии и травматологии, офтальмологии, эндокринологии, урологии, дерматологии, фармакологии, бальнеологии и кумысолечения, ветеринарии.

В научном наследии УМО преобладают работы, написанные на местном материале, взятом из врачебной практики. В них достаточно широко обобщен опыт диагностики и лечения ряда болезней, высказаны взгляды на их причины и течение, описаны редкие случаи из медицинской практики. При этом члены УМО стремились приобщиться к новейшим достижениям мировой науки и опирались на работы отечественных и зарубежных ученых. В то же время, врачи – члены общества высказали некоторые оригинальные теоретические и практические предложения, которые получили высокую оценку со стороны медицинской общественности (в частности, в отзывах некоторых медицинских съездов и выставок). Примечательно, что все доклады и сообщения, опубликованные в «Записках УМО», сопровождалось резюме на французском и немецком языках.

Как представители наиболее активной части медицинской общественности, члены УМО понимали работу врача не как частное дело отдельного практикующего врача и его пациента, а как важную общественную функцию. Поэтому УМО активно сотрудничало с различными общественными организациями и органами власти; осуществляло широкую научно-исследовательскую, просветительскую и практическую работу: принимало участие в систематическом углубленном изучении санитарного состояния региона; разрабатывало и внедряло в практику основные принципы предупреждения эпидемий и борьбы с ними; проводило местные санитарно-статистические исследования и разрабатывало основы санитарной статистики; положило начало систематическому изучению профессиональной заболеваемости и санитарных условий труда на предприятиях края; содействовало распространению медицинских знаний среди населения Урала.

Таким образом, «Записки УМО» являются уникальным источником сведений по истории данного общества и ценным источником по истории медицины Урала и отечественной медицины в целом.

Диапазон научных и профессиональных интересов врачей – членов УМО был довольно широк, поэтому «Записки УМО», наряду с трудами других научно-медицинских обществ того времени, представляют ценный материал для исследователей истории отдельных медицинских специальностей. Анализ опубликованного наследия НМО в целом дает возможность проследить эволюцию научной медицинской мысли в дореволюционной России и более правильно и полно оценить ход ее развития с учетом деятельности НМО.

1. Нейдинг И.И. Медицинские общества в России. М., 1897. С. 24-25; Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизведение изд. Ф.А.Брокгауз - И.А. Ефрон 1890 г. М., 1992. Т.54. С. 415, 417.
2. Нейдинг И.И. Указ. соч. С. 24-25, 32, 60, 78-79, 82.
3. См.: Павлов В.А. Периодические издания Урала XIX века (краткий краеведческий историко-библиографический обзор) // В помощь краеведу. Свердловск, 1966. С. 122-123; Савиных Г.М. Периодика Урала. Вып. 1. Дореволюционные издания. Свердловск, 1976. С. 40, 69, 72, 77, 80, 125, 131, 139.
4. См.: Нейдинг И.И. Указ. соч. С. 24-25, 32; Савиных Г.М. Указ. соч. С. 40, 90.
5. Записки УМО. Екатеринбург, 1893. Т. 2. Вып. 2. С. 36; 1895. Т. 4. Вып. 1. С. 1-2, 16; 1897. Т. 5. С. 27-37.
6. Автобиография А.А. Миславского // Записки УМО. Екатеринбург, 1902. Т. 7. Приложение. С. III; Отчет юбилейной комиссии // Там же. С. 3-75; Краткий отчет об оперативной деятельности доктора медицины А.А. Миславского за 50 лет (1851-1901), составленный и читанный на юбилейном заседании С.А. Миславским // Там же. С. 76-111.
7. Миславский А.А. Александр Эдуардович Ландезен (некролог) // Записки УМО. Екатеринбург, 1897. Т. 5. С. 1-6; Онуфриев В.М. Борис Осипович Котелянский (некролог) // Там же. 1893. Т. 2. Вып. 2. С. I-III.

**Коньшева И.И.
(Нижневартовск)**

Решения партийных органов и советского правительства 1930-х гг. по земельным отношениям и их реализация на Обском Севере

Вопросы землепользования остаются в ряду актуальных в современной науке, поскольку экономическое значение земли и угодий в жизни общества непреходяще. Социально-правовым аспектам землевладения и землепользования была посвящена XXVIII Сессия Симпозиума РАН по аграрной истории стран Восточной Европы, состоявшаяся в сентябре 2002 г. в г. Калуге (1).

Исследуя процессы землеустройства и землепользования на Обь-Иртышском Севере в 1920-1930-х гг., автору удалось установить, что, с одной стороны, они были обусловлены принятием органами государственной и партийной власти тех или иных решений по земельным вопросам, а, с другой, имели весьма специфические особенности, обусловленные природно-климатическими, экономическими и прочими факторами (2).

Необходимо обратить внимание на нормативный пакет большевистской партии и советского правительства в 1930-е гг., который характеризовался не только строгой регламентацией земельных отношений, но и с учетом возникших проблем в колхозном землепользовании, уступкой, разрешавшей создание индивидуальных (приусадебных) участков колхозников. В связи с развернувшейся коллективизацией на рубеже 1920-1930 гг. вопрос о землеустройстве встал с новой силой. Формируемые коллективные хозяйства требовали отвода земель сельскохозяйственного и прочего назначения, угодий, приусадебных участков, земель под центральные усадьбы колхозов. Предстояла сложная работа для государственных землеустроительных организаций.

3 сентября 1932 г. ЦИК и СНК СССР постановили закрепить землю за каждым колхозом, находившуюся в трудовом пользовании, в существующих границах, запретив всякие переделы (3). Участки единоличников, вступающих в колхоз, прирезались к землям колхоза. На Севере Западной Сибири процессы коллективизации шли с большим опозданием, и в 1932 г. правительством были приняты документы, регулирующие здесь колхозное строительство. Землеустроительные работы и вовсе задерживались.

В Постановлении СНК СССР от 7 июля 1935 г. «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей» указывалось, что всем сельскохозяйственным артелям следует выдать государственные акты на бессрочное (вечное) пользование землей единого образца, где указывались размеры и внешние границы земли (4). В связи с этим, Народный Комиссариат Земледелия должен был провести необходимые землеустроительные работы с определением внешних границ, которые обозначались межевыми знаками (столбами) государственного образца. Наркозем СССР утвердил «Инструкцию о порядке составления и выдачи сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей».

4 июня 1937 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О воспреещении сдачи в аренду земель сельскохозяйственного назначения», в котором запрещалось сдавать в аренду земли сельскохозяйственного значения и предоставление их только в бесплатное пользование по согласованию с соответствующими земельными органами (5).

С появлением серьезных недостатков в области колхозного землепользования 27 мая 1939 г. ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР принял постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Было отмечено, что нарушается Устав сельскохозяйственной артели о

нормах приусадебных участков, разбазариваются и расхищаются общественные земли колхозов в пользу личного хозяйства колхозников (6).

Появление указанных документов внесло определенную ясность в земельные отношения колхозов и пользователей приусадебными участками, определило приоритеты в распределении земель в пользу колхозов, установило требование отдельного содержания колхозных и приусадебных участков земель, запретило арендные отношения.

Выше указанные документы распространялись на всю территорию СССР, однако, применительно к Обскому Северу, из-за его удаленности, слабости политической власти, огромной территории, специфики состава населения, многие требования документов не исполнялись. Проверить их действие возможно было только в обитаемых местах, вблизи крупных населенных пунктов и лагерей трудпоселенцев. Поэтому накануне войны вопросы землеустройства здесь не были решены; часть населения, например, ненцы Ямала вообще не участвовали в подобных мероприятиях, сохранив традиционный уклад, они вели кочевой образ жизни.

1. Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII Сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003.
2. Об этом подробнее: Коньшева И.И. Об аграрной политике советской власти и особенностях ее реализации на Тобольском Севере (1917-1921 гг.) // Материалы 8-х краеведческих чтений. 29 апреля 2004 г. Нижневартовск, 2004. С. 47-50.
3. Директивы КПСС. М., 1978. Т. 2. С. 351.
4. Там же. С. 389.
5. Там же. С. 514.
6. Там же. С. 590.

Кругликов В.В.
(Екатеринбург)

Динамика численности населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны

С каждым годом все дальше уходит в историю Великая Отечественная война советского народа против фашизма, но ее последствия наш народ испытывает вплоть до настоящего времени. Спустя почти шестьдесят лет после окончания Великой Отечественной происходит осмысление ее уроков, того бесценного героического и во многом трагического опыта, опыта социально-исторического и духовно-нравственного. Стираются с карты войны белые пятна, уточняются факты, оценки событий. Это закономерный, необходимый и плодотворный процесс.

Корни настоящего, весьма сложного состояния сферы народонаселения в нашей стране уходят в прошлое. Демографические процессы растя-

нуты во времени. Формирование, использование и распределение трудовых ресурсов тесно связано с демографическими параметрами населения: численностью, рождаемостью и смертностью, возрастно-половой структурой, миграцией и другими характеристиками демографической ситуации. Оценка изменений в демографических процессах на ход истории и развития общества, выявление обратных связей, т.е. тех социальных моментов, которые активно влияют на развитие народонаселения, - одна из важнейших задач современных исследователей.

Любая война неизбежно влечет за собой потери, они многообразны и различны по масштабу, но никто не оспорит положение о том, что главные потери войны – люди. Для нашей страны потери Великой Отечественной войны не имеют аналогов в истории, по ее окончании убыль населения составила около 14%.

Сложная современная демографическая ситуация в нашей стране в значительной степени является следствием событий прошлых лет. Их изучение позволяет по крупицам выявить исторический опыт, свидетельствующий о настоятельной необходимости активизировать политику в области народонаселения.

Демографическая ситуация на Урале в 1941-1945 гг. в целом, и в частности в Свердловской области, была крайне сложной.

В изучении уральских региональных источников необходимо учитывать своеобразие демографических процессов в годы Великой Отечественной войны. Определялось оно тем, что Урал был районом гигантского перемещения людей, вызванного мобилизациями в армию, размещением эвакуированных и беженцев, затем их реэвакуацией; сюда выселялись репрессированные народы – немцы, калмыки, крымские татары, здесь же размещались лагеря военнопленных. На Урале, особенно в Пермской и Свердловской областях, Удмуртии еще в 1930-е годы была создана мощная сеть ГУЛАГа. Демографические процессы среди этих категорий населения отличаются «специфичностью» и поэтому требуют специального исследования (1).

Отличительную особенность исследуемого периода приходится постоянно учитывать исследователю - за это время неоднократно менялась территория СССР и РСФСР. Территориальные изменения всякий раз влекли за собой и изменения демографических характеристик населения, как в целом, так и в присоединенных или утраченных землях, усиливали миграцию.

Размещение, численность и состав населения детерминированы территориальной организацией материального производства и социальными функциями, поэтому складывающуюся в городах демографическую ситуацию необходимо рассматривать исторически.

Наращивание численности и совершенствование структуры населения являлись неотъемлемым компонентом уральской территории. Начиная с 1930-х годов, с развитием процессов индустриализации, резко возросла роль энергетических и сырьевых факторов, при этом все большее значение при-

обретало индустриальное заселение Урала, которое было самым тесным образом связано с урбанистическими тенденциями. Роль городов и городского населения в развитии общества быстро повышалась. Города становились центрами сосредоточения промышленности, науки и культуры, где концентрировались рабочий класс и интеллигенция.

Изменение численности населения в городах происходило, прежде всего, вследствие естественного движения (сальдо которого может быть положительным - при превышении числа рождений над числом смертей или отрицательным - при обратном соотношении рождаемости и смертности). Второй источник изменения численности населения – перемена места жительства, миграция. Миграция по отношению к конкретному городу может также иметь положительное или отрицательное сальдо (в зависимости от преобладания въезжающих в город или выезжающих). И, наконец, третий источник роста городов – расширение административных границ за счет других населенных пунктов, расположенных по соседству.

В Свердловской области согласно переписи 1939 г. проживало 2511,3 тыс. человек, причем в отличие от всех других регионов Урала преобладающим было городское население – 1503,6 тыс. чел., что составляло 59,9% населения области (2). Приток эвакуированных на Урал в первый военный год компенсировал убыль населения и даже привел к увеличению его численности. Наибольший рост населения в этот год произошел как раз в Свердловской области. В 1942 г. численность населения достигла 3179,6 тыс. человек (рост составил 26,3% от показателей 1939 г.) (3). На 1943 г. приходится пик количества проживающих на территории области, особенно в городах. Число жителей в городских поселениях в этот год превысило 2 млн. человек. Таким образом, удельный вес горожан вырос с 59,9% в 1939 г. до 66,5% в 1943 г.

Несмотря на негативное воздействие войны, уровень урбанизации на Урале, и особенно в Свердловской области, был значителен. Доля горожан к концу войны увеличилась до 71,2% среди всего населения области. По РСФСР в годы войны этот показатель не превышал 39,7%.

Развитие военно-промышленного комплекса, эвакуация людских масс обусловили рост населения региона, отток же мужской части населения в армию и реэвакуация вели к его сокращению. Соотношение этих факторов формировало конкретные тенденции динамики численности населения. После 1943 г. как в городских поселениях, так и в сельской местности количество проживающего населения сократилось. В 1944 г. оно уменьшилось по сравнению с 1943 г. на 0,8% и составило 3101,4 тыс. человек, а в 1945 г. на 8,4% по отношению к 1944 г. (4)

Весьма существенное увеличение жителей произошло в годы Великой Отечественной войны в г. Свердловске, куда прибыло большое число людей, эвакуированных из западных районов страны. Если в 1939 г. в городе насчитывалось 425,5 тыс. жителей (5), 1940 г. – 436,8 тыс. чел., то в 1941 г.

эта цифра равнялась 450 тыс., а в 1943 г. она достигла максимальной оценки – 548 тыс. человек, что составило 125% по отношению к 1940 г. По мере освобождения оккупированных территорий и возвращения эвакуированных людей на прежние места жительства численность г. Свердловска постепенно уменьшалась, в 1945 г. число жителей сократилось до 488,5 тыс. человек (6).

В области рождаемости на протяжении Великой Отечественной войны наблюдались процессы спада. В городе падение рождаемости было приостановлено только в 1944 г., а в деревне – в 1945 г. Что же касается ограничения рождаемости в годы войны, то кроме отсутствия мужчин, в этом отразилось и резкое ухудшение жизненных условий людей, тяжелый труд и сознательный перенос деторождения большинством семей на послевоенный период. Общий ущерб вследствие падения рождаемости по Уралу оценивается в 1,2 млн. человек (7). Аналогичные расчеты для населения Советского Союза в целом провел известный демограф Б.Ц. Урланис. Автор показал, что в целом число родившихся в 1941-1944 гг. сократилось примерно в 2 раза по сравнению с теми, кто родился в 1939-1940 гг. (8).

Динамика рождений по Свердловской области свидетельствует о том, что уменьшение шло на протяжении войны вплоть до 1945 г.

Таблица 1

**Зарегистрированные рождения в Свердловской области
в 1940-1945 гг., тыс. чел.***

Область	Категория поселения	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Свердловская	Город	56,6	61,2	38,8	20,3	17,0	25,2
	Село	43,1	40,2	25,9	14,4	11,2	13,9
	Все	99,7	101,4	64,7	34,7	28,2	39,1

* Составлено по: Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С.45.

Таким образом, в 1941 г. по отношению к 1940 г. наблюдался рост рождаемости на 0,3% (причем этот показатель было достигнут благодаря увеличению рождений среди городского населения области – на 8,1%; на селе – сокращение на 6,7%). В 1942 г. число рождений сократилось против 1940 г. на 35,1%, в 1943 г. – на 65,2%, в 1944 г. – на 71,7%, в 1945 г. – на 60,8%. В 1945 г. произошел рост на 38,7% по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, низшая точка рождений приходится на 1944 г., когда количество родившихся уменьшилось в 3,5 раза (в городе – в 3,3 раза, на селе – в 3,8 раза), что свидетельствует об изменении половозрастной структуры во всех категориях поселений области в указанный период.

Рождаемость один из главных факторов, влияющих на интенсивность воспроизводства населения. Измерителями уровня рождаемости являются коэффициенты рождаемости, позволяющие анализировать тенденции

этого процесса. Общий коэффициент рождаемости (определяемый как отношение числа живорожденных детей к среднегодовому населению за определенный период - год) зависит не только от интенсивности процесса рождаемости, но и от возрастно-половой и брачной структуры населения, поэтому он дает лишь приближенное представление об уровне рождаемости. Согласно шкале оценки, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, общие коэффициенты менее 16 ‰ (промилле) считаются низкими, с 16 до 24 ‰ – средними, с 25 до 29 ‰ - выше средних, с 30 до 39 ‰ – высокими, а 40 ‰ и более – очень высокими. Исходя из этой шкалы рождаемость в Свердловской области в 1940-1941 гг. была высокой, в 1942 г. – средней, а в 1943-1945 гг. – низкой. Данные показатели сопоставимы с данными по всему Уралу. В целом на протяжении войны рождаемость в сельских поселениях была выше, чем в городе.

Если же рассматривать в целом все факторы, влиявшие на рождаемость, - уровень брачности и разводимости, возраст вступления в брак, возрастная структура рожавших женщин, порядок рождения детей, - можно заключить, что в условиях войны они сложились таким образом, что негативно отразились на рождаемости и повлекли за собой ее резкое сокращение.

Вторым главным подпроцессом воспроизводства населения является смертность. Крайне напряженный и тяжелый труд, снижение общего уровня благосостояния народа, ухудшение питания, жилищно-бытовых условий негативно сказывались на продолжительности жизни.

В уровне смертности заметна иная тенденция: как в городе, так и в сельской местности, она поднялась особенно резко на начальном периоде войны. В целом по РСФСР показатели смертности в 1942 г. почти на 50% превысили уровень 1941 г. по городам, и на 16% - по деревням и сельской местности. Интересно, при этом, что уровень смертности сельского населения с 1943 г. стал снижаться и вскоре он оказался ниже, чем в мирном 1940 г. (Так, в 1944 г. он находился на уровне 14,4 ‰ против 19,9 ‰ – в 1940 г.) (9). Очевидно, в этом феномене отразилась природная сила регуляции демографических процессов. Динамика общих коэффициентов смертности зависит в целом от изменений половозрастной структуры населения. Она тесно связана с процессами старения населения в сельской местности, наступившими в результате падения рождаемости и снижения в его составе удельного веса маленьких детей.

В первые годы войны в Свердловской области наблюдалось увеличение смертности населения.

**Количество умерших в Свердловской области
в 1941-1945 гг., чел.***

Год	Мужчины	Женщины	Итого
1941	37358	31726	69084
1942	53969	39839	93808
1943	35469	20736	56205
1944	33355	23870	57225
1945	14614	12689	27303
Всего	174765	128860	303635

* Составлено по: ГАСО. Ф.1813. Оп.1 Д.774. Л.67; Д.775. Л.71 об.; Д.776. Л.50 об.; Д.777. Л.1 об.; Д.778. Л.81 об.

В целом, 1942 г. число умерших выросло на 35,7%, причем в большей степени это произошло в городах – на 45%, в меньшей на селе – на 21,4%. В следующем 1943 г. наблюдался процесс сокращения числа умерших по всем поселениям: в сравнении с 1942 г. по городам – 41,7%, по селу – 37,1%, а в целом по области – 40%. Эта цифра была выше, чем в целом по Уралу (34,8%) (10).

Ситуация со смертностью в 1944 г. в городах и селах Свердловской области сложилась различной. Если в целом среди всего населения уральского региона произошло сокращение умерших на 5,1% в сравнении с 1943 г. (а в городах оно составило 16,4%), то в области в это время наблюдалось увеличение смертности как в городских (на 0,9%), так и в сельских поселениях (на 3,4%). В итоге количество умерших увеличилось на 1,8%.

В последний год войны смертность на Урале значительно сократилась: по городскому – на 43,6%, по сельскому – 45,1, по всему населению – на 44,5%. В Свердловской области этот показатель был даже немного выше, чем в целом по региону. Общее сокращение составило 52,2%, в городах – на 55,9%, в сельской местности – 46,2%.

Абсолютные данные о числе умерших не могут дать полного представления об интенсивности и динамике процесса смертности. Наиболее распространенным является общий коэффициент смертности, исчисляемый как отношение числа умерших в течение года к средней численности населения. В целом за 1941 г. уровень смертности в Свердловской области сократился на 1%, в сравнении с аналогичными показателями 1940 г., хотя в городах этот показатель увеличился на 4,9%. В 1942 г. количество умерших как в городах, так и на селе значительно превышало уровень 1940 г. На уровне смертности населения сказались ухудшение санитарных условий и рост заболеваемости, тесно связанной с передвижением и притоком значительной массы мигрантов.

С 1943 г. в области шел процесс сокращения смертности населения (уменьшение составило 39,4% против 1942 г.). Однако в 1944 г. вновь количество умерших возросло – на 9,0% против 1943 г., причем в сельской местности уровень смертности вырос на 18,7%, в городах – на 4,0%.

Отечественная война отрицательно сказалась на санитарном состоянии населения г. Свердловска. Общий уровень смертности резко поднялся, достигнув максимума в 1944 г. в результате чего в 1942-1944 гг. естественный прирост населения был отрицательным. В 1941 г. уровень смертности на 1000 человек равнялся 20,9 ‰, в 1942 г. – 33,2 ‰, в 1943 г. – 29,3 ‰, в 1944 г. – 66,1 ‰, в 1945 г. – 12,3 ‰. Естественный прирост в 1941 г. – 12,9 ‰, -13,2 ‰ в 1942 г., -13,6 ‰ в 1943 г., - 34,8 ‰ в 1944 г., и 18 ‰ в 1945 г. (11).

Таким образом, анализ рождаемости и смертности в Свердловской области показывает, что в военные годы происходила убыль населения из-за деформации естественного прироста (резкого снижения рождаемости и увеличения смертности). В 1942-1944 гг. коэффициент естественного прироста был отрицательным, т.е. за эти годы в целом произошло превышение умерших над родившимися. Лишь в 1945 г. коэффициент естественного прироста стал положительным.

Рост народонаселения тесно связан с развитием общества, экономикой страны прямой и обратной зависимостью, в связи с чем, управление демографическими процессами в долгосрочной перспективе необходимо как фактор, играющий важнейшую роль в социокультурном, экономическом прогрессе.

Разносторонний и сложный характер проблем воздействия на развитие народонаселения требует разработки системы мероприятий по управлению ими – комплексной долгосрочной программы развития народонаселения. Рационализация миграционных потоков, повышение до общественно необходимого уровня рождаемости, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни немыслимо без перестройки всех общественных структур и механизмов, без выработки новых концепций социально-экономического развития страны. Целью программы в долгосрочной перспективе должно явиться формирование оптимального типа развития народонаселения, которое в количественных параметрах отвечало бы задачам социального развития и опиралось бы на экономические возможности общества.

1. См.: Земсков В.Н. Гулаг (историко-социологический очерк) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10-27; Он же. Спецпоселенцы // Там же. 1990. № 11. С.3-17; и др.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 1992. С.288.
3. См.: Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С.22.
4. Там же. С.22.

5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Уральский регион. Екатеринбург, 1992. С.324.
6. Население СССР в 1973 г. М., 1975. С.33; РСФСР в цифрах в 1974 г. М., 1975. С.8; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981. С.22; Народное хозяйство Свердловской области. Свердловск, 1967. С.132.
7. Корнилов Г.Е. Указ. Соч. С.62.
8. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.29.
9. Вербицкая О.М. О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С.150.
10. См.: ГАСО. Ф.1813. Оп.1 Д.774. Л.67; Д.775. Л.71 об.; Д.776. Л.50 об.; Д.777. Л.1 об.; Д.778. Л.81 об.; Корнилов Г.Е. Указ. соч. С.65.
11. Мокеров И.П. Воспроизводство населения г. Свердловска // Особенности демографического поведения городского населения Урала. Свердловск, 1987. С.8-9.

Кругликова Г.А.
(Екатеринбург)

Современная культурная политика: от идеи к практике

Проблема сохранения историко-культурного наследия в нынешних условиях приобрела особую актуальность. Разработка современного понимания культурной политики связана с осознанием ключевой роли культуры в общественном развитии. Сегодня ни одно государство не может обойтись без вполне определенной и целенаправленной культурной политики; ее формирование и осуществление является важной и неотложной задачей, обеспечивающей стабильность общества. И субъектами формирования такой комплексной культурной политики являются творческие работники, деятели науки, потребители культурных ценностей, а также физические и юридические лица, способные ресурсно поддержать культурную жизнь.

Государство занимает особую роль в ряду субъектов культурной политики. В соответствии со своими функциями оно должно формировать культурную жизнь общества в целом. С одной стороны, оно обязано проводить собственную культурную политику, а с другой, выполнять сверхзадачу согласования культурных потребностей и интересов всех социально-значимых групп и слоев общества.

Культурная политика государства должна быть направлена на формирование национального единства на основе разделения общих гуманистических ценностей, на улучшение качества жизни людей. Культура должна стать частью взаимозависимых социальных стратегий. В основных направлениях социально-экономической политики Правительства Российской Федерации в качестве стратегических целей культурной политики государства зафиксированы: развитие культурного потенциала и сохранение культурного

наследия страны, обеспечение единства культурного пространства и доступности культурных ценностей широким слоям населения.

Историческая преемственность культуры – объективная закономерность, действующая на протяжении всех эпох развития общества. Она способствует передаче достижений и ценностей, опыта и навыков от одного поколения к другому, создает непрерывность культурно-созидательной деятельности человечества, обеспечивает взаимозависимость и цельность мировой культуры.

В разные исторические эпохи менялись объем культурного наследия, способы и интенсивность его передачи последующим поколениям, средства охраны памятников культуры. Все это зависело не только от социально-экономических условий, но и от идеологических установок и мировоззрения.

Культурное наследие всегда служило фундаментом духовного развития поколений. В нем сосредоточены те гуманистические ценности, которые не подвержены старению. Мировое культурное богатство, созданное в течение тысячелетий трудом различных народов, имеет непреходящее культурно-историческое значение. Каждое поколение использует накопленный опыт, осваивает достижения и движется дальше, к созданию новых ценностей. Изучая историю культуры, писал русский историк В.О. Ключевский, люди узнают, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой, как человечество развертывало свои скрытые силы, и на этом основании познают сами себя, свои внутренние силы и свойства. «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего живем, как и к чему мы должны стремиться» (1).

Интенсивные изменения в обществе постоянно порождают новые проблемы, связанные с культурным наследием, его сохранением и возрождением. Культурные ценности в условиях динамичного мира подвергаются угрозам от загрязнения окружающей среды, страдают от неконтролируемого туризма, варварства и вандализма. Особую опасность имеют вооруженные конфликты. В этой ситуации политика в области культуры должна содействовать сближению и взаимопониманию между народами, обеспечивать равновесие между техническим прогрессом и нравственным совершенствованием человечества.

Историческая преемственность – это процесс, в котором новые поколения овладевают культурными ценностями прошлого, обогащают свой духовный мир. Культурные достижения, органично вплетенные в современную культуру, способствуют духовному развитию личности. Они воспитывают эстетический вкус, патриотизм и уважение к народному достоянию.

Памятники истории и культуры, находясь в культурной среде, воздействуют определенным образом на формирование исторических знаний людей. Прежде всего, культурное наследие наделено познавательным функ-

циями потому, что оно является материализованным фактом прошедших исторических событий или несет на себе следы воздействия исторических событий. Воспитательными функциями памятники наделены потому, что, обладая наглядностью и высокой аттрактивностью, они являются источником сильного эмоционального воздействия. Эмоциональные ощущения вместе с исторической и эстетической информацией активно влияют на формирование знаний и социального сознания личности. Сочетание этих двух качеств делает культурное наследие средством педагогического воздействия, формирования убеждений и в конечном итоге одним из факторов, определяющих общественное сознание и поведение (2).

В связи с этим особое значение приобретает умная и реалистичная культурная политика, продуманная стратегия развития культуры. В ее разработке принимают участие представители различных наук – историки и социологи, археологи и этнологи, культурологи и искусствоведы. Не ожидая исчерпывающих научных рекомендаций, практической работой по формированию и осуществлению культурной политики занимаются соответствующие органы управления культурой во всех странах, существуют и международные инстанции (прежде всего, ЮНЕСКО и Совет Европы), проводящие собственную культурную политику. Так что процесс провоцируется с двух сторон – ученые в своих исследованиях приходят к необходимости более или менее строго осмыслить феномен культурной политики. С другой стороны, необходимость практически решать сложные культурные проблемы заставляет управленцев-практиков обращать свой взор на науку и формулировать соответствующий «социальный заказ» представителям соответствующих научных дисциплин – ответов на актуальные вопросы современной культурной жизни.

Российское законодательство закрепляет широкий спектр обязанностей государства в области культуры: разработку и реализацию федеральных государственных программ сохранения и развития культуры, воплощающих культурную политику государства, обеспечение условий для развития национальных культур РФ, доступности для граждан культурной деятельности, культурных ценностей и благ, создание условий для самореализации талантов, сохранение памятников истории и культуры, ведение статистики культуры, деятельность по преодолению монополии в области культуры.

Средства осуществления культурной политики многообразны. Прежде всего, это социальные институты религии, искусства и науки, занимающиеся созданием новых культурных ценностей, а также отбором их из накопленного культурного богатства. Затем это каналы их распространения – социальные институты образования и массовых коммуникаций, образующие комплекс, в значительной мере формирующий национальную картину мира.

В последние годы неизмеримо возрос интерес к истории культуры. Увлечение историей приобрело массовый характер. Постоянно увеличивается поток посетителей музеев, возник своеобразный «музейный бум», много-

кратно усилившийся интерес к памятникам истории и культуры. Историческое сознание влияет на гражданскую позицию личности, требует от нее активных действий. Человек не может мириться с варварским отношением к памятникам отечественной и мировой культуры, цинизмом, утилитаризмом и безразличием. «Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей. И это развитие понимания других культур сливается с историей гуманизма» (3).

Сегодня вряд ли можно говорить о единой «культуре России» и «культуре Урала» как некоей целостности. Современная культура гетерогенна и единого культурного пространства просто нет. Процессы модернизации общества и культуры приводят к оформлению в современном российском обществе различных тенденций и субкультур (молодежных, политических, этнических и т.д.), находящихся друг с другом в противоречивых, а нередко и антагонистических, отношениях. А это чревато напряженностью и конфликтностью как в собственно культурной, так и в социально-политической сферах.

Переход России к рыночной экономике сопровождается разгосударствлением сферы культуры. Это проявляется в отказе от тотального идеологического контроля со стороны государственных органов и навязывания партийных установок, в свободе творчества для мастеров культуры, а для общества – в свободе удовлетворения культурных потребностей. Государственное влияние на сферу культуры значительно уменьшается, сокращается ее государственное финансирование. В сложившихся условиях острее, чем прежде встал вопрос о создании предсказуемой в финансовом отношении, среды, в которой культура может беспрепятственно развиваться, наличии необходимой организационной составляющей перемен в сфере культуры.

Движение к рынку остро ставит вопрос о корректировке государственного воздействия на сферы, связанные с формированием человеческого потенциала, в том числе сферы культуры. В период общественной трансформации, когда отсутствует налаженная регуляция со стороны бизнеса и общественных организаций, государство обязано осуществлять значительную поддержку сфере культуры.

Практическая реализация современных принципов и целей культурной политики в России встречается с множеством трудностей. Острейший вопрос сегодняшнего дня – выполнение государством обширного перечня взятых на себя социальных обязательств, об их ресурсном обеспечении, наличии соответствующих механизмов их реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Вопросы самобытности российской культуры являются стержнем оптимальной модели культуры России, предполагающей интеграцию страны в систему мировой культуры на правах равноправного участника глобаль-

ных культурных процессов (4). Приоритеты модели связаны с двунаправленным процессом. Это, с одной стороны, сохранение и развитие культурного наследия как фактора формирования культурной идентичности нации, ее духовности и исторической памяти; с другой стороны – ответ на вызов глобализационных процессов, требующих интенсивного межкультурного взаимодействия, включение в мировые информационно-коммуникационные сети, развития индустрии культуры на основе новых технологий.

Формулировка ценности культурного наследия, опирающаяся на соответствующие международные конвенции и национальное законодательство, основанная на социальной, научной, исторической, эстетической, символической ценности культурного объекта, одновременно должна включать в себя и новые акценты, связанные с привлечением внимания к пользе, которую может принести использование объекта культуры для экономического и инфраструктурного развития. Сохранение культурного наследия сегодня должно быть тесно связано с социальными, экономическими стратегиями развития города, региона, улучшением качества потребительских услуг.

В связи с увеличением исследовательского интереса к вопросам культурной политики обращается особое внимание на соответствие характера управленческой деятельности территориальному масштабу функционирования культуры. Так, для федерального уровня управления предпочтительней сосредоточиться на регулировании макрокультурных процессов, что может быть интерпретировано как регулирование межрегионального (межнационального) культурного взаимодействия и внимание к стратегическим целям культурного развития общества. В то же время на региональном уровне управления главное внимание следует сосредоточить на сохранении культурной самобытности регионов, на поиске местных средств и возможностей для реализации региональных программ развития культуры.

Уровень демократизации государственной культурной политики в наибольшей мере проявляется через обеспечение государственных гарантий развития национальных культур. Необходимо отметить, что и «международное право делает акцент на всемерную поддержку меньшинств со стороны государства». При этом предлагается «разделить полномочия между федеральными и республиканскими органами, проводящими культурную политику: если первые должны преимущественно стоять на защите прав человека в национально-культурной сфере, то есть проводить политику культурного патернализма по отношению к меньшинствам, то в рамках субъектов федерации, не столь многонациональных как Россия в целом, возможно развитие национально-культурного паритета» (5).

Что касается культурной политики на Урале, то следует отметить, что она активизировалась в 2000-2004 гг., после создания Уральского федерального округа (УрФО). На территории округа зафиксировано и взято на учет свыше 10 тысяч ценных культурно-исторических объектов, часть из которых имеет федеральный статус и составляет общенациональное достояние.

На территории округа – 3520 библиотек, 3828 учреждений клубного типа, около 500 музеев, 45 театров, 11 крупных концертных организаций и филармоний. По заключению ЮНЕСКО, Урал является одним из ведущих мировых центров сохранения и изучения индустриального наследия, истории промышленности и научно-технического прогресса (6).

Несмотря на сложное социально-экономическое положение в стране, сфера культуры накопила позитивный опыт адаптации к новым экономическим условиям, что стало особенно очевидно в последние годы. Сфера культуры стала более диверсифицированной, многие учреждения научились более гибко реагировать на потребности культурных услуг. Появились новые специализированные, полифункциональные учреждения культуры и досуга: музей-театр, библиотека – центр общения и досуга, музей-заповедник и др. наметилась позитивная тенденция усиления межрегиональных культурных контактов, способствующих взаимообогащению территорий и регионов УрФО. Ежегодно проходят значительные культурные акции: кинофестивали, гастроли, мастер-классы, научно-практические конференции.

В марте 2001 г. был создан Консультативный Совет при полномочном представителе Президента РФ в Уральском федеральном округе по вопросам реализации государственной политики в сфере культуры. Совет определил стратегические задачи и приоритетные направления реализации государственной культурной политики, разработал концепцию Окружной координационной программы «Развитие культуры в Уральском федеральном округе на 2002-2005 годы», инициировал разработку и реализацию межрегиональных культурных проектов и программ, нацеленных на решение актуальных для округа в целом задач культурного развития.

Стратегическими задачами государственной культурной политики в регионах УрФО на 2002-2005 годы являются:

- сохранение и развитие культурного потенциала;
- формирование культурной среды, способствующей духовной консолидации общества и осуществлению позитивных социально-экономических преобразований;
- обеспечение единства культурного пространства на территории округа с учетом культурных традиций, этнических и иных особенностей различных социальных групп и слоев;
- сохранение культурной самобытности наций и народностей, проживающих на территории региона (7).

Необходимыми условиями успешной реализации задачи государственной культурной политики на территориях УрФО являются укрепление межрегиональных культурных связей и усиление согласованности действий всех субъектов культурной политики в Уральском федеральном округе.

В целом культура может обеспечивать динамические ресурсы для успеха развития. Управление культурой в конечном итоге представляет собой регулирование процесса формирования личности через производство,

распределение и потребление культурных ценностей. Данный процесс можно определить как сознательное, планомерное и целенаправленное воздействие на культуру, как целостную систему производства, распределения, обмена и потребления знаний, ценностей и норм образцов жизнедеятельности в соответствии с объективными закономерностями их развития в интересах общества и каждой отдельной личности (8).

Реализация стратегий развития общества, учитывающих культурные факторы – это реализация стратегий развития человека, направленных на достижение таких характеристик жизнедеятельности людей, которые бы обеспечивали формирование человеческого потенциала, адекватного современным условиям. Важнейшие стратегические приоритеты культурной политики актуализируются с учетом международного опыта и необходимого диалога между различными странами, в процессе которого разворачивается обсуждение задач, стоящих перед культурой в ходе развития.

Когда культура понимается как основа развития, то понимание национальной культурной политики значительно расширяется. Культурная политика в демократическом обществе интегрирована в стратегии развития, способствует формированию нации как многогранного сообщества, характеризующегося национальным единством, служит социальной интеграции и улучшению качества жизни. Как отметил Президент РФ В. Путин на Совете по культуре и искусству 5 марта 2002 г. (Москва), «в современных условиях важно найти формы использования потенциала культуры для формирования имиджа России, для утверждения ее новой роли и места в мировой цивилизации».

1. Ключевский В. Курс русской истории. Часть 1. М., 1977. С.18.

2. См.: Кулемзин А.М. Охрана памятников как социально-историческое явление // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Кемерово, 1996. С.5-6.

3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С.353.

4. См.: Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. М., 1998. С.154.

5. См.: Национальная культурная политика в Российской Федерации: принципы и механизмы. М., 1994. С.12.

6. Истоки знаний и талантов // Уральский федеральный округ. 2004. № 8. С.48.

7. Там же. С.49.

8. Михайлова Л.И. Социология культуры. М., 1999. С.77.

**Кузнец Л.О.
(Сургут)**

**Педагогический коллектив Тобольской женской школы
во второй половине XIX века**

Во второй половине XIX века в Тобольской губернии появились первые женские учебные заведения. Главное их предназначение заключалось в осуществлении нравственно - религиозного воспитания, которое требовало соответствующего состава педагогического коллектива, где наряду с учителями важную роль играли классные надзирательницы (1).

Местная администрация и общество Тобольска понимали необходимость в организации женского образования в историческом центре Сибири. Примером служил успех женской школы в Ялуторовске, основанной в 1846 году декабристом И.Д. Якушкиным. В Тобольске был создан комитет по «учреждению женского учебного заведения», в который вошли декабрист А.М. Муравьев, директор училищ Тобольской губернии П.М. Чигиринцев, учитель К.Н. Николаев, купец Н.С. Пиленков и супруга председателя Тобольской казенной палаты известная общественная деятельница М.В. Львова (2). «Страстным поборником» (3) за предоставление женщинам образования выступал Николаев. По его мнению, женщинам знания нужны больше, чем мужчинам, поскольку женщина-мать несет воспитание в семье и обществе. В период подготовки к открытию училища формировался педагогический коллектив, в который были приглашены: законоучитель, бывший священник Благовещенской церкви Федор Лебедев, надзирательница и учительница рукоделия А.И. Резанова, учитель чтения, письма и арифметики, служитель и няня.

От момента открытия заведения и до 1900 года в педагогическом коллективе прослеживалось 2 периода развития, связанных как с сословной принадлежностью учениц, так и со статусом учебного заведения: 1-й период приходился на 1852-1862-е годы, 2-й этап - на 1862-1900-е годы.

Первый период начинался с открытия приходского училища для дочерей мещан и других низших сословий. Комитет принял на себя обязанности по управлению учебным заведением, функции главной попечительницы и надзирательницы были поручены М.В. Львовой, обязанности казначея и эконома – А.М. Муравьеву, наблюдение за ходом учебного процесса – П.М. Чигиринцеву. В основном педагоги были штатными, только некоторые - приходящие учителя Тобольской мужской гимназии. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд посетил Тобольскую школу для девиц и остался доволен ланкастерскими приемами обучения, присутствуя на «уроках письма под диктовку и арифметике». Кроме того девочки изучали Закон Божий, чистописание, чтение, рукоделие и ремесла.

Основная нагрузка по содержанию учебного заведения возлагалась на общественные, благотворительные организации и частных лиц. За годы

существования бюджет училища увеличился до 20 тыс. руб (4), поэтому решено было «осуществить переход» от приходского училища к женской школе.

Уже в 1854 году училище получило статус Мариинской женской школы, находящейся под покровительством фонда государыни Марии Федоровны, жены Павла I. По § 3 «Устава женских учебных заведений» главной задачей школы было воспитание учениц, чтобы «они со временем могли быть добрыми женами и полезными матерями семейств (5). Учебное заведение состояло из двух отделений, 1-е – предназначалось для девочек из низших сословий, 2-е – для дочерей благородного сословия, духовенства и купцов. Оба отделения разделялись на 2 класса: высший и низший с трехлетними курсами обучения в каждом. В состав учебного курса 2-го отделения входили следующие предметы: Закон Божий, русский язык, история и география России, арифметика, чистописание, рукоделие и домашнее хозяйство. Жалование педагоги получали от Попечительского Совета Мариинской женской школы с годовой оплатой: надзирательница в размере 200 руб., ее помощница – 120 руб., учителя – 180 руб. (6).

Развитием и содействием Мариинской женской школы стали заниматься два совета. Попечительский совет - сбором средств, в него приглашались граждане, известные общественные деятели, меценаты и т.д. Педагогический совет отвечал за учебно-воспитательный процесс (обсуждал вопросы обучения, составления расписания, посещаемости учениц) и состоял из педагогического коллектива. Советы имели право открывать и закрывать школу, выдавать разрешение на преподавание и отстранять от должности учителей. Совет Мариинской женской школы возглавлял Тобольский губернатор В.А. Арцимович, а его жена Анна Михайловна стала первой попечительницей.

Второй период в развитии педагогического коллектива начинался с 1862 года, когда Мариинская школа стала доступной для представителей всех сословий. Она состояла из высшего и низшего отделения. Высшее отделение имело 3 класса с 2-х годичными сроками обучения. Низшее отделение осталось без изменений. По сравнению с предыдущим периодом вводились новые дисциплины: естественная история и физика. Все это способствовало пополнению преподавательского коллектива и за счет учителей гимназии и Высшего начального училища, которые совмещали работу в этих учебных заведениях. Теперь коллектив состоял из 21 человека, из них 8 человек работало на постоянной основе: это надзирательница школы А.И. Рязанова, служившая с основания школы, ее помощница М.А. Тверитина, учительница рукоделия во 2-м отделении М.В. Баранова, учительница рукоделия в 1-м отделении М.Т. Кириленко, учительница музыки В.И. Таркова, учительница танцев А.А. Затопляева, учительница французского Е.В. Зданевич, законоучитель Ф. Лебедев.

Основным условием приема на учительскую должность были не только профессиональные качества, но «добрая нравственность и благонадежность». Преподавание должно было вестись только на русском языке.

Совет школы проводил работы для преобразования школы в гимназию. С этой целью губернатором А.И. Деспот - Зеновичем был образован комитет – Ежемесячные конференции по учебной и воспитательной работе для введения различных изменений в процесс обучения. В результате их работы, воспитанницы стали изучать немецкий язык, педагогику, химию. Это позволило выпускницам школы приглашать на работу в женские 2-х разрядные училища. По положению Министерства Народного Просвещения от 5 июля 1870 года женские гимназии и прогимназии передавались в ведении Попечителей учебных округов и открывались с их разрешения в городах, где была возможность обеспечить их существование с помощью общественных или частных пожертвований (7). Так финансирование женской школы в Тобольске осуществлялось за счет казны и пожертвований. Женщины-учительницы, работающие в учебном заведении, в этот период получали из государственного казначейства прогонные деньги на две лошади и жалованье: начальницы и главные надзирательницы - по 400 руб., классные преподавательницы и надзирательницы - по 300 руб. в год.

По уставу 1879 года 1 и 2 отделение женской школы стали существовать как самостоятельные учебные заведения с общим управлением. Обучение в них устанавливалось в разное время. Так в 1-м отделении с 2 класса и 3-х годичными сроками обучения, выпуски проходили зимой, во 2-м отделении с 3 класса по 2-х годичными курсами обучения выпуски проводились летом. Так же по решению Министра государственных имуществ выделились дополнительные средства на подготовку сельских учительниц.

На 1879 год бюджет Мариинской школы составлял 15-17 тыс. (8), из них половина приходилась на местные средства, вторые - ежегодные субсидии от гражданского управления.

Уровень обучения в женской школе был достаточно высок (9). За воспитательный процесс отвечала главная надзирательница, ее помощница и классные дамы, поэтому они проводили со своими воспитанницами весь учебный день. В первую очередь на эти должности принимали вдов, которые могли следить за учащимися. Если таковых не было, брали девушек, молодых женщин с образованием «по приобретению некоторой опытности в воспитании детей» (10). Только в исключительных случаях могли принять замужних женщин. Например, в конце XIX века должность надзирательницы исполняла М.Л. Ольгиatti.

В течение 10 лет обязанности инспектора Мариинской школы исполнял А.А. Терновский. После окончания историко-филологического факультета Санкт-Петербургского пединститута «со званием учителя гимназии». Александр Александрович работал в Тобольской мужской гимназии, а по совместительству вел историю и географию в женской школе. Позднее

став инспектором, Терновский сменил на посту преподавателя духовной семинарии старшего советника Ивановского. Жителям Тобольской губернии был известен литературный талант Терновского, который являлся автором следующих работ: «Очерка из истории колонизации Сибири в царствование Михаила Федоровича», «Историко-географический очерк Кавказских земель до конца II века по Р. Х.» (11) и др. Кроме этого, инспектор принимал активное участие в общественной жизни города, состоял членом Городской Думы, входил в состав различных комиссий, с 1893 года выполнял обязанности одного из редакторов «Ежегодника Тобольского губернского музея», через год стал кандидатом в библиотекари музея. Кроме литературной деятельности, Терновский, одним из первых, занимался исследованием иконографии и сибирской библиографией Тобольского музея. Классной дамой служила его жена В. И. Орнатова, выпускница школы и дочь известного в городе преподавателя физики Тобольского епархиального училища и духовной семинарии Иллариона Орнатова.

Необходимо отметить, что многие учителя и классные дамы Мариинской женской школы были ее выпускницами (12). Русский язык преподавала Римма (Ирина) Антоновна Гулль-Хрущева. Она закончила школу в 1894 году, затем училась в Омской женской гимназии почетных граждан Поповых, где прослушав педагогический курс 3 класса, получила право на звание учительницы. Свою деятельность Р.А. Гулль-Хрущева начала в Мариинской школе обеих ступенях. Здесь же более 15 лет проработала помощницей надзирательницы Е.Ф. Краснопевцева, выпускница 1867 года. За свою многолетнюю службу она награждена серебряной медалью в память царствования императора Александра III, вензелевым юбилейным знаком в память 100-летия учреждений императрицы Марии и Мариинским знаком отличия в службе. Среди классных дам были выпускницы разных лет: Ольга Королева, Анфия Знаменская, Мария Тутолмина, Ольга и Анисья Мутины. По словам современников, Мариинская женская школа, являлась "рассадником женского образования в губернии".

Окончив седьмой класс школы, девушка получала статус начальной учительницы или домашней наставницы, что давало ей право на преподавание в младших и средних классах учебных заведений. Занятия в старших классах, согласно закону, должны были вести лица, окончившие высшие учебные заведения, а это были, в большинстве своем, мужчины (13). Внесение изменений не могли не отразиться на качестве обучения. Для всех женских средних учебных заведений России, включая Мариинскую женскую школу, были характерны постоянные изменения в педагогическом коллективе. Это было связано с тем, что большую часть лиц с высшим образованием составляли приезжие: которые после окончания университета за казенный счет должны были отработать по распределению от 1 до 6 лет. По окончании этого времени многие стремились вернуться в Европейскую Россию (14). Немаловажным был и тот факт, что большую часть преподавателей

женских школ составляли девушки, которые после замужества, как правило, оставляли службу. И, наконец, одной из основных причин был небольшой размер заработной платы молодого учителя, которая зависела от стажа работы в Сибири.

Педагогический коллектив Тобольской женской школы состоял из: инспектора, выполняющего обязанности директора, преподавателей, классных надзирательниц и обслуживающего персонала. Инспектор школы избирался попечителем учебного округа (15) и имел одинаковые права и обязанности с директорской должностью. Он следил за ходом преподавания, отвечал за внешнее и материальное благосостояние заведения. Преподаватели делились на штатных учителей, находящихся на государственной службе, и учителей, обучающихся по найму. К первой категории относились: законоучитель, учителя наук и языков и учитель чистописания, черчения и рисования; к последней - учителя пения и гимнастики. На все преподавательские должности назначались с согласия начальника учебного заведения или попечителя учебного округа (16). Воспитательницы помимо надзора за учащимися должны были выполнять поручения начальства школы, а в отсутствие учителей вели уроки за дополнительное вознаграждение.

-
1. Скачкова Г.К. Опыт и традиции женского образования в нашем крае // Педагогика и школа. Материалы науч. конф., посвященной 40-летию Тобольского государственного института им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 1994. С. 25.
 2. Ретунский В.Ф. Первая женская школа декабристов в Тобольске // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. С. 96.
 3. Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969. С.97.
 4. Тобольская Мариинская гимназия. Историческая записка о первом женском учебном заведении Тобольска. К 140-летию юбилею / Сост. Г.К. Скачкова, ред. Г.Т. Бонифатьева. Тобольск, 1992. С.5.
 5. Устав женских учебных заведений ведомства императрицы Марии. СПб., 1855. С. 5-6.
 6. ТФ ГАТО. Ф.165. Оп.1. Д. 151. Л. 9об.
 7. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства Народного Просвещения за 1870-1905гг. (Составил Д.Кузьменко). Смоленск, 1905. Ст. 3 (26 82).
 8. ТФ ГАТО. Ф. 165. Оп.1. Д. 182. Л. 25.
 - 9.Скачкова Г.К. Из истории первой женской школы Тобольска // Исторический опыт народного образования Тюменского края: Историография, источниковедение. Тобольск, 1999. С. 19.
 - 10.Скачкова Г.К. Опыт и традиции женского образования в нашем крае // Педагогика и школа. Материалы науч. конф., посвященной 40-летию Тобольского государственного института им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 1994. С. 25.
 - 11.Скачкова Г.К. Терновский А.А. // Тобольский биографический словарь (Р-Я). Тобольск, 2003. С. 94.

- 12.Тобольская Марининская гимназия. Историческая записка о первом женском учебном заведении Тобольска. К 140-летию юбилею / Сост. Г.К. Скачкова, ред. Г.Т. Бонифатьева. Тобольск, 1992. С.13.
- 13.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 53.
- 14.Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т. 3. С. 34–36.
- 15.Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864г. // Реформы Александра II. Москва, 1998. - §13.
- 16.Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864г. // Реформы Александра II. Москва, 1998. §25-28.

Латыпов Р.Т
(Екатеринбург)

**Материально-техническое, финансовое и учебно-методическое
обеспечение национальных школ Урала
во второй половине 1920 –х гг.**

В 1925 г. активизировалась деятельность партийных и советских органов Урала по дальнейшему развитию народного образования, расширению школьного строительства, созданию и совершенствованию письменности нерусских народов, обеспечению школ и ликпунктов учителями, учебниками и учебно-наглядными пособиями. Большую роль в развитии просвещения национальных меньшинств, расширении сети школ на родном языке и усилении работы по ликвидации неграмотности сыграли решения январского (1925 г.) Пленума Уралобкома партии «О советско-партийной работе среди национальных меньшинств» (1) и решение секретариата обкома партии в июне 1927 г. (2).

Основное внимание обращалось на улучшение начального образования нацменьшинств. Темпы роста национальных школ 1-ой ступени опережали рост аналогичных русских школ. В 1925/26 учебном году по области насчитывалось 416 национальных школ 1-ой ступени, в 1927/28 учебном году их количество достигло 538. С 1923 по 1927 гг. общий рост всех школ 1-ой ступени составил 15 %, тогда как национальных – 29 %. Соответственно увеличились штаты национальных школ: в 1925/26 учебном году в области преподавало 718 учителей, а в 1927/28 учебном году – 923 (3).

Увеличивались темпы охвата учебой нерусских детей школьного возраста: в 1925/26 учебном году – 35,9 %, в 1926/27 – 42,7 % и в 1927/28 учебном году – 52 %. Однако, если эти данные сравнивать с русскими школами, то здесь явное отставание: в 1925/26 учебном году учебой было охвачено 47,2 % детей школьного возраста, в 1926/27 – 52,6 % и в 1927/28 учебном году – 62,7 % (4).

С ростом числа национальных школ в области увеличивался штат преподавателей, но квалификация учителей национальных школ была низкой. По школьной переписи 1927 г. качественный состав учителей по семи национальным районам был следующим: среди татаро-башкирских учителей имели незаконченное высшее образование 2,7 %, среднее образование – 26,5 %, медресе (нижесредняя школа) – 41,8 % и с низшим образованием – 29 %. Среди коми-пермяцких учителей имели высшее образование – 4,3 %, среднее – 57 % и низшее – 38,7 %. У марийских учителей среднее образование имели 72,7 % и низшее – 17,3 % (5).

При этом к высшему образованию зачисляли учителей, которые окончили высшие мусульманские учебные заведения, как, например, «Медресе Мухамадие» в г. Казани или «Медресе Галие» в г. Уфе. К среднему образованию причисляли учителей, которые закончили трехгодичные педагогические курсы «Медресе Иггадие». К нижесреднему образованию причисляли учителей, окончивших четырехклассные татарские школы высшего начального типа, которые назывались «Медресе руждин» (6).

В связи с низкой квалификацией преподавательского состава нацшкол в течение 1924/25 учебного года были проведены курсы для учителей. Эти областные двухмесячные курсы были запланированы на 112 часов. Для представителей трех наиболее крупных национальностей были проведены одномесечные курсы, при этом для татаро-башкирских учителей было проведено 45 часов, для марийских – 32 часа и для коми-пермяцких – 31 час. В течение 1925/26 учебного года подобные курсы были проведены вновь. При этом для татаро-башкирских и коми-пермяцких учителей курсы проходили в течение полутора месяцев, для марийских – один месяц (7).

Обучение в нацшколах проходило на родном языке, но со второго года вводился русский язык. В школах с четырьмя группами имелся преподаватель русского языка. Необходимость преподавания русского языка в таких школах очевидна. Но в начале 1920-х гг. преподавание русского языка в нацшколах рассматривалось как преподавание иностранного языка в русской школе, перелом начинается только в 1927 г.

Для учителя русского языка выделялось особое время, но часто его работа в школе проходила автономно, самостоятельно, будучи несвязанной с учебным планом и процессом. Поэтому методы преподавания русского языка в национальной школе отличались от общих методов и принципов работы. Учителя русского языка шли ощупью, а в некоторых школах применяли «...такие нелепые приемы как мимика...» (8).

Преподавание русского языка шло в разрез с общей программой национальной школы. Обычно, преподаватель русского языка в четырехлетней национальной школе обучал учащихся второй, третьей и четвертой групп. Учитель как предметник уделял каждой группе в среднем пять часов в неделю или один учебный час в день, он составлял расписание, согласуя время занятий с другими преподавателями. Учитель занимался в этих груп-

пах по своему плану обучения, руководствуясь учебниками, предназначенными для соответствующей группы: для второй группы учебниками первого года обучения, для третьей группы – второго года обучения и для четвертой группы – третьего года обучения.

В связи с введением во второй половины 1920-х гг. в нацшколах края нового плана обучения, рекомендованного Государственным ученым советом (ГУС), учитель русского языка оказался в весьма затруднительном положении. Его план обучения не совпадал с общим учебным планом, так как программы ГУСа предусматривали комплексное изучение определенной темы на всех предметах, а учитель русского языка со своим планом обучения выпадал из этой системы преподавания.

Нацменьшинства в основной массе жили в сельской местности. В крестьянских семьях говорили на родном языке, поэтому ребенок до поступления в школу русским языком практически не владел. До 8–10-летнего возраста мировоззрение ребенка из национальной семьи было связано с его родным языком, поэтому преподавателям русского языка в нацшколах приходилось нелегко. Дети не всегда понимали предмет, не все усваивали, ходили на эти уроки с нежеланием. Ребенку было очень трудно усваивать материал, мысли его рассеивались, так как ему одновременно нужно было сосредоточить свою мысль на том предмете, о котором идет речь и запомнить произношение слов на непонятном ему языке. Далеко не все преподаватели могли мобильно перестроить свой учебный план. В основной массе учителя работали по своим традиционным программам. Однако находились энтузиасты своего труда, которые перестраивали свой учебный план к определенной теме комплексного изучения программ ГУСа. Так, например, темы: «Охрана здоровья», «Начало весенних работ» самостоятельно вносились ими в свой учебный план.

Были и другие причины, которые осложняли работу учителя русского языка в национальной школе. В большинстве случаев преподавателями русского языка в школах этнических меньшинств были русские, которые, естественно, родного языка обучаемых не знали. Работая с 3–4-мя группами учащихся, учителю было очень трудно дать полноценные знания русского языка. Поэтому учителя-нацмены предлагали открыть для них специальные курсы русского языка, чтобы они могли сами преподавать в своих школах русский язык.

В связи с введением русского языка в национальных школах 1-ой ступени срок обучения был продлен с четырех до пяти лет. Это было обусловлено тем, что дети одновременно обучались на родном и русском языках, большим объемом изучаемого материала, а также отсутствием дошкольного воспитания и культурной отсталости детей, что не позволяло им полноценно усвоить учебный материал, предусмотренный программами ГУСа в течение четырех лет обучения.

Однако в 1925 г. не все национальные школы перешли на пятилетний курс обучения. Основной причиной тому было – это отсутствие средств и подготовленных школьных работников.

В 1925 г. УралОНО принял второй вариант обучения тюркских народностей, который предусматривал введение дополнительно пятой группы после четырех лет обучения. Половина материала, изучаемая на четвертом году обучения переносилась на пятый. Среди финно-угорских народностей был принят первый вариант обучения, согласно которому, до первой группы обучения открывалась нулевая (9).

После обязательного введения преподавания русского языка для национальных меньшинств, в некоторых школах прекратили обучать на родном языке. Преподавание на родном языке среди татаро-башкирского населения было поставлено четко, так как эти народы имели традиции обучения на родном языке еще в дореволюционное время. Среди школ финно-угорских народностей, и тем более народов Тобольского Севера, обучение на родном языке было частично на первом и втором годах обучения, а начиная с третьего года обучения переходили на русский язык, что было, безусловно, ненормальным явлением.

С 1928 г. во всех национальных школах стали обучать детей на родном языке. Дефицит преподавателей русского языка во многих школах компенсировался нацкадрами. Обучение русскому языку в таких школах было полностью предоставлено на личное усмотрение и опыт каждого учителя. В такой ситуации учитель-нацмен столкнулся с большими трудностями, что нередко приводило к упрощению преподавания русского языка, отсутствию системы и последовательности в обучении. Так, например, в одной татаро-башкирской школе Кизеловского района Верхне-Камского округа обучение в четвертой группе полностью перевели на русский язык, при этом для родного языка отвели лишь восемь недельных часов. «...Результаты были таковы: ученики пассивны, многие не понимают, а уроки чтения по русским книгам проходят при активном участии только самого учителя. В той же школе учитель-нацмен ведет урок разговорной речи на русском языке, но вопросы им ставятся очень трудные, например, «что такое автомобиль, трамвай?». Конечно, ответы учитель не получает, тем более что ученики никогда таких предметов не видели! В другой школе обучение русскому языку ведет нацмен-учитель, сам плохо владеющий русским языком. Вместо слов – «пенька», «фепа», «корова», он произносит: «пенка», «рипа», «курува» (10).

Для правильного обучения русскому языку в национальных школах издавались учебники, учебные и методические пособия, но так как их количество было невелико, большинство школ их не имело. Наиболее распространенными пособиями по русскому языку для школ нацменьшинств были: Михеев «Основные правила русской грамматики для нацмен школы», Татгосиздат, г. Казань; Иванов «Русский язык в нацмен школах», Чувиздат,

г. Чебоксары, Чувреспублика; «Русский язык в мордовских школах», Издательство мордовской секции Центриздата, г. Москва (11).

Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась с изданием учебной литературы для северных народов. Иногда учебник не мог дойти до читателя по идеологическим соображениям. Так, например, в октябре 1924 г. Секцией Севера при Уралплане было принято решение издать в 1925 г. русско-остяцкий, русско-самоедский и русско-вогульский словари, разработка которых поручалась сотруднику Академии наук Н.Н. Поппе. Однако осуществить это мероприятие не удалось (12).

В начале 1927 г. Комитетом содействия народам северных окраин не был принят туземный учебник для вогулов, разработанный профессором Емельяновым, потому что «автор придерживался звукового метода преподавания грамоты. Материал для чтения (2-я часть букваря) взят из сказок и легенд (сказания о шаманах), страницы пестрят описанием убийств, плутней и обмана, что в педагогическом отношении придает отрицательное значение букварю. Букварь не затрагивает вопросов политического и революционного характера. Иллюстраций нет» (13).

Материально-финансовое положение национальных школ Уральской области в период с 1923 по 1927 гг. постепенно улучшалось. Однако, они по-прежнему испытывали большие трудности в обеспечении учебниками, учебными пособиями и школьными принадлежностями. Со стороны округов школы обеспечивались недостаточно, поэтому, в основном, они субсидировались через УралОНО. До 1925 г. наглядными и учебными пособиями национальные школы Урала были обеспечены только на 25–30 % (14).

В 1925/26 учебном году УралОНО распределил учебники и учебные пособия на семи языках в количестве 45 816 экземпляров (15). Однако, в качественном отношении многие учебники не отвечали современным требованиям и не соответствовали программам ГУСа. Татары, башкиры, коми-пермяки, удмурты, марийцы были обеспечены учебниками лишь на первые две группы, что препятствовало преподаванию в этих школах на родном языке (16).

Несмотря на то, что материальная база национальных школ постепенно улучшалась, тем не менее, их доля во всех местных бюджетах отделов народного образования сокращалась. Так, например, в 1926/27 учебном году в Сарапульском округе, где население национальных меньшинств составляло 12,4 %, на их образование было выделено от общей суммы бюджета 9,17 %. В Дубровском районе Тобольского округа население нацменьшинств составляло 24,7 %, а их доля в бюджете на образование – 16,1 %, в Кунгурском округе – 12 %, их доля в бюджете составила 10,5 % (17).

В большинстве случаев бюджетные ассигнования национальным школам области выделялись меньше, чем на развитие русских школ. Однако финансирование национальных школ требовало больших расходов, потому что нацшколам 1-ой ступени требовалась дополнительная штатная единица преподавателя русского языка и его изучение требовало удлинение обучения

с 4 до 5 лет, что одновременно увеличивало количество групп и штатных учителей. Обучение на двух языках дополнительно требовало учебников и литературы на родном и русском языках, а также канцелярских принадлежностей. Отсталая полиграфическая база, а порой и ее отсутствие, незначительность тиража выпускаемой учебной литературы приводили к тому, что учебники и литература для нацменьшинств обходилась дороже, чем на русском языке. Так, например, букварь на русском языке стоил – 20-25 коп., а букварь для нацменов – 40-45 коп. Русские задачки обходились в 40-50 коп., а на национальных языках – 60-70 коп., такая же разница была в ценах популярной национальной литературы (18).

Неодинаковы были расходы на строительство и ремонт национальных школ и культурно-просветительных учреждений, которые создавались в большом количестве лишь после Октябрьской революции. Вопрос о школьном строительстве особенно остро встал в связи с планом введения всеобщего обучения.

Такое же было положение со школьным инвентарем просветительных учреждений. Национальные общинные школы, в основном, ютились в малоприспособленных помещениях – «избушках». Эти «избушки», хотя и назывались школой, но в них ничего похожего на школу не было. Обычно у тюркских национальностей по закону «старого шариата» учащимся не полагалось сидеть за партами или на скамейках – они сидели на полу. Классных столов, скамеек, счет и т.п. не было. «...Мулла этот инвентарь в стены школы не допускал, считая, что заниматься такими светскими вещами является страшным делом. Только в последнее время некоторые «нарушители религии» и среди мулл – новообрядцы своего рода, считали возможным допустить в школах скамьи, но таких школ мало. Большинство же школ нацменов было организовано на развалинах этих национально-религиозных школ, поэтому они не имеют никакого наследства и в части школьного инвентаря» (19).

Еще одним из дополнительных расходов для национального просвещения являлись затраты на подготовку и переподготовку педагогических работников, что было связано с низкой профессиональной квалификацией учителей. Большинство школьных работников не имели достаточной общей профессиональной подготовки, так как часть из них получила образование в духовных школах, где общеобразовательные предметы не доминировали.

Многие национальности Урала были разбросаны на большой территории небольшими группами населения, поэтому организовать курсы для учителей было технически не только трудно, но и порой невозможно. Чаше всего на подготовку и переподготовку национальных педкадров требовалось их командировать в Центр или в национальные республики.

Средняя нагрузка на одного сельского учителя национальной школы составляла от 25 до 30 детей, а в некоторых местах, как, например, в Челябинском округе доходила до 80. В городских и заводских районах – от 35

по 40 детей. Помимо этого учитель выполнял общественные работы. По данным отделения профсоюза работников просвещения учитель Тобольского Севера ежемесячно в среднем затрачивал на общественную работу 59 часов (8 часов – на комсомольскую работу, 7 – на кружковую, 7 – на беседы с населением и 14 – на работу в избе-читальне) (20).

На местах к учителям всегда относились уважительно. Однако, были случаи невнимательного отношения к нуждам национального учителя, грубого администрирования, загружая его не общественно-массовой, а технической работой. Так, например, учителей татарской деревни Средний Бугалыш Кунгурского округа местные власти заставили в часы школьных занятий в течение 9 дней проводить ревизию кредитного товарищества. В марийском селе Сарсы того же округа местных учителей принудили ходить по домам, собирать сведения о том, кто сколько желает посеять в текущем году. Эти работы должны были выполнять члены сельского совета и агроуполномоченные (21). Были случаи не только невнимательного отношения к учителю, но и пренебрежение к интересам нацшкол со стороны РИКов и сельских советов. В Тобольском округе сельским советом были отобраны шкуры, хлеб и деньги, собранные в пользу школы; в Тагильском округе помещение для школы национальных меньшинств было смежным с катаверной (мертвецкой) комнатой (22). Подобный же случай имел место в Филкинской школе того же Нижне-Тагильского округа. В Тобольском округе специально отпущенные в 1925 г. 1000 руб. на ремонт школы национальных меньшинств были израсходованы на коммунальное хозяйство (23).

К этим трудностям добавим, что заработная плата учителя национальной школы по области была сравнительно низкой и неодинаковой. Так, например, в районах Тюменского округа учитель-нацмен по 12 разряду оплаты труда получал 21 руб. в месяц, а в городе по тому же разряду его зарплата составляла 30 руб. В Тобольском округе учитель по договору получал всего 15 руб. (24). В то же время заработная плата избачей в Троицком округе составляла 25–32 руб. в месяц, а инспектора райполитпросвета – 52 руб. (25).

В 1926 г. 61,9 % национальных школ по площади имели менее одного кв. метра на одного ученика, что не отвечало элементарным требованиям санитарных норм (26). Посещаемость учащимися национальных школ не всегда была удовлетворительной. Часто были пропуски из-за отсутствия одежды, обуви, по домашним обстоятельствам, а иногда даже – по случаю свадьбы в деревне (27).

Несмотря на эти трудности, количество школ нацменьшинств продолжало увеличиваться. Так, например, в 1926/27 учебном году на территории Уральской области насчитывалось 504 национальных школ 1-ой ступени, 11 школ-семилеток, 5 школ крестьянской молодежи, 2 школы 2-ой ступени, 8 дошкольных учреждений, 4 профессионально-технических училища (28).

По данным на 1 декабря 1926 г., из общего количества школьных зданий, построенных для национальных меньшинств, более 90% были построены за счет негосударственного финансирования (29).

Перестройка содержания обучения в школе во многом зависела от новых учебников и учебных программ, но в 1920-е гг. так и не удалось создать учебники для национальных школ постоянного пользования.

Большое значение для повышения качества школьного обучения имели учебные программы. В 1923 г. были опубликованы программы Государственного ученого совета (ГУСа). Авторы программ ГУСа предлагали отказаться от предметного метода основ наук и ввести вместо него «комплексный метод».

Органы народного образования, многие передовые педагоги первоначально поддержали основные принципы программ ГУСа, так как считали, что они помогут им «в борьбе против схоластики старой школы в поисках новых путей в педагогической науке». Но массовому учителю комплексный метод обучения был непонятен, тем более его не понимал сельский учитель, потому что не удавалось увязать изучение отдельных предметов в комплексе. Кроме того, отказ от предметного изложения вел к ухудшению навыков письма, счета, чтения. Естественно, снижение грамотности у учащихся вызывало недовольство родителей.

Попытка увязать обучение с жизнью, комплексное изучение материала требовали новых форм и методов занятий с учащимися. В эти годы повсеместно наблюдались попытки иллюстрировать проходимый материал. В ряде школ учащиеся сами готовили таблицы, схемы, рисунки, макеты. Старшеклассники делали своими руками простейшие модели приборов. Широкое развитие получили экскурсии. Однако в отношении новых методов обучения в этот период были допущены «левацкие перегибы». Считалось, что рассказ учителя должен быть сведен до минимума, чтобы активизировать работу самих учащихся. В дальнейшем «методическое новаторство» привело вообще к отрицанию классно-урочной системы обучения. Во второй половине 1920-х гг. начал насаждаться бригадно-лабораторный метод, «дальтон-план» и другие, которые серьезно нарушали нормальный ход учебного процесса.

В основу создания новой школы был заложен принцип политехнического обучения. В программе партии, принятой VIII съездом РКП (б), было записано о введении бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет (30).

В период 1925–1927 гг. удалось широко внедрить такой элемент политехнического обучения, как проведение экскурсий на фабрики, заводы, совхозы, кооперативы, советские учреждения. В ряде школ повышенного типа были созданы учебные кабинеты и лаборатории, в основном это были химические, биологические и физические кабинеты. Также имелись мастер-

ские: сапожные, переплетные, столярные, которые в основной массе были плохо оборудованы. Комиссия Наркомпроса в 1927 г. писала в своем отчете, что отсутствие учебного оборудования является бичом Урала.

Несколько шире политехнизация проводилась в школах крестьянской молодежи. Здесь учащиеся более обстоятельно знакомились с основами сельскохозяйственного производства. С проблемой политехнического образования непосредственно был связан вопрос о введении в школе трудового обучения. Несколько лучше было поставлено трудовое воспитание в сельских школах, где учащиеся широко привлекались к работам на пришкольных участках.

С проблемами политехнического и трудового обучения также был связан вопрос о профессионализации старших классов школ 2-ой ступени. Наркомпрос в 1924 г. решил ввести в старших классах «профессиональные уклоны», чтобы дать выпускникам некоторую практическую подготовку по одной из специальностей.

УралОНО проводил профессионализацию второго концентратора весьма осторожно. Лишь к 1927 г. в большей части школ 2-ой ступени были введены «профессиональные уклоны»: педагогический, кооперативный, административно-хозяйственный. При такой специализации школы готовили учителей начальных школ, библиотекарей, закупщиков-товароведов, приемщиков, бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей. В те годы, особенно в сельских районах, в работниках данных специальностей ощущалась большая потребность. Широко был распространен педагогический уклон, что объяснялось большим спросом на педагогические кадры.

Значительно хуже проходила специализация по другим уклонам. Отсутствие программ для второго концентратора, нехватка опытных специалистов для преподавания специальных дисциплин приводили к кустарничеству и узкому практицизму в обучении. Большим минусом было то, что в школах 2-ой ступени Урала – крупного промышленного района – не имелось индустриального уклона, что особенно ощущалось в национальных школах.

В новой школе большое место отводилось идейно-политическому воспитанию подрастающего поколения. Важное значение придавалось изучению новых общественных дисциплин: политграмоте и обществоведению. Однако, эти предметы до 1927 г. изучались далеко не во всех национальных школах из-за отсутствия подготовленных преподавателей.

Одной из важнейших форм идейно-политического воспитания считалась антирелигиозная пропаганда. Атеистическое воспитание детей должно было выработать у них материалистическое представление о законах развития природы и общества, поэтому все обучение в советской школе должно было способствовать этому процессу. Большое значение придавалось изучению таких предметов, как естествознание, физика, химия, история, обществоведение.

Однако значительная часть старого учительства в тот период придерживалась религиозных взглядов. Хотя эти учителя не вели в школе религиозной пропаганды (что было запрещено советскими законами), они в то же время не воспитывали детей в атеистическом духе, и, естественно, не критиковали религию.

Несмотря на объективные и субъективные трудности в деле просвещения этнических меньшинств Урала, результаты этой работы были существенны. Так, например, с 1923/24 по 1927/28 учебный год сеть начальных школ по Уральской области увеличилась на 23 %, при этом сеть национальных школ – на 40 % (31). Улучшение экономического положения страны позволило увеличить расходы на народное образование. Если в 1921–1923 гг. финансирование школы осуществлялось преимущественно за счет населения и хозяйственных организаций, то во второй половине 1920-х гг. – из местных и государственного бюджетов, что в свою очередь обеспечивало планомерность и гарантированность ассигнований на развитие школы.

Таблица

Удельный вес грамотного населения Уральской области по переписям 1920 и 1926 гг. (в процентах ко всему населению) (32)

<i>Национальность</i>	1920	1926
русские	28,9	40,0
татары	17,3	30,4
коми-пермяки	15,9	26,1
башкиры	12,0	21,3
украинцы	28,1	36,9
белорусы	29,8	29,1
коми	18,4	37,3
марийцы	9,3	24,9
ханты	11,0	5,6
удмурты	14,8	23,8
евреи	70,0	79,0
нагайбаки	35,0	41,9
поляки	56,5	66,5
ненцы	20,5	0,8
немцы	49,5	59,6
мордва	24,0	32,6
чувашаи	19,4	28,5
манси	12,6	6,1
цыгане	5,6	7,7
латыши	71,6	74,7

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в результате преобразований в области народного образования, уровень грамотности населения основных национальностей региона за шесть лет в среднем вырос

на десять и более процентов (за исключением белорусов), а у коми и марийцев он поднялся на 20 с лишним процентов. Резкое снижение процента грамотных у хантов и ненцев объясняется тем, что абсолютное большинство представителей этих народностей Всероссийской переписью 1920 г. не были зарегистрированы.

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп.3. Д.13а. Л.26.
2. ЦДООСО. Ф.4. Оп.5. Д.17. Л.248.
3. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.193.
4. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.194.
5. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.195.
6. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.257. Л.25.
7. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.204.
8. Шамматов М. Об увязке преподавания русского языка с комплексом в школах нацмен // Уральский учитель. 1926. №2. С.14.
9. Ижболдин И.А. Из жизни нацмен школ // Просвещение на Урале. 1928. № 10. С.53.
10. Там же. С.54.
11. Там же. С.56.
12. ГАРФ. Ф.Р-3977. Оп.1. Д.10. Л.77.
13. ГАРФ. Ф.Р-3977. Оп.1. Д.790. Л.83.
14. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.114.
15. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.104.
16. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.104.
17. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.194.
18. Шамматов М. Об особенностях сметно-бюджетной работы в деле просвещения нацмен // Уральский учитель. 1926. № 5–6. С.8.
19. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1929-1937). Свердловск, 1970. С.8.
20. Желонин. Профрбота на Далеком Севере Тобольского округа // Уральский учитель. 1926. №2. С.68–69.
21. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.65. Л.70.
22. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.122.
23. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.103.
24. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.66. Л.88.
25. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.1128. Л.213.
26. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.48. Л.335.
27. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.1128. Л.215.
28. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.65. Л.96.
29. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.110.
30. Там же. С.80. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций...
31. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала ... С.80.
32. Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. Труды Уральского областного статистического бюро. Сер.1. Т.2. Свердловск, 1925. С.34–35; Подсчитано по: Все-союзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел 1. Население по народности, родному языку и грамотности. Табл. № 6. Т.4. М., 1928. С.103–104.

Мельников Н.Н.
(Екатеринбург)

Подготовка кадров для предприятий танковой промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны

Способы, методы и формы подготовки рабочих кадров в условиях Великой Отечественной войны в целом по промышленности достаточно освещены в работах предыдущих исследователей (1). В этой работе мы рассмотрим лишь те моменты, которые были характерны для подготовки кадров танковой промышленности Урала.

В связи с постоянной текучестью кадров на танковых предприятиях, остро встал вопрос об обучении, повышении квалификации и переквалификации кадрового состава. Одним из основных источников пополнения кадрового состава промышленных предприятий (в том числе и танковых заводов) в годы войны стали выпускники ремесленных училищ (РУ) и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), причем не только местных учебных заведений, но и эвакуированных из западных областей. В первые месяцы войны удалось вывезти 344 училища, 219 школ ФЗО с 270 000 учащимися и педагогическим персоналом. На Урал прибыло 40 000 воспитанников трудовых резервов, 2 500 человек из 239 ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО. В Свердловскую область только в 1941 г. было эвакуировано 24 школы и 79 училищ, в которых обучалось 13 900 человек (2). Часть учебных заведений была размещена при основных танковых предприятиях Урала.

На примере Уральского танкового завода № 183 подготовка кадров выглядит следующим образом. УТЗ подготовку вновь прибывших работников, ранее не имевших соответствующего опыта и образования, осуществлял в несколько этапов. На первом этапе новые рабочие готовились только как «операционники», которые могли выполнять 1 – 2 производственные операции. На втором этапе обучающиеся дополнительно к производственным навыкам получали теоретические знания. При отделе кадров завода существовала сеть курсовой подготовки, где учащиеся преподавалось 2 – 3 часа теории, а остальное время они были заняты на производстве.

Дальнейшее обучение было представлено несколькими вариантами:

- а) Кружки при техникуме, где повышался общетехнический уровень рабочих, самостоятельно проработавших на производстве 2 – 3 месяца. Обучение в таких кружках проводилось под руководством инженеров-технологов.
- б) Стахановские школы, куда направлялись рабочие, не выполнявшие положенные нормы. Они обучались новым, более совершенным приемам работы. Через такие школы за годы войны прошли около 11,5 тысяч человек, которые в результате смогли повысить свои нормы выработки на 35 - 40%.

в) Целевые курсы, куда направлялись рабочие для освоения новой технологии, повышения разряда, получения новой профессии и т.д. Через целевые курсы прошло 15,8 тыс. человек.

В зависимости от производственной необходимости обучение новых рабочих ограничивалось только первым этапом или могло быть продолжено (3).

Техническое обучение на свердловском заводе №76 Наркомата танковой промышленности (НКТП) по производству танковых двигателей в целом повторяло методы завода №183 и шло по 4 основным направлениям: индивидуальное обучение, техникум (группы по 16-18 человек), стахановские школы и курсы целевого назначения (4). Таким образом, подготовка кадров на танковых заводах осуществлялась по схожим схемам и принципиальных отличий от других предприятий не имела.

В условиях военного времени требовалось увеличить количество подготавливаемых рабочих для пополнения предприятий. Поэтому пришлось пойти на значительное сокращение сроков обучения в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов. Срок обучения в РУ (до войны – два с половиной года с теоретическим курсом до 40 – 50 % от учебного времени) сократился до одного года. Приказом по Главному управлению трудовых резервов от 22 июля 1942 г. в училищах был установлен семичасовой учебно-производственный день: 6 часов производственного обучения и 1 час теоретических занятий. В школах ФЗО до войны обучение продолжалось шесть месяцев (теория – 5-20% от учебного времени), тогда как в военных условиях сроки обучения сократились до 2 – 3 месяцев непосредственно на производственном участке (5).

Периодически, в зависимости от появившихся потребностей производства, производились досрочные целевые выпуски учащихся РУ и школ ФЗО. Так в июне 1942 г. приказом по Свердловскому областному управлению трудовыми резервами директор Свердловского ремесленного училища №1 должен был направить на УЗТМ 126 учащихся (6). В октябре того же года Главное управление трудовыми резервами должно было досрочно выпустить 2 000 учащихся ремесленных училищ, достигших шестнадцатилетнего возраста и *«осиливших программу производственного обучения»*, и направить их на танковые заводы: в частности, Кировский завод должен был получить 300 человек, УЗТМ – 150, завод №200 – 500 и завод №183 – 700 (7).

Но, уже начиная с 1943 г., СНК СССР признал сложившуюся практику досрочных выпусков учащихся училищ и школ фабрично-заводского обучения порочной, поскольку дообучение этих рабочих приходилось проводить непосредственно на производстве, а значит затрачивать бесценные средства и время. Согласно решению Совнаркома от 3 февраля 1943 г. досрочный выпуск учащихся мог производиться не чаще двух раз в год и по предложению данных Главного управления трудовых резервов при СНК (8).

Рост сети ремесленных училищ и школ ФЗО потребовал увеличения усилий по организации мобилизационных мероприятий для набора подрост-

ков в учебные заведения. Первый призыв молодежи прошел организованно и на добровольной основе, в результате чего в ряде областей страны план призыва был перевыполнен. Учебные заведения Челябинской области приняли 15 200 человек при установленном плане 8 200. Но в последствии набрать установленный по плану контингент становилось все сложнее. Мобилизационный план на 1942 – 1943 учебный год полностью выполнить не удалось. Так, в Челябинской области он был выполнен только на 70,9% (9). Секретарь Свердловского горкома В.М. Андрианов в мае 1942 г. в телеграмме Главному управлению трудовыми резервами при СНК сообщил, что в области в школы ФЗО возможно набрать не более 5 тыс. человек мужского и женского пола, и просил оставшуюся часть призвать из других областей (10).

Очень скоро ресурс молодежи для набора в РУ и школы ФЗО был исчерпан. К началу 1943 – 1944 учебного года Свердловская область оказалась не в состоянии выполнить мобилизационный план. Заведующий бюро Свердловского обкома ВКП (б) по учету и распределению рабочей силы Серозеев констатировал следующее. В городской местности практически все подлежащие призыву подростки или уже учились или работали по специальности, поэтому предыдущий набор прошел в значительной степени за счет школ наркомата просвещения и снятия молодежи с предприятий и из учреждений. По состоянию на 1 января 1943 г. из 121,6 тыс. подростков, проживавших на селе, около 20 тыс. уже работало в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях. Из оставшегося контингента около 21 тыс. человек было призвано в ряды РККА, 18,5 тыс. мобилизовано в РУ и школы ФЗО, 16,2 тыс. – учащиеся школ наркомпроса. 45,9 тыс. человек – это *«колхозники, которые в настоящее время являются основной рабочей силой в колхозах»*. Таким образом, *«при настоящем положении с контингентом молодежи выполнить намечающийся план призыва по Свердловской области в 13 тысяч человек не в состоянии»*, только за счет *«переходящего контингента»* (тринадцатилетних в четырнадцатилетних) призвать можно было порядка 3 – 4 тыс. человек (11).

Отчасти именно поэтому для покрытия мобилизационного плана в РУ и школы ФЗО стали направляться беспризорники и подростки из соседних областей, детских домов и колоний.

В дальнейшем, для создания более эффективной системы профессионального образования в системе НКТП постановлением правительства от 2 ноября и приказом наркома В.А. Малышева от 6 ноября 1943 г. создается Главное управление учебными заведениями наркомата танковой промышленности (ГУУЗ НКТП). Этими же правительственными постановлениями для расширения базы подготовки квалифицированных кадров инженерно-технических работников танковой промышленности в Челябинске организуется Челябинский механико-машиностроительный институт (ЧММИ) в составе механико-технологического и танкового факультетов. ЧММИ планировалось разместить в помещениях ранее занятых Сталинградским механи-

ческим институтом, который переводился обратно в Сталинград (12). Так Урал получил возможность самостоятельно осуществлять подготовку инженерно-технических работников для нужд танковой промышленности региона.

Всего к концу войны в составе Наркомата танковой промышленности СССР находилось три высших учебных заведения (Сталинградский механический, Челябинский механико-машиностроительный и Мариупольский металлургический институты) и восемь техникумов (Челябинский, Свердловский, Нижнетагильский, Харьковский, Сталинградский, Ленинградский и Колпинский машиностроительные и Мариупольский металлургический техникумы) (13).

Такая разветвленная сеть среднего и высшего позволила обеспечить танковой промышленности необходимый уровень подготовки квалифицированных рабочих и кадров специалистов для танковых предприятий в условиях Великой Отечественной войны.

1. Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.). М., 1960; Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Павленко В.Д. Деятельность партийных организаций Урала по разрешению проблем кадров для промышленности в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июнь 1942 гг.) // Деятельность КПСС по созданию материально-технической базы коммунизма. Сб. трудов Челябинского пединститута. Вып. 10. Челябинск, 1976; Павленко Г.К. Подготовка квалифицированных рабочих для танковой промышленности (1941 – 1945 гг.) // 50-летию победы, тезисы докл. науч.-практич. конф. Челябинск, 1995; Павленко Г.К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала – фронту. 1941 – 1945. Челябинск, 2004; Якунцов И.А. Рабочий класс Урала в годы Великой Отечественной войны: партийное руководство решением проблемы кадров. Иркутск, 1987; и др.
2. Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1975. С. 22; Якунцов И.А. Урал в годы Великой Отечественной войны. (1941 – 1945 гг.) Пермь, 1997. С. 124.
3. История танкостроения на УТЗ №183. Т. 2. Кн. 2. С. 21 // Музей УВЗ. ФПИ.
4. ЦДООСО. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 68. Л. 45-49.
5. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 211; Павленко Г.К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала – фронту. 1941 – 1945. Челябинск, 2004. С. 17-18.
6. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 24. Л. 475.
7. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 26. Л. 1215.
8. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 35. Л. 230.
9. Павленко Г.К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала – фронту. 1941 – 1945. Челябинск, 2004. С. 19, 21.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 297. Л. 201.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 417. Л. 152.
12. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 38. Л. 1515-1516.
13. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 61. Л. 297.

Мельникова Н.В.
(Екатеринбург)

Образование в структуре потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов Урала (1950 – 1960-е гг.)

Во второй половине 1940-х гг. на Урале началось возведение первых в стране атомных комбинатов, специализировавшихся на производстве ядерного оружия и его комплектующих. Одновременно с промышленными предприятиями шло строительство закрытых городов с уникальной социально-бытовой инфраструктурой и своеобразной психологической атмосферой.

В целом, на Урале разместилось пять из десяти ныне существующих закрытых административно-территориальных образований Росатома. Это Новоуральск (Свердловск-44), Лесной (Свердловск-45), Озерск (Челябинск-65), Снежинск (Челябинск-70) и Трехгорный (Златоуст-36).

Одной из особенностей структуры потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов в 1950-е – 1960-е гг. являлось стремление к получению знаний. “Рвение нашей молодежи к повышению своего общеобразовательного уровня велико, – говорилось на одной из городских партийных конференций г. Лесного. – Не всем желающим удается поступить в учебные заведения, так как не хватает мест из-за большого конкурса” (1).

Стремление к получению образования вызвано несколькими причинами. Во-первых, поколение, формировавшее население ЗАТО в исследуемый период, не смогло должным образом получить образование в связи с условиями, вызванными Второй мировой войной. Во-вторых, новизна решаемых задач заставляла пополнять и расширять знания. “Все было новое и неизвестное. Приходилось обучаться и тут же работать,”- вспоминают ветераны комбината ЭХП (2). Организация общественного труда с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных работников становилась все менее пригодной в период перехода к научно-индустриальной стадии модернизации. В-третьих, учиться и быть студентом являлось престижным. В-четвертых, в декабре 1956 г. был принят Закон о перестройке системы народного образования, по которому было введено всеобщее восьмилетнее образование. В связи с этим в закрытых городах была широко развернута кампания по получению восьмилетнего образования всеми рабочими моложе 30 лет.

Именно в силу вышеуказанных причин более 43 % от общего числа респондентов ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного предпочитали отдавать свободное время получению образования, повышению квалификации или расширению кругозора.

Городские власти с повышенным вниманием относились к данному вопросу. Подготовка собственных высококвалифицированных кадров была крайне важной для молодой атомной отрасли. Об этом свидетельствует и тот

факт, что на народное образование отводилась одна из самых крупных статей городского бюджета. Так, с 1955 по 1965 гг. в г. Новоуральске на народное образование ежегодно расходовалось в среднем 56% расходной статьи бюджета, в г. Лесном – 54%, в г. Озерске – 51% (3).

Большее внимание в системе образования закрытых городов уделялось естественнонаучным предметам, выполнению практических и лабораторных работ по соответствующим тематикам.

85% учащихся, занимавшихся в различных формах обучения, составляли работники завода (4). Наиболее распространенной была общеобразовательная учеба в школах рабочей молодежи: ежегодно там обучалось до 1500 человек, выпускалось 160-180 человек (5). Таким образом, ученики ШРМ составляли от 31 до 42 % от общего количества учащихся (6).

Если в середине 1950-х гг. школ рабочей молодежи не хватало, они не могли вместить всех желающих (учащиеся сидели за партой по четыре человека, иногда боком к доске), то через 10 лет отмечалось, что “ШРМ у нас более, чем достаточно” (7).

В результате обучения в ШРМ сокращалось количество рабочих в возрасте до 35 лет, не имевших восьмилетнего образования. Например, в г. Новоуральске в 1960-е гг. количество таких рабочих ежегодно сокращалось на 14 % (8). Более того, большинство получивших восьмилетнее образование продолжало учебу, оканчивая 9-10 классы и техникумы. Так, в г. Трехгорный во второй половине 1960-х гг. эта группа учащихся составляла 78 % (9).

Достаточно распространены были курсы сети технического образования, в том числе и курсы по повышению квалификации. В г. Новоуральске, например, проходившие учебу по повышению квалификации ежегодно составляли примерно 34 % от общего числа учащихся (в том числе 28 % рабочих и 6 % ИТР) (10).

Немного меньшее количество людей обучалось в техникумах и институтах закрытых городов: от 22 до 27 % от общего числа обучающихся (11). Собственные институты в закрытых городах появились в начале 1950-х гг. Они были созданы на базе Московского инженерно-физического института и являлись его отделениями. Во второй половине 1950-х гг. шло активное строительство учебных корпусов вузов, с разнообразными аудиториями и лабораторной базой, формировалась кафедральная структура учебных заведений и профессорско-преподавательский состав. Отличительной особенностью отделений МИФИ был высокий процент преподавателей-почасовиков (12). Это объясняется большим количеством читаемых дисциплин, необходимостью привлечь специалистов производства (а не профессиональных преподавателей): в условиях опытно-экспериментального характера предприятий, неотработанных технологических процессов знания и опыт практиков были чрезвычайно важны для будущих работников атомных комбинатов.

Обучение, как правило, проходило без отрыва от производства, и чем выше был его уровень, тем больше была нагрузка. Предъявлялись дос-

таточно высокие требования к качеству знаний. Например, успеваемость студентов МИФИ г. Лесного в 84-89 % считалась низкой (13).

Получающие среднее специальное и высшее образование были более настойчивы в достижении конечной цели. Так, если отсеивание в школах рабочей молодежи в конце 1950-х – 1960-е гг. составлял в среднем 37 %, то в институтах и техникумах – только 10 % (14). “Что мешает рабочим идти в школу? - задавался вопросом один из партийных руководителей г. Новоуральска, – Начальники цехов не идут на встречу работающим учащимся. По этой причине многие бросают школу, не выдерживают нагрузки” (15). В целом, основные причины прекращения учебы следующие: невозможность совмещать ее с работой, повышенная трудность предметов, значительное отставание в освоении учебного материала в результате болезни, семейные обстоятельства (эта причина касалась главным образом женщин, вышедших замуж). По неуважительным причинам (например, нежелание) оставляли учебу до 30-40 % учащихся ШРМ и только 2 % студентов техникумов и институтов (16).

В целом уровень образования в закрытых городах был достаточно высок, что позволяло готовить собственных высококвалифицированных научных специалистов. Так, за 15 лет существования аспирантуры в г. Новоуральске в конце 1960-х гг. было подготовлено 77 кандидатов и 9 докторов наук, что составляет 2 % от всего взрослого населения, занимавшегося различными формами обучения с конца 1940-х гг. (17). Такой же процент обучающихся в аспирантуре был в г. Снежинске (18).

Занимаясь самообразованием, население закрытых городов активно посещало различные лектории: научно-технических, естественнонаучных, медицинских знаний и т.п. Количество лекций могло колебаться от 10 до 70 в месяц, а количество слушателей – от 600 до 800 человек (19). “Лекции посещает сознательная часть населения, а кого больше интересует “шумел камыш” не посещают их и остаются вне поля зрения общественных организаций,” – сетовал докладчик на городской партийной конференции г. Новоуральска (20).

Темы лекций были разнообразны: “О сохранности социалистической собственности”, “О пережитках капитализма в сознании людей”, “О трудовом законодательстве”, “Применение атомной энергии в народном хозяйстве”, “Приоритет нашей Родины в важнейших научно-технических открытиях” и пр. (21). Кроме образовательной функции, многие лекции были подчинены идеолого-воспитательным целям: напоминали жителям закрытых городов о сложности международной обстановки, о важности выполняемой ими работы. Например, в г. Озерске в 1965 г. лекции о международном положении и на военно-политические темы составляли 59 %, а лекции о науке, технике, литературе и искусстве – только 9 % (22). При этом сами жители отмечали, что в условиях закрытости города подобные лекции были необходимы и воспринимались с большим интересом (23).

В указанный период были распространены различные формы политучебы, которые стоят несколько особняком от вышеперечисленных, по-

сколькx в подавляющем большинстве случаев носили обязательный характер. Слушатели системы партийного просвещения воспринимали ее функционально, руководствуясь мотивами продвижения по служебной лестнице, гарантии определенного социального статуса, боязни утраты социальной защищенности, рабочего места.

Большинство слушателей (как коммунистов, так и комсомольцев) посещало кружки по изучению истории КПСС основного типа первого года обучения и политшколы. Наиболее распространены были следующие темы лекций: “Устав КПСС – основной закон партийной жизни”, “О коммунистической морали и нравственности”, “КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества”, “О советском патриотизме”, “Великое содружество Ленина и Сталина”, “Критика и самокритика – закон развития социалистического общества” и т.п. Кадрx пропагандистов были достаточно опытны и подготовлены: в среднем около половины имели высшее образование, у 62% стаж пропагандистской работы превышал 3 года, по характеру работы большинство (68%) являлось служащими и партийными или советскими работниками (24).

Средняя посещаемость занятий составляла 75-80% от общего числа обучающихся. При этом, комсомольцы были менее дисциплинированы, чем члены КПСС: их посещаемость доходила до 50% и менее. Особенно резко снижалось количество слушателей-комсомольцев с наступлением весеннего периода (25).

Как указывалось в справках об итогах учебы в сети партийного просвещения, ряд обучающихся формально посещали кружки, не работали над изучением материала, не готовились к семинарам, не принимали участия в обсуждениях и беседах, в результате чего “слабо разбирались в вопросах теории”. Вот, например, выдержка одного из протоколов итогового собеседования со слушателем кружка по истории КПСС:

“Вопрос: Какие постановления принял ЦК партии по идеологическим вопросам после войны?

Ответ: Постановление о трехлетнем плане развития животноводства. Вопрос: Сколько в СССР собрано хлеба в 1950-м г.?

Ответ: Хватит, голодать не будем.

Вопрос: Что такое космополитизм?

Ответ: Это нехорошая штука.

Вопрос: Что требует партия от работников литературы и искусства?

Ответ: Конечно, хорошего требует” (26).

В целом, как показывали итоговые беседы по темам курсов и обсуждения рефератов, несмотря на определенное количество недисциплинированных и неуспевающих учащихся, основная масса слушателей (от 49% до 92%) усваивала материал (27).

Среди обучающихся в сети партийного просвещения в 1950-е гг. наиболее малочисленную группу составляли те, кто занимался самостоя-

тельным изучением теории марксизма-ленинизма. Как правило, данную форму получения политического образования выбирали руководящие работники, начальники цехов и отделов градообразующих предприятий. Как показывали проверки экономической и политической грамотности руководящего состава, около 50% коммунистов, избравших самостоятельную форму учебы, “использовали ее как ширму для прикрытия бездеятельности в деле повышения идейно-теоретического уровня”, не имели индивидуальных планов, не изучали рекомендуемую литературу (28). Наиболее типичным объяснением недостаточно ответственного подхода к политическому самообразованию были ответы “некогда”, “очень загружен работой”, “не имею возможности”.

Социологическое исследование, проводимое в конце 1960-х гг. среди 1000 коммунистов, занимающихся в сети партийного просвещения Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск), показало, что только 27% посещают занятия с желанием; 47% ответили, что обучаются без желаяния, из них 25% – только потому что обязывают. Среди причин незаинтересованности в занятиях наиболее часто назывались сухость, вялость, невыразительность лекций, отсутствие “живого” обсуждения проблем. 50% опрошенных считало, что проводимые занятия слабо связаны с жизнью, важнейшие текущие вопросы рассматриваются неглубоко и недостаточно (29). Аналогичные результаты дало подобное исследование в г. Озерске (30).

Несмотря на некое отторжение политического просвещения можно сказать, что в целом тяготение к приобретению знаний в рассматриваемый период было социальной нормой, стереотипом поведения для всего населения ЗАТО, характерной особенностью являлось значительное преобладание среди обучающихся работников градообразующих предприятий (что было вызвано производственной необходимостью).

1. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 115. Л. 50.
2. Митюков В.А. Удивительные люди уникального завода. Лесной, 1998. С. 67.
3. Подсчитано по: Государственный архив (далее ГА) г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 48, 53, Д. 29. Л. 58, 60, Д. 43. Л. 53, Д. 46. Л. 90, О. 28. Д. 292. Л. 296, О. 48. Д. 588. Л. 109, О. 73. Д. 1200. Л. 212; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 73, Д. 77. Л. 31, 120, 171, 274, 277; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, Д. 32. Л. 77, Д. 33. Л. 110, Д. 66. Л. 49, Д. 84. Л. 63, Д. 101. Л. 35, Д. 119. Л. 27, Д. 138. Л. 9, 17, 18, Д. 143. Л. 94.
4. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 42.
5. Там же. Оп. 1. Д. 115. Л. 47, Д. 150. Л. 75, Оп. 6. Д. 1. Л. 20, Оп. 8. Д. 31. Л. 23; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, Д. 57. Л. 37, Оп. 4. Д. 2. Л. 55, Оп. 7. Д. 1. Л. 83, Оп. 10. Д. 42. Л. 15, Оп. 17. Д. 13. Л. 189; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.
6. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
7. ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 52; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 127.
8. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.

9. Ананьин М.А. Записки деда. Златоуст-36, 1993. С. 90.
10. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
11. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 107.
12. Рясков С.А. Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 17.
13. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 38.
14. Там же. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 56, Оп. 10. Д. 42. Л. 27.
15. Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
16. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 623. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 47; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 201.
17. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190.
18. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 25-26.
19. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 118; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 35; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 392, 394-398, Оп. 1. Д. 687. Л. 171; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 58, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
20. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 91.
21. ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 120; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
22. ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
23. Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из воспоминаний Е.Т. Матвеевой // Созидание (дела и люди). Сборник. УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 188.
24. ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 633. Л. 11, Оп. 2. Д. 2. Л. 11, 52; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 46, 118, 200; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.
25. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 94, Д. 72. Л. 4, Д. 90. Л. 21.
26. Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 54, 55.
27. Там же. Д. 72. Л. 2, 5; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.
28. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 38, 39; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 50-54.
29. Там же. С. 23.
30. Там же. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 100-104, 144.

Мирошкин М.А.
(Екатеринбург)

Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов

Среди всей совокупности массовых источников по социально-экономической истории колхозного крестьянства 1930-х годов выделяются «Похозяйственные книги сельсоветов».

Впервые как основной документ первичной учетной документации граждан они были введены в 1934 г. с целью упорядочения хозяйственной

отчетности сельсоветов и сокращения ее масштабов постановлениями ЦИК и СНК СССР (1).

Уникальность данного источника заключается в том, что он лишен субъективных оценок, комментариев, содержит только количественные данные и позволяет исследователю изучить период объективно.

Особую актуальность представляет учет социально-демографических процессов. В сельской местности в отличие от города, где существовала налаженная инфраструктура, данную информацию получить достаточно трудно, особенно это касается тех случаев, когда берутся данные за межпереписной период и необходимо отследить динамику социально-демографической структуры сельского населения. В этом случае данные похозяйственных книг становятся уникальным источником информации.

Среди прочих видов исторических источников похозяйственные книги отличаются наличием большей доли достоверности, так как на их основе государственные органы исполнительной власти составляли отчетность и вели финансово-хозяйственную деятельность. Персональная ответственность за сохранность и правильную и своевременную запись в книгах была возложена на секретарей сельсоветов, которые обязаны были окончить двухнедельные курсы и выдержать испытание перед районной квалификационной комиссией на знание этой работы. Райинспекторы народнохозяйственного учета должны были осуществлять контроль за ведением похозяйственных книг на местах (2). Записи в похозяйственные книги производились специальными сельсоветскими бригадами путем сплошного обхода дворов, опроса владельцев и пересчета или измерения в натуре и проверялись при помощи контрольных обходов (3).

По данным похозяйственных книг возможно отследить процессы, связанные с социальной мобильностью крестьян, изучить демографическую ситуацию на деревне, выявить наличие скота, построек, земельных участков, посевов и насаждений хозяйства, размеры сельскохозяйственного налога и страховых платежей. Для этого рассмотрим структуру данного источника более подробно. Одним из пунктов являются: «Список членов домохозяйства» (пункт № 6) и «Дополнительные сведения о выбывших и прибывших» (пункт № 7) (4). Здесь отражены подробные данные о каждом члене семьи: месяц и год рождения, наличие инвалидности, являлся ли человек красноармейцем, грамотность, специальность, занятие и место работы. С 1938 г. произошли изменения, так графа «Грамотность» в пункте № 6 была переименована и получила название «Отметка о грамотности и учебе» (5). Связано это было с борьбой государства с безграмотностью, проводившейся ускоренной индустриализацией и соответственно распространением сельхозтехники в деревне. Все это требовало квалифицированных кадров, поэтому государству требовалось знать более точные данные об образованности своих граждан и прежние показатели: грамотный, малограмотный и безграмотный власть больше не устраивали. Теперь необходимо было указывать: какую школу

окончил или где учился, сколько классов образование, если человек продолжал учебу, то в дальнейшем заполнялась отдельная графа («Последующие изменения»). При этом обращает на себя внимание следующий факт, в зависимости от степени образованности человек занимал в деревне и соответствующее социальное положение. Как правило, это были руководящие посты или работа связанная с делопроизводством.

Четко прослеживаются демографические показатели, их динамика на протяжении лет. Это прежде всего данные о половозрастном составе семьи, рождения и смерти, по какой причине тот или иной человек выбыл из деревни. Чаще всего причина убытия указывалась – армия, которая легально позволяла вырваться из деревни (введение в 1933 г. паспортной системы) и уехать на поиски лучшей жизни, смерть или переезд в другую деревню (например, после свадьбы, как правило, женщина переезжала жить к своему мужу).

Можно отследить еще одну особенность: если в начале 1930-х годов мы можем наблюдать «Отметку о прошлом хозяйства» - бедняк, середняк, зажиточный, то в дальнейшем данная графа вообще исчезает (6). Связано это было, прежде всего, с тем, что к середине 1930-х гг. коллективизация была в основном завершена (к концу 1932 г. в Уральской области имелось 8,9 тыс. колхозов, которые объединяли 67,8 % крестьянских хозяйств, а в 1937 г. в колхозах состояло 93,6 % крестьянских хозяйств).

Таким образом, на протяжении 1930-х годов периодичность составления похозяйственных книг, нормы фиксации показателей для разных групп населения, а также требования к заполнению структурных подразделений формуляра претерпевали изменения. С конца 1930-х гг. сведения, характеризующие размеры налоговых и натуральных платежей, практически перестают встречаться. С конца 1930-х гг. похозяйственные книги стали заполнять в 2-3 года и одновременно фиксировали семьи колхозников, рабочих и служащих (7).

В период 1934-1939 гг. формуляр похозяйственных книг фиксировал различный объем показателей для разных групп сельского населения. Колхозники и единоличники заполняли формуляры одинаково, тогда как рабочие и служащие, которые не платили сельхозналог и не облагались натурпоставками, заносили сведения: состав семьи, занятость ее членов, иногда указывали размеры приусадебных участков и виды скота (8).

Однако, в 1939 г. налоговая политика претерпевает изменения. Она заключалась в замене твердых ставок налога прогрессивными ставками, построенными в зависимости от размеров всех доходов колхозников от не-обобщественного подсобного хозяйства, включая доходы от специальных отраслей сельского хозяйства, кустарно-ремесленных промыслов и другие неземледельческие доходы. Доходы, получаемые колхозниками по трудодням, освобождались от обложения.

Облагаемый доход определялся исходя из утвержденных норм доходности по отдельным культурам и видам скота, исчисленным по ценам, сложившимся на колхозном рынке в 1937-38 гг. (9).

Новый закон о сельскохозяйственном налоге, принятый в 1939 г., установил особый порядок обложения рабочих и служащих, проживающих в сельской местности и имеющих доходы от сельского хозяйства. Эти хозяйства облагались наравне с хозяйствами колхозников при условии, если по найму работает не только глава семьи, но и все другие трудоспособные его члены (кроме домашней хозяйки) и если количество скота в хозяйстве не превышает норм, установленных Уставом сельскохозяйственных артели для колхозников. При нарушении этих условий рабочие или служащие по их доходам от сельского хозяйства облагались на одинаковых основаниях с единоличными крестьянскими хозяйствами.

Таким образом, вся система налогов была построена так, чтобы стимулировать подсобное хозяйство к полному переходу на внутренний потребительский уровень и вступление в колхоз единоличных крестьянских хозяйств и членов семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности (10).

Документальные фонды сельсоветов 1930-х гг. лучше сохранились в Ирбитском и Красноуфимском государственных архивах Свердловской области. Похозяйственные книги сельсоветов находятся на хранении в областных, районных и городских государственных архивах и их филиалах. Так, в Ирбитском государственном архиве похозяйственные книги Ирбитского района за 1930-е гг. отложились в фондах 15 сельских и поселковых советов общим объемом 151 единица хранения.

В Красноуфимском государственном архиве похозяйственные книги за 1930-е гг. сохранились в фонде Ачитского сельского совета (11) объемом 66 единиц хранения.

Ирбитский район			
Фонд, описание	Сельсовет	Год	Кол-во сохр-ся дел
Ф.140. Оп.2.	Горкинский	1934	4
		1935	3
		1936	2
		1937	6
		1938	1
		1938-39	8
		1939	2
Ф.276. Оп.1.	Гунинский	1934	2
		1935	2
		1936	3
		1937	6
Ф.649. Оп.1.	Иванищевский	1938-39	1

Ф.802. Оп.2.	Килачевский	1937 1938-39	4 1
Ф.249. Оп.1.	Кириловский	1935 1936 1937 1938-39 1939	2 3 5 3 1
Ф.797. Оп.1.	М-Аникинский	1935 1936 1937 193-39	1 2 2 5
Ф.239. Оп.1.	Ницинский	1935 1938-39	1 1
Ф.279. Оп.1.	Пиневский	1935 1936 1937	1 2 1
Ф.426. Оп.1.	Пьянковский	1934 1936	1 1
Ф.277. Оп.1.	Речкаловский	1934 1935 1936 1937 1938-39	10 6 1 1 1
Ф.262. Оп.1.	Рудновский	1935 1936 1937 1938-39	2 5 5 5
Ф.260. Оп.1.	Симановский	1934 1935 1937 1938	3 3 1 6
Ф.800. Оп.1.	Стриганский	1934 1935 1936 1937 1939	1 1 1 1 1
Ф.242. Оп.1.	Устиновский	1934 1935 1936 1937 1938-39	2 5 6 2 4
Ф.241. Оп.2.	Шмаковский	1934	1

Красноуфимский			
Ф.243. Оп.2.	Ачитский	1934	9
		1935	19
		1936	4
		1937	13
		1938	10
		1938-39	10
		1939	1

Анализ состояния архивной сохранности источника в Свердловской области на примере Ирбитского и Красноуфимского государственных архивов выявил следующее: единообразия требований к хранению похозяйственных книг в 30-е годы не было выработано, в связи с чем количественно данный источник распределен неравномерно. Так, в Ирбитском архиве, несмотря на многообразие данных, имеют место пробелы при рассмотрении сведений конкретных сельсоветов, часть из которых сохранили только частичные данные по периоду 30-х годов.

В Красноуфимском же архиве обратная ситуация: источник сохранился за каждый год, но эти данные имеются только по Ачитскому району (12).

Похозяйственные книги в дополнении с другими документами позволяют исследовать социально-экономические процессы развития уральской деревни 1930-х годов.

1. Скворцова Е.М. Похозяйственные книги сельсоветов 30-х годов XX в. // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 123.
2. Там же.
3. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. / Под. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 223.
4. Государственный архив в г. Ирбите. Ф. 277. Оп. 1. Д. 19.
5. Там же. Д. 47.
6. Там же. Д. 31, 38.
7. Скворцова Е.М. С. 124.
8. Там же.
9. Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964. С. 187.
10. Там же. С. 188.
11. Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. 243. Оп. 2.
12. Там же.

**Мосунова Т.Г.
(Екатеринбург)**

Осуществление семилетнего всеобуча среди этнических меньшинств Урала

Содержание национальной политики в области образования в 1920 – 1930-е годы характеризовалось тремя главными моментами: последовательной организацией обучения на родном языке; выравниванием уровня образования всех народов (при этом уделялось больше внимания народам, отстающим по объективным причинам); усиленной подготовкой педагогических кадров.

Одновременно с введением начального всеобуча в стране проводился курс на всемерное развитие повышенного образования. Этого требовал новый этап модернизационного процесса. Следуя директивам партии и правительства, Уральский областной исполнительный комитет Советов с 1 октября 1930 г. ввел всеобщее обязательное 7-летнее обучение в 78 пунктах (городах, фабрично-заводских и рабочих поселках), в том числе для детей нерусских рабочих, проживавших в этих пунктах, через организацию специальных фабрично-заводских семилеток (ФЗС) в Свердловске, Златоусте, Кизеле, Кыштыме, Надеждинске и через организацию специальных групп при русских ФЗС. В декабре 1931 г. 7-летний всеобуч стал вводиться уже в 114 городах и рабочих поселках и в 7 районах сплошной коллективизации, среди которых был Ялано-Катайский национальный район (1).

В сельской местности основной формой повышенного образования являлись школы крестьянской молодежи (ШКМ). Им была придана профессиональная ориентация, они должны были дать аграрную подготовку деревенской молодежи в связи с начавшейся коллективизационной ломкой сельского уклада. План развертывания сети национальных ШКМ и увеличения учащихся в них предусматривал перспективы экономического развития районов и бытовые условия национальных меньшинств. Помимо создания новых национальных ШКМ создавались национальные группы и отделения при общих школах. Такие группы и отделения создавались прежде всего для небольших по численности народов (зыряне, чуваша, украинцы, мордва и др.), а также для тех народов, у которых соотношение между начальными и повышенными школами составляло 1:60 (для сравнения: среднеобластное соотношение составляло 1: 7,3) (2).

С 1 октября 1932 г. облисполком распорядился ввести во всех национальных районах Уральской области, кроме двух северных округов, обязательное обучение в 7-летней школе тех, кто окончил в этом году начальную школу. Зачисление осуществлялось без вступительных экзаменов. К этому моменту в национальных школах повышенного типа обучалось 16 тысяч человек.

Однако поставленная задача к концу первой пятилетки выполнена не была. Лишь в Ялано-Катайском и Манчажском районах были достигнуты высокие показатели: в 1933 г. охват ШКМ подростков марийской национальности равнялся 97%, татарской – 82,4% (для сравнения: русской национальности – 93%) (3). Положительным фактором за годы первой пятилетки соотношение между начальными и повышенными школами значительно сократилось, что создавало благоприятные условия для введения 7-летнего всеобщего образования в годы второй пятилетки.

Основная работа по охвату детей 7-летней школой проводилась в годы второй и третьей пятилеток. В Постановлении СНК РСФСР от 13 марта 1934 г. «О подготовке к введению семилетнего всеобщего обязательного политехнического обучения» Госплану РСФСР поручалось совместно с Наркомпросом и Наркомфином РСФСР разработать план введения 7-летнего всеобщего образования по отдельным АССР, краям и областям с тем, чтобы в 1935/36 учебном году в пятые классы были приняты все дети, окончивавшие начальную школу в городах и рабочих поселках, а к 1937/38 учебному году – все дети, окончивавшие начальные классы сельских школ (4).

Благодаря росту бюджетных ассигнований, помощи школьному делу со стороны хозяйственных, общественных организаций и населения за годы второй пятилетки материальная база национальных школ значительно укрепилась, улучшились условия жизни и учебы школьников. Выросло количество ученических стипендий. По данным Свердловского облисполкома в 1934 г. не было ни одной национальной школы повышенного типа, которая не имела бы своего посева (5). На Урале имел место систематический рост сети татарских и башкирских неполных средних школ (НСШ - так стали именоваться 7-летние школы). Например, в Челябинской области в 1934/35 учебном году их было 23, а в 1937/37 – 33 и одна средняя (6). Росла сеть НСШ и для других народов. В 1936/37 учебных годах татарские и башкирские неполные средние школы в селах имели интернаты. Правда, они не могли еще поместить всех нуждающихся в жилье (7).

Всеобщее 7-летнее политехническое образование к концу второй пятилетки стало обязательным в городах и более доступным на селе. Охват подростков равнялся 75% по области, а в 1936/37 учебном году передовые национальные районы имели охват: Ялано-Катайский - 94%, Куединский – 98%, Кунашакский - 90%. В перечисленных районах охват соответствовал среднеобластным показателям и заданиям пятилетнего плана: довести охват детей 12-14 лет 7-летней школой до 90-92%. Однако степень доступности образования была неодинаковой в различных национальных районах. Наряду с отмеченными передовыми районами существовали такие, где охват 7-летней школой оставался на уровне 82% (Аргаяшский район) (8).

В целом к концу пятилетки плановые задания по охвату нерусской молодежи повышенным образованием были не выполнены. Следовательно, при значительном сокращении так называемых «культурных ножниц» меж-

ду нерусским и русским населением, ликвидировать полностью отставание национального всеобуча от общеобластных показателей не удалось. Следует отметить, что национальные школы в большинстве своем - школы сельские, поэтому правомерно при объяснении их отставания иметь в виду объективные трудности социально-экономического, культурного и бытового развития советской деревни.

1. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 170, 163.
2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1074. Л. 64.
3. ЦДООСО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 96. Л. 32.
4. Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917-1973 гг. М., 1974. С. 115.
5. Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского облисполкома съезду Советов Свердловской области. Свердловск, 1934. С. 141.
6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 207. Л. 9.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 98. Л. 134; Оп. 2. Д. 207. Л. 9.
8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 20. Л. 271; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 609. Л. 3.

Мошкин В.В.
(Нижевартговск)

Крестьянская ссылка на Север Западной Сибири в современных публикациях

Переосмысление исторического прошлого, вызывает сегодня повышенный интерес историков к исследованию закрытых в недавнем прошлом тем. Не осталась без внимания исследователей история ссылки крестьян на Обской Север. Можно утверждать, что именно ссылка десятков тысяч раскулаченных крестьян помогла тоталитарной власти заложить основы для реализации задач форсированной модернизации Севера.

Проблема по-прежнему относится к числу недостаточно раскрытых, хотя в постсоветский период ряд местных краеведов и ученых обратились к истории ссылки начала 1930-х гг. Среди первых краеведческих изданий тех лет - работа *Л. П. Кондрашовой*, опубликованная в 1994 г. в научном популярном журнале «Югра» (1). В ней автор на основе документов, извлеченных из архивов Ханты-Мансийска и Тюмени, рассмотрела положение спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе.

Деятельность государственных органов по отношению к спецпереселенцам в 1930-х-начале 1940-х гг., а также значительность вклада этой специфической категории населения в освоении районов Западной Сибири, отражена в публикации «Спецпереселенцы на Обском Севере» (2), составленной на основе документов из рассекреченного фонда «Омский (Обский) государственный рыбопромышленный трест», находящихся на хранении в Государственном архиве Тюменской области.

Во второй половине 1990-х гг. изучением спецпереселенцев занялась исследовательница из г. Тобольска - *Н. Загороднюк*, затронувшая вопросы трудового вклада спецпереселенцев и обучения их детей. Рассмотрев начало обучения, вскрыв проблемы и трудности, исследовательница сделала вывод об увеличении числа школ в Ханты - Мансийском автономном округе к середине 1930-х гг. благодаря охвату обучением детей ссыльных крестьян (3).

Однако вплоть до начала нового тысячелетия исследователям не удалось создать комплексных трудов по проблеме ссылки в Северо-Западную Сибирь. Определенный успех в изучении темы был осуществлен в последующие годы, когда исследовательница из г. Нижневартовска – Л.В. Алексеева, собрав большую группу источников по проблеме ссылки крестьян на Север Уральской области, ввела в научный оборот новые фактические данные в виде статей, документальных публикаций и трех монографий, в каждой из которых есть раздел, посвященный спецпереселенцам.

Так, например, в одной из монографий (4) ею выделен специальный раздел «Политические ссыльные, репрессированные и спецпереселенцы», где автор не только характеризует историю политической ссылки на север Западной Сибири с начала XX века, но и выявляет этапы крестьянской ссылки и, что очень важно количество ссыльных. Подробно описаны условия транспортировки и размещения крестьян и членов их семей. Л.В. Алексеева привела многочисленные свидетельства людей, переживших весь кошмар и ужас ссылки, редко отражавшихся в официальных документах той поры.

Тяжелой жизни ссыльных крестьян в 1930-е годы и влиянию спецпереселенцев на экономическое развитие Севера посвящена одна из глав другой монографии (5) Л.В. Алексеевой, также выполненной на широкой источниковой базе. Автор пришла к выводу о решающей роли крестьянской ссылки в освоении края и его модернизации 1930-х гг.

В третьей монографии (6) Л.В. Алексеева уделила внимание проблемам, связанных с обучением детей ссыльных крестьян, политическим перевоспитанием молодежи, культурными и политико-воспитательными мероприятиями среди спецпереселенцев. Ею сделан любопытный вывод относительно комплектования средних специальных учебных заведений в северных национальных округах. Планы наборов стали осуществляться тогда, когда с середины 1930-х гг. разрешили принимать на учебу детей спецпереселенцев.

Нельзя не упомянуть о книгах курганского экономиста А.А. Базарова (7), издавший на протяжении последних пятнадцати лет три работы, в которых нашла отражение в числе других событий и трагедия великого перелома. А.А. Базаров показал механизм работы органов и властей по раскручиванию крестьянской ссылки, описал, как происходило выселение, остановил на транспортировке крестьян Уральской области на Обской Север, показал положение детей в ссылке, их лишения, а также бегство ссыльных с Севера и ряд других не менее трагических фактов.

Однако, несмотря на появление различных жанров в отечественной исторической литературе, проблема крестьянской ссылки на Север Западной Сибири остается по ряду вопросов не выясненной. Наиболее сложный здесь – демографический аспект. Следовательно, необходимость продолжения и углубления исследований в данном направлении очевидны.

1. Кондрашова Л.П. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. // Югра. 1994 № 2.
2. Спецпереселенцы на Обском Севере // Архивы Урала. 1996. № 2 (4).
3. Загороднюк Н. И. Школы для спецпереселенцев (30-50-е гг.) // Исторический опыт народного образования Тюменского края. Тюмень, 1992; Она же. Культурная жизнь спецпереселенцев // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. Тобольск, 1998. С.59-62; Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: социознический аспект // Русские старожилы. Тобольск-Омск, 2000. С. 241.
4. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 264.
5. Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917-1941 гг.: трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 385.
6. Алексеева Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург, 2003. С. 252.
7. Базаров А.А. Кулак и агроулаг. Курган, 1991; Он же. Дурелом или Господа колхозники. М., 1997; Он же. Хроника колхозного рабства. М., 2004.

**Огоновская И.С.
(Екатеринбург)**

**Педагогический потенциал книжной серии
«Урал: история в ликах городов»**

Обращение к истории и культуре народов мира, российского народа – один из путей включения подрастающего поколения в контекст всеобщей и отечественной истории, приобщения его к образцам мировой, отечественной, региональной культуры, формирования активной позиции создателя и творца культурно-исторических ценностей. Проникновение в мир прошлого, взаимосвязь поколений помогает молодым составлять свои представления о мире, определяет их мироощущение и мировоззрение, оказывает решительное воздействие на их социальное взросление. Без преемственности с предыдущим поколением человек не сможет выступить в роли активного социального субъекта. «История выносит Человека из малых и тесных пределов собственного существования. Ты перестаешь быть случайным гостем мироздания, а становишься – звеном великой цепи. Пробуждается осознание собственной ценности, а с ним ответственность за окружающее, за доверенное тебе время» (Юрий Нагибин).

Обращение к истории и культуре мира, России, уральского края социально и ценностно значимо, ибо:

- способствует социализация личности и социальной адаптация учащегося к социокультурным условиям среды, приобщает человека к культуре, в процессе чего социальное содержание становится индивидуальным, происходит становление человека как субъекта жизнедеятельности и культуротворчества;

- решает воспитательные задачи, расширяет информационное пространство учащихся;

- приобщает учащихся к комплексной интеллектуальной, эмоциональной и познавательной деятельности (работа с вещественными и письменными источниками, картами, научной литературой, участие в археологических, археографических, этнографических экспедициях, посещение музеев, подготовка сообщений, рефератов, участие в научных конференциях и др.);

- приобщает учащихся к общечеловеческим духовно-нравственным ценностям, к национальной культуре, что предполагает уважение к предкам, культурным ценностям, каждому человеку в отдельности и целым народам;

- позволяет каждому молодому человеку осознать личную ответственность за судьбу своей семьи, города, края, страны на основе понимания значимости общественно-полезной преобразующей деятельности.

В условиях переходного периода, когда размыты многие нравственные идеалы, когда призывы к гражданственности и патриотизму не воспринимаются молодыми людьми, когда отношение к истории собственного народа, мягко говоря, равнодушное, огромную роль должно играть обращение к истории и культуре региона, в котором живет молодой человек, так это:

- позволяет ему понять историю России через судьбы родных и близких людей, прожить и прочувствовать эту историю, совершенно по-другому взглянуть на своих предков, проживших непростую и беспокойную жизнь;

- дает возможность видеть перспективы региона (экономические, социально-политические, культурные, национально-этнические), с которым выпускник может (или не может) связать свою судьбу;

- дает представления об особенностях исторического развития региона и образе жизни уральцев, о трудовых традициях, праздниках, играх, духовно-нравственных святынях Урала, что становится основой для приобщения подрастающего поколения к общечеловеческим духовно-нравственным ценностям;

- помогает представить историю родного края в контексте отечественной и мировой истории, увидеть ее не только как дополнение, иллюстрацию к национальной и всеобщей истории, а как историю региона, взаимодействующего со всеми районами земного шара и имеющего много общего с другими государствами и народами.

Культура памяти становится все более явной и необходимой чертой истинного современного мироощущения. Жизнь и деяния предков, понятые во всей противоречивости и диалектической сложности, крепят веру и порождают действительный оптимизм, а не его идеологический эрзац. Память о прошлом у подрастающего поколения следует развивать «и вширь, и вглубь» (Д.С. Лихачев).

Измерителем исторической памяти является не только насыщенность ее фактами и датами. Прежде всего – это внутренняя связь человека с прошлым, с настоящим, будущим, которая появляется при изучении истории своего рода, дома, города, страны, при приобщении к вещественным богатствам музеев, знакомстве с хорошей исторической книгой. О целой серии таких книг и пойдет речь далее.

Серия книг «Урал: история в ликах городов» (Издательский дом «Сократ») выходит в рамках губернаторской программы «Возрождение уральских городов». Серия рассказывает о прошлом и настоящем уральских городов, подчеркивает своеобразие каждого из них, показывает место каждого уральского города в судьбе России. Регулярно пополняющаяся серия книг выходит благодаря усилиям многих людей, но ее идейными вдохновителями являются три человека: министр общего и профессионального образования Свердловской области В.В. Нестеров, редактор серии Е.С. Зашихин, координатор серии Ю.А. Горбунов.

Издания адресованы школьникам старших классов, педагогам, краеведам, а также всем, кто любит Урал, интересуется его историей, работает на его будущее. Из запланированных 15 книг этой серии в 2000 – 2004 гг. выпущены 9 книг. Среди них такие, как «На государственной дороге» (Пелым, Верхотурье, Туринск, Туринская Слобода) (2000), «Демидовские гнезда» (Невьянск, Верхний Тагил, Нижний Тагил), «Малахитовая провинция» (Арамил, Полевской, Сысерть, Дегтярск) (2001), «Уездные столицы» (Ирбит, Алапаевск, Камышлов, Красноуфимск), «Кто в имени твоём» (Артемковский, Карпинск, Богданович, Серов) (2002), «Наследники Икара» (Каменск-Уральский, Краснотурьинск, Североуральск, Михайловск), «Крестьянский сарафан Малахитницы» (Байкалово, Пышма, Тугулым, Белоярский, Ачит) (2003), «Медное платье Урала» (Верхняя Пышма, Ревда, Кировград, Красноуральск) (2004).

Книги поступили во все библиотеки общеобразовательных учреждений Свердловской области и могут (должны) быть активно использованы в образовательном процессе.

Что можно отнести к достоинствам этой серии?

Конечно, прежде всего, интегративное содержание всех книг, органичное переплетение в представленных сюжетах из уральской истории культурно-исторической, природно-географической, биографической, источниковой линий, позволяющих школьникам не только дополнить свои знания о географии, истории края, но и развить навыки исследовательской деятельности.

С точки зрения предметной книги включает солидный исторический материал, дополняющий школьные исторические курсы (общероссийские и региональные). Здесь представлены:

- историко-географические сведения (местонахождение городов, торговые пути на Урале, природно-климатические условия);
- описание взаимоотношений уральских народов с другими народами и регионами (с кем торговали, чем торговали);
- сведения об археологические памятники Урала (Эсский могильник близ Югорска и др.);
- биографии знаменитых людей (Ермак, В.Н. Татищев, И.И. Ползунов, М.П. Малахов, представители уральского купечества: Расторгуевы – Харитоновы, Агафуровы, Железновы; уральские предприниматели – Строгановы, Демидовы, Покровские-Козелл, Турчаниновы; политические деятели, оказавшие в различное время на Урале – Бирон, Миних и др.; ссыльные декабристы и др.);
- история повседневности (жизнь и быт различных слоев населения Урала: рабочего люда, купечества, дворянства, военных чинов, чиновников и др.);
- исторические зарисовки из времени пугачевского восстания, восстания декабристов;
- описания приездов в Екатеринбург царствующих особ (в частности Александра I), ученых и путешественников (Гмелин, Гумбольдт, Менделеев, Паллас, Пржевальский и др.);
- материалы о деятельности уральских железоделательных заводов, рудников, гранитной фабрики и т.д.

Приведенные на полях дополнительные сведения из отечественной истории позволяют читателю видеть связующие нити Урала и России на протяжении всей истории края, помогают учащимся сориентироваться в историческом материале.

Издание интересно и тем, что создает стимулы для обращения к дополнительным историческим источникам, исторической, художественной литературе. Авторы ряда очерков делают ссылки на такую литературу, кроме того, в качестве приложения к основному содержанию книг предложены достаточно редкие произведения И. Акулова, Н. Коржавина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.А. Бахтиярова, А. Егорова-Шторма и др. В совокупности с другими материалами эти приложения позволяют читателю значительно расширить рамки историко-культурного кругозора.

Городов на Урале много, но нет одинаковых. Каждый из них не похож на другой. Очерки, собранные в книги, позволяют каждому читателю увидеть «лицо» названных городов, понять и осмыслить роль каждого из них в уральской и отечественной истории как в прошлом, так и в настоящем.

Авторами большинства очерков являются уральские краеведы, что делает эти очерки и научными, и литературными, легко читающимися. Журналистский опыт большинства авторов помогает им в кратком очерке изложить самое главное, значимое в жизни того или иного поселка, города или дерев-

ни. Профессиональные историки, конечно, отмечают ряд неточностей в изложении исторического материала, но это нисколько не умаляет достоинств изданий, ибо все-таки гораздо важнее воспитательный потенциал таких изданий. Книги имеют огромное воспитательное значение, так как их содержание выводит читателя на размышления об исторической памяти человечества, экологических проблемах прошлого и настоящего, о судьбах талантливых людей в России, о конъюнктуре в искусстве и литературе. Авторы поднимают проблемы взаимоотношений художника, ученого и власти, проблеме служения Отечеству. Сквозной линией книг является мысль о значимости труда в жизни человека любого сословия. Авторы говорят и о героизме уральцев советской эпохи.

Книги хорошо иллюстрированы и достаточно точно передают колорит той или иной исторической эпохи. Приведенные в книгах картины, портреты, фотоматериалы, рисунки органично дополняют словесный ряд, позволяют создать «образ» эпохи и ее героев.

Наличие целого ряда разнообразных исторических документов (царские грамоты, выписки из церковных книг, переписи населения и т.д.) позволяют использовать книги на практических занятиях по истории, развивать у учащихся навыки исследовательской деятельности. Книги написаны легким языком, и поэтому их могут читать как взрослые, так и школьники.

На основании представленного материала возможны следующие формы работы практической деятельности:

- подготовка сообщений, докладов, исследовательских работ по выбранной тематике;
- работа с историческими документами, приведенными в текстах книг (конкретизация, углубление, иллюстрация изучаемого содержания, конспектирование, определение вида документа, времени его написания, выделение главной мысли, определение главного и второстепенного в содержании документа, определение условий его появления, составление вопросов, сочинение по тексту, спор представителей разных точек зрения, дополнение документа рисунками, выделение понятий);
- работа с иллюстративным рядом книг (а этот ряд достаточно богат: здесь можно найти портреты Ермака, Бирона, Миниха, Татищева, Демидовых и др., чертежи и фотографии городов, карты, схемы, графики и многое другое);
- работа с хронологическим материалом (в конце каждого очерка есть перечень наиболее важных дат из жизни какого-либо города, эти даты можно сравнивать по различным территориям, выявлять общие процессы, события и т.д.);
- работа с понятийным аппаратом изданий (выделение знакомых и незнакомых понятий, составление словаря, сравнение понятий, выделение главных и второстепенных);
- поиск дополнительной литературы к историческим очеркам;

- составление исторических карт (поход Ермака, Бабиновская дорога, пути в Зауралье и др.);
- составление таблиц по итогам переписей населения, данных военкоматов и др.

Кроме всего вышесказанного, знакомство учащихся с материалами книг позволяет читателю понять, осознать, осмыслить следующие проблемы:

- взаимоотношения человека и природы;
- отношение людей к труду, ценность труда, значимость труда в личной биографии каждого человека;
- взаимоотношения народов Урала, корни их мирного сожития и необходимость сохранения этих отношений в русле толерантности;
- роль Урала в общей истории России и последствия этой роли (в частности, последствия техногенного освоения Урала);
- роль отдельных людей в жизни края и понимание того, что «и один в поле воин».

Книги серии «Урал: история в ликах городов» поступили в школьные библиотеки и не должны лежать «мертвым грузом» на полках. Их развивающий, воспитательный потенциал очень высок – нужно только найти нужные формы их использования в образовательном процессе.

Прищеп А.И (Сургут)

Становление и развитие библиотечного дела в Сургуте

История библиотечного дела в Сургуте связана с деятельностью уездного исправника Г.А. Пирожникова – яркого сибирского общественного деятеля, способствовавшего развитию образования, науки, культуры и здравоохранения в Среднем Приобье. В январе 1905 г. при уездном попечительстве была открыта чайная, а при ней библиотека-читальня – первая публичная библиотека Сургута. По подсчетам Г.А. Пирожникова за 8 лет «чтения, проводимые библиотекой при чайной-столовой, посетило 14,5 тысяч человек, в том числе инородцев 4 366 человек» (1).

С 1913 г. библиотека стала действовать при открывшемся в Сургуте Народном доме. В ней насчитывалось тогда 930 книг. Традиции библиотечного дела, заложенные Г.А. Пирожниковым не были утрачены в годы «культурной революции». В 1920-е гг. в Сургуте продолжала действовать основанная еще им районная публичная библиотека, а также возникшая новая партийная библиотека. Они функционировали на кануне и в годы войны. До нас дошли теплые воспоминания старожила города Ф. Щепеткина о районной библиотеке тех лет, «хозяйкой которой была Е.Т. Самарина». «Зимними вечерами Сургут погружался во мрак... Свет можно было видеть только в зданиях райисполкома, в школе, на почте, в больнице. И вот среди всех зданий особо выделялась районная библиотека. Все окна светились» (2).

Этот свет знаний и высокой духовной культуры стал особенно востребованным в период строительства нового города. Книготорговля тогда явно не обеспечивала потребности его прибывающего молодого населения. Торговля книгой в общем товарообороте райрыбпотребсоюза в 1962 г. составляла всего лишь 0,2%. Работники кооперации уделяли ей очень мало внимания. План завоза книг из года в год не выполнялся. Так, в 1962 г. при плане завоза книг на 15 тыс. руб. было завезено литературы на 11 611 руб. ОРС леспромхоза продавал книг в год не более чем на 100-150 руб., а ОРС геологоразведочной экспедиции книгами вообще не торговал. В результате в 1962 г. на каждого жителя района было продано книг всего на 55 копеек (3).

Чтобы улучшить торговлю книгой в рабочем поселке Сургутский, районный комитет КПСС в 1963 г. обратился в Тюменский обком партии с просьбой об оказании помощи в открытии в Сургуте книжного магазина системы «Книготорга» (4). Обком КПСС сразу откликнулся на эту просьбу и в апреле 1963 г. принял положительное решение (5). В 1971 г. в городе книгой торговало уже 5 магазинов. Существенно возросла продажа научно-технической и художественной литературы. Однако, несмотря на это, за первое полугодие 1970 г. было продано книг на 38,5 тыс. руб., а за тот же период 1971 г. - на 57,9 тыс. руб. В Сургуте даже в начале 1970-х гг. по свидетельствам документов «наблюдался книжный голод» (6).

В этих условиях деятельность библиотек, удаленного от системы книгоснабжения «Книга почтой», провинциального центра приобретала особое значение.

В начале 1960-х гг. в городе функционировала районная библиотека и созданная еще в 1952 г. детская библиотека (7). Газетные материалы сохранили хорошие отзывы об их работе в то время. Отмечаются увлеченный и добросовестный труд молодых сотрудников районной библиотеки Лили Швецово́й и Нины Распоповой, окончивших Тобольский библиотечный техникум. Они квалифицированно обслуживали более тысячи читателей, умело оформляли выставки и стенды библиотеки (8). Но сложившаяся система книгообслуживания не отвечала потребностям сургутян. В сентябре 1963 г. на пленуме Сургутского райкома КПСС работа библиотек была подвергнута серьезной критике, где подчеркивалось, что «районная библиотека по стилю своей работы не является подлинным очагом культуры», а ее работники превратились в ключников, открывающих и закрывающих двери библиотеки на время выдачи книг (9). По сравнению с 1961 г. в районной библиотеке число читателей к 1963 г. сократилось на 22 человека, и составило вместо планируемых 1500 читателей всего 1033 посетителя библиотеки при очень небольшой ежедневной книговыдаче в количестве 93 книг (10).

Не удовлетворяла руководителей города и материальная база районной библиотеки, которая размещалась в комнатах Дома культуры на втором этаже, что создавало большие неудобства для читателей. В библиотеке отсутствовало специальное помещение для хранения литературы, не подде-

жащей свободному выбору, а комната абонемента была плохо оборудована. Поэтому уже в 1964 г. РК КПСС поставил вопрос о строительстве специального помещения для библиотеки (11).

Необходимо было проделать большую работу, чтобы система библиотечного обслуживания стала адекватной нарастающему темпу промышленного и социально-культурного строительства в городе. В последующие годы в нем рационально и продуктивно расширялась сеть библиотек. Если в 1965 г. в городе насчитывалось 4 массовые библиотеки, то в 1993 г. их стало 21 (12). Таким образом, увеличение численности библиотек города Сургута за этот период составило 525%. Их книжный фонд увеличился с 106 тыс. экз. в 1970 г. до 473 тыс. в 1993 г., т.е. возрос на 446,2% (13).

Наиболее существенные количественные изменения в работе городских библиотек произошли в 1970-е гг., когда их число увеличилось с 8 до 24 (14). В 1996 г. в Сургуте насчитывалось 16 муниципальных библиотек, из которых 5 являлись специализированными (15). Количественное накопление библиотек требовало качественно новых методов их управления и обслуживания. С середины 1970-х гг. в Тюменской области начала осуществляться централизация библиотечного обслуживания. В 1974 г. по предложению Тюменского облисполкома была создана межведомственная библиотечная комиссия, на которую была возложена задача координации библиотек всех ведомств (16).

В 1975 г. переход к централизованной системе библиотечного обслуживания начал осуществляться в Ханты-Мансийске, а 26 декабря 1976 г. было принято решение об организации новой системы в Сургуте и Сургутском районе (17). Ее целью являлась ликвидация обособленности библиотек, объединение книжных фондов, внутренних ресурсов и творческих возможностей библиотечных работников для более качественного обслуживания читателей.

Сургутская ЦБС была образована в январе 1978 г. В нее вошло пять городских, две детских, две районных и пятнадцать сельских массовых библиотек. Руководство системой было возложено на Центральную городскую библиотеку, первым директором которой была В.В. Кулеш. За двадцать лет ЦБС провела большую информационную, выставочную, краеведческую и методическую работу. Ею был накоплен обширный информационно-справочный материал. Электронный каталог ЦГБ в 1996 г. насчитывал только документов периодических изданий 15 500 наименований. Сургутская Центральная библиотечная система была связана с 45 издательствами страны. Город Сургут являлся в стране «единственным, который имел такой широкий спектр комплектования» (18). Сургутская Централизованная библиотечная система стала обладателем гранта Гёте-института и четырех грантов Института «Открытое общество» (19).

В 2000 г. состоялось открытие нового здания Центральной библиотеки Сургута, которому в Ханты-Мансийском округе аналогов нет. Общая площадь библиотеки составляет 3 500 кв. метров, в ней 7 читальных залов на

150 мест, конференц-зал на 150 мест, зал для проведения брифингов и переговоров, Интернет-клуб, бар. Новая Центральная библиотека Сургута, по мнению специалистов, является «своеобразным мостом культуры, переброшенным в третье тысячелетие» (20).

1. Югра. 2001. № 4. С. 37.
2. Там же. С. 39.
3. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 20. Л. 3.
4. Там же.
5. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 80. Л. 4.
6. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 23. Д. 17. Л. 61.
7. К победе коммунизма. 1959. 17 июля.
8. К победе коммунизма. 1962. 2 сентября.
9. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 1. Л. 216.
10. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 20. Л. 11.
11. ГАОПОТО. Ф. 113. Оп. 16. Д. 42. Л. 13.
12. Сургут в цифрах... С. 97.
13. Там же.
14. Там же.
15. Югра. 1996. № 6. С. 25.
16. Гаврилова Н.Ю. Указ. соч. С. 193.
17. Югра. 1998. № 10. С. 6.
18. Югра. 1996. № 6. С. 25.
19. Сургут. Культура, молодежная политика и спорт... С. 1.
20. Там же. С. 1-2.

Салазникова С.С.
(Нижний Тагил)

К вопросу о морально-нравственном облике Белой Армии

Изучение истории антибольшевистского движения характеризуется сложностью и противоречивостью оценок, суждений, подходов. Советские историки долгое время были поставлены под жесткий идеологический контроль. Содержание монографий и сборников документов определялось главной задачей – дискредитацией политических противников большевизма. Устранение идеологических барьеров привело исследователей к осознанию необходимости более глубокого изучения противоположных сторон, их идеологических платформ, тактики и стратегии военных действий, организации системы управления.

В сознании советского общества на протяжении десятилетий формировался романтический образ гражданской войны, с неперменной атрибутикой «подлинного героизма» и «ореола мученичества» красноармейцев. В действительности война вела к неизбежному огрублению общественных

нравов, что ярко проявлялось «белом» и «красном» лагерях. Самочинные аресты и убийства становились обычным явлением. Адмирал А.В. Колчак в показаниях о периоде своего пребывания в Харбине весной 1918 года свидетельствовал о «всеобщей распущенности офицерства и солдат, которые потеряли всякую меру понятия о чести и долге, об обязательствах, ибо никто не желал ни с кем считаться» (1). По его мнению, «тоже самое было в обществе». Генерал В.Е. Флуг, посетивший Сибирь в 1918 г., также обратил внимание на «моральную распущенность» военных (2). Подтверждают слова «белых» генералов дневниковые записи А. Будберга, датируемые апрелем 1918 г.: «Разные вольные атаманы – Семенов, Орлов, Калмыков - своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом, внутреннее содержание их разбойничье, большевистское, с теми же лозунгами: побольше свободы, денег и наслаждений, поменьше стеснений, работы и обязанностей» (3). С другой стороны, как справедливо отмечал генерал В.Г. Болдырев, «во всех этих отрядах без исключения, наряду с признаками нравственного вырождения было и «своеобразное идейное служение стране» (4).

Армия в условиях гражданской войны получила огромную власть над обществом, что приводило к конфликту военных властных структур с мирным населением. Военные диктовали гражданским свои условия. По свидетельству Центрального областного бюро профессиональных союзов Урала, осенью 1918 г. «местная власть была полностью подчинена военным; число арестованных стремительно увеличилось; поводом для ареста мог стать и донос из-за личных счетов, и задержание для выяснения личности» (5). По заявлению редакторов екатеринбургских газет, военная цензура в данное время была суровее, чем при самодержавии (6).

Советская историография однозначно оценивала проблему соотношения белого и красного террора, считая последний естественной реакцией на действия белого лагеря. В настоящее время данная позиция пересматривается с учетом новых источников и подходов к изучению событий 1918-1922 гг. Так на территории, освобожденной силами сибирской армии от большевиков, объявлялось «военное положение», которое облегчало проявление «политической мести» и увеличивало случаи расстрелов. Произвол военных был оправдан на местах. Мечь стала почти естественной потребностью. Активный участник борьбы против большевиков С. Сванлюнг в своей книге «Человек и чудовище», опубликованной в Лондоне в 1929 г., на примерах из своего боевого опыта раскрыл содержание «политической мести»: «Мы избивали красных, не вникая в отдельных случаях, в то, не совершили ли они какое-либо другое преступление, кроме того, что они были красные» (7). Гражданская война жестока сама по себе и озлобляет население, независимо от принадлежности к политическому лагерю. Разобщенность, взаимная подозрительность и недоверие друг к другу, скрытая вражда внутри белого движения - характерные признаки, объективно способство-

вавшие его поражению. Но и победоносный для советской власти исход гражданской войны не привел к стабилизации общества.

В настоящее время в связи с появлением большого количества ранее не опубликованных архивных материалов и источников личного характера, возможностью их интерпретации с учетом новых методологических концепций встал вопрос о необходимости пересмотреть роль и место антибольшевистского движения в истории гражданской войны. Для формирования нового видения и понимания психологии, сознания, морально-нравственного облика участников «белого» лагеря важно учитывать многоаспектность современной историографии и источниковой базы.

1. Допрос Колчака. Ленинград, 1925. С.141.
2. Флуг В.Е. Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 г. // Архив Русской Революции. В 22-х т. М., 1991. Т.9. С.22.
3. Будберг А. Дневник // Архив Русской Революции. Т.13. С.199.
4. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С.13.
5. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.9.
6. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.8.
7. Сванлюнг С. Человек и чудовище. Лондон, 1929. С.29.

**Силантьев Д.В.
(Екатеринбург)**

Историки Урала: коллективный портрет

В 2002 г. увидела свет уникальная энциклопедия «Историки Урала», выпущенная Институтом истории и археологии УрО РАН. В книге собраны биографические материалы почти о 400 ученых-историках, живших и творивших на Урале. Это редкий случай, когда вся информация о профессиональном сообществе собрана в одном месте и легко поддается математическому анализу, дающему возможность составить некий обобщенный портрет. Формат энциклопедической статьи не дает нам возможность детально проанализировать жизнь, быт и основные вехи творчества всех ученых, не все данные можно обработать статистически, но все же некоторые обобщенные черты можно вывести. Как источник информации об ученых-историках энциклопедия имеет определенные особенности – на ее страницы попали только наиболее заметные представители ученого сообщества – энциклопедия это срез верхушки корпорации историков, поэтому мы сознательно не будем касаться данных, которые могут оказаться нерепрезентативны. Данное исследование ставит своей целью не интерпретацию данных, а только их фиксацию.

Любое жизнеописание начинается с информации о времени и месте рождения человека, о том, где он работал и чем занимался. Среднестатистический уральский историк скорее всего проживает в Свердловской (36%) или Пермской (15%) областях. Наименее вероятно появления историков в Кургане – там проживает только 3% служащих Клио всего региона. Если рассматривать энциклопедию, как определенный этап в жизни ученого, которого необходимо достигнуть, то на Урале его преодолевают в среднем в 56 лет.

По имеющимся в энциклопедии данным, проще всего отслеживать, чем занимался человек в течение своей научной карьеры. На Урале историки, что неудивительно, в основном специализируются на отечественной истории, таковых набралось более 70%, еще примерно 16% занимаются различными историческими дисциплинами и только небольшая оставшаяся часть историей зарубежных стран. Если взглянуть на то, изучением какого времени занимаются историки, то можно будет заметить, что, скорее всего, это Новейшее время (40%), а может Новое или Средние века (по 20%), еще 10% историков посвятили себя археологии, то есть древнейшим временам. Хотя, следует признать, что эта картина меняется с течением времени. Если взглянуть, на темы кандидатских диссертаций, то заметно, что превалирование новейшей истории и истории КПСС в 1970-80-е гг. было заметно ущемлено в 1990-е Новой историей. В те же годы выросло внимание к этнографии и источниковедению. При этом пристрастие к тому или иному периоду в истории часто зависит от региона. В Кургане больше всего специалистов по Новой истории, в Тюмени больше, чем в других регионах, удельный вес специалистов по Средним векам. В Удмуртии и Башкирии много этнографов, в Свердловской области немного больше, чем в других субъектах, археологов, в Челябинской и Оренбургской было защищено больше диссертаций по истории КПСС.

Скорее всего, уральский историк защищал свою кандидатскую в 1980-е, по крайней мере, так сделали 110 человек из 358 защитившихся и отмеченных в энциклопедии, а докторскую в 1990-е - 86 человек из 193.

При этом 40% всех упомянутых в энциклопедии лиц являются профессорами, еще 22% доцентами. При чем выше всего удельный вес докторов наук среди тюменских историков (более 80%), а ниже всего среди пермских и удмуртских (около 40%). А вот профессоров больше всего среди пермяков, а меньше среди южноуральцев – челябинцев и оренбуржцев.

Наличие международных связей – тот показатель, который очень сложно правильно оценить по данным энциклопедии. Судя по ней, у историков Оренбурга их практически нет, а вот в Свердловской области и Удмуртии они развиты совсем неплохо – в той или иной мере их поддерживает каждый третий.

«Охота к перемене мест», то есть смена места работы на другой регион, также сильно разнится. Если в Кургане и Тюмени приедем является каждый второй, то подавляющее большинство челябинских и башкирских

ученых закончили ВУЗ и работают в одном и том же городе. В Свердловской и Пермской областях количество приезжих также невелико (около 10%), а вот в Удмуртии и Оренбурге их уже больше 20%.

Нарисовать коллективный портрет задача не простая и статистическая обработка данных энциклопедии это только первый шаг в решении проблемы. Даже первичный анализ полученной информации способен привести к интересным выводам, которые охарактеризуют как развитие исторической науки на Урале в целом, так и в отдельных регионах.

**Соколова Е.С.
(Екатеринбург)**

**“Мои лицейские досуги...”: государственная политика
в сфере образования дворянства
(на примере пушкинского выпуска
Императорского Царскосельского Лицея)**

Проблема эффективности высшего и среднего профессионального образования является сегодня одной из самых обсуждаемых сторон научной и педагогической деятельности. Полное соответствие поставленных дидактических целей ожидаемому социальному результату можно расценивать лишь как идеальную модель мониторинга, возможность воплощения которой зависит от таких субъективных факторов, как личность преподавателя и индивидуальность ученика. Не последнюю роль в образовательных процессах играют особенности исторической эпохи, духовная атмосфера общества и позиция государственных структур по отношению к просвещению. Любопытным примером разрыва между возможным и должным является опыт открытия в 1811 г. Императорского Царскосельского Лицея, который обогатил Россию не только крупными государственными чиновниками, дипломатами, военными, но и подарил ей блистательного А.С. Пушкина.

С 50-х гг. XIX в. в отечественной историографии Лицей традиционно характеризовался как учебное заведение с ярко выраженным литературно-филологическим направлением. Романтизация «лицейской старины» возникла, во многом, благодаря трудам академика Я.К. Грота, который, будучи бывшим лицеистом VI выпуска, собрал обширный материал о пушкинском курсе. Культурное значение Лицея Грот видел прежде всего в том, что «первым блестящим плодом его воспитания был юноша, вовсе не годившийся для службы и однако же более всего прославивший это заведение». Грот считал, что имя Пушкина спасло Лицей от духовного падения в пору 20-х гг. XIX в., когда он должен был по прихоти Николая I превратиться в «рассадник министерств и гвардии». Для Грота Лицей являлся лучшим из закрытых учебных заведений императорской России отнюдь не потому, что там при-

обретались основательные сведения в сфере политической экономии, истории и философии права. Он мимоходом упоминает, что даже в годы учебы Пушкина далеко не все наставники были людьми способными и деятельными. Несмотря на это обстоятельство, сословный характер лицейской среды придавал ей особый духовный настрой, благодаря которому царскоесельское прошлое зримо присутствует в зрелой лирике А.С. Пушкина, озаряя монотонные будни поэта в «тиши михайловских дубрав». Лицейсты первого выпуска, будучи выходцами из дворянских семей различного достатка и социального положения, принесли с собой то общее, что объединяло в александровскую эпоху тех представителей высшего сословия, которые охотно обращались к «умственным забавам, развивающим мысль и воображение». «При таком направлении, - писал Грот, - Царскоесельский Лицей никогда не доходил до той пустоты и суетности, ... которые могут овладеть закрытым заведением, когда оно лишается ... уважения к умственному превосходству, труду и талантам». Он настойчиво подчеркивает соответствие лицейских пенат образу «счастливого приюта муз», «где и удаление от шума столицы, и красоты местности, и стечение особенных обстоятельств ... как бы нарочно соединились к тому, чтобы ... ускорить развитие способностей юного Пушкина». Восторженность Грота не должна вызывать у сегодняшнего исследователя ни удивления, ни негодования. Причастность к биографии великого человека или к значительному историческому событию, пусть даже косвенная, всегда порождают неосознанную склонность к мифотворчеству.

Собирая материалы о пушкинском Лицее, историки рубежа XIX – XX вв. усматривали главное преимущество этого учебного заведения в приобщении лицейцев к литературным занятиям. То же мнение не раз повторялось в отечественной пушкинистике прошлого века. Между тем, учредители Лицея, прежде всего сам император Александр Павлович, были заинтересованы в более универсальной системе обучения, соответствующей целям подготовки государственных служащих. Анализ учебных программ, составленных в первом десятилетии XIX столетия лицейскими преподавателями, показывает, что включение в них обширных курсов правоведения, истории, логики, статистики и политической экономии, было рассчитано на будущих чиновников в сфере внутренних дел, юстиции и дипломатии. Именно эти ведомства определялись в александровскую эпоху как «важнейшие части» бюрократического аппарата. Этому отнюдь не противоречило то обстоятельство, что основатели Лицея собирались сделать ведущим направление воспитания юношества «соединение литературного образования с научным, и так – что первое предшествует второму». Царское Село, которое, по словам того же Грота, «соединяло в себе двойное обаяние светлых исторических воспоминаний и живописных красот местности», становилось идеальным местом для воплощения в жизнь подобного универсума (1). Изучение лицейских материалов не оставляет сомнений в том, что с момента своего основания он должен был выпускать специалистов в сфере политики и права (2).

Пушкинисты прошлого века не раз справедливо отмечали, что проект создания Лицея был не «счастливой случайностью», а следствием политической ситуации первого десятилетия царствования Александра Павловича. Курс верховной власти на либерализацию государственного строя в рамках концепции «просвещенного абсолютизма» требовал создания системы образования, способной воспитать чиновников в духе принципа законности. Вот почему в Лицее считалось необходимым говорить с дворянской молодежью о «науках нравственных», под которыми в ту эпоху подразумевалось исследование проблемы «положения человека и гражданина в обществе, а также права и обязанности, отсюда возникающие». Предполагалось, что в изучении права лицеисты должны от самых простых понятий подняться «до коренного и твердого познания различных прав» на основе «изъяснения» им системы «права публичного, права общенародного, права частного».

В «Записке об образовании Лицея», составленной графом А.К. Разумовским для Александра I, содержалось предложение сократить программы по естественным предметам, математике и древним языкам на том основании, что «знания всякому благовоспитанному приличны, надлежит различать от наук, в особенности нужных только некоторого состояния людям». А.К. Разумовский настаивал на прикладном характере преподавания, как наиболее подходящем для подготовки государственных служащих. Он справедливо указывал на многопредметность лицейских курсов, совершенно не соответствующих ни возрасту воспитанников, ни тому времени, которое они должны были провести в Лицее. Именно по настоянию Разумовского в программу преподавания иностранных языков был включен вместо древнегреческого немецкий, имевший в начале XIX в. широкое распространение в юридической и дипломатической практике. Статус Лицея как закрытого учебного заведения для дворянства был закреплен в соответствующем «Постановлении», утвержденном Александром I 12 августа 1810 г. По своему положению новое учебное заведение приравнивалось к российским университетам, которые не пользовались популярностью в аристократической среде из-за необходимости обучать детей вместе с разночинцами. Директор Лицея получил чин 5-го класса, который, согласно «Уставу учебных заведений» 1804 г., соответствовал должности университетского ректора. Все лицейские преподаватели имели право на выплату пенсий наравне с университетскими служащими. Курс обучения в Лицее был составлен «из предметов, приличных важным частям государственной службы». Основой лицейских программ объявлялось такое распределение учебных предметов, при котором их взаимосвязь представляла бы единое целое. Первые три года отводились на первоначальное знакомство с отечественной и зарубежной историей, началами логики, основами «наук физических», с произведениями изящной словесности, грамматикой древних и современных языков. Это была своеобразная подготовка ко второму периоду пребывания в Лицее, когда начиналось углубленное изучение философских, юридических, экономических на-

ук. Все указанные в программах предметы являлись для лицеистов обязательными. Общее образование, полученное воспитанниками в первые три года обучения, мыслилось как основа освоения специальных наук, необходимых для успешного вступления на государственное поприще. Начиная с четвертого курса, самое большое внимания уделялось «наукам нравственным и юридическим». Параллельно «с началом обозрения важнейших эпох всемирной истории по Боссюэ и Феррану» шло знакомство с различными теориями европейского права, которые, в свою очередь, рассматривались в комплексе с проблемами политической экономии. Последняя изучалась в сравнении «трех главных ее систем: коммерческой, экономической и теорией Адама Смита». Особое внимание уделялось изучению «права российского». Лицейский курс предусматривал необходимость дать будущим чиновникам основательные сведения в области философии истории, знание которой расценивалось как существенное преимущество для квалифицированного специалиста в сфере права.

Если начальный этап знакомства с историческими науками ставил цель сформировать «понятие о важных происшествиях исторических», а также научить «относить вещи к своему времени и месту», то программа старших курсов ставила более сложные задачи. В «Постановлении о Лицее» содержалась рекомендация построить преподавание истории таким образом, чтобы показать «в разных представлениях государств шествие нравственности, успехи разума и падение его в разных гражданских постановлениях». На шестом году обучения вводилась практика собственных сочинений воспитанников политико-экономического и юридического содержания, включающих элементы полученных лицеистами знаний по истории и праву. Все это в значительной мере действительно сближало лицейские программы с преподаванием права на нравственно-политическом отделении Московского университета, открытие которого предусматривалось университетским уставом 1804 г. В том же документе подтверждались права счастливых обладателей университетского диплома на быстрое продвижение по служебной лестнице.

Несмотря на некоторое сходство университетских и лицейских учебных планов, юридические науки давались лицеистам в более сокращенном варианте, учитывая практический характер их будущей деятельности в министерствах и ведомствах. Аттестат, полученный А.С.Пушкиным при выходе из Лицея, в перечне изученных поэтом дисциплин содержит «право естественное, частное и публичное, гражданское и уголовное», а также «историю права российского, государственную экономию и финансы». Успехи Пушкина оцениваются при этом как «хорошие» и «весьма хорошие». В лицейской таблице учебных баллов за 1816 г., опубликованной И.Я. Селезевым, среди прочих предметов названы также «энциклопедия права и всеобщая политическая история».

Хорошо известно, что учебная жизнь Пушкина в Лицее не ознаменована блестящими успехами в науках. Подписанный А.П. Куницыным атте-

стат поэта был конечным результатом напряженных шестилетних занятий. Текущие же успехи Пушкина в области энциклопедии права, политической экономии, статистики, истории оценивались «весьма посредственно». Для современников поэта, знакомых с творчеством зрелого Пушкина, где смелый полет вдохновения сочетался с глубокой эрудицией, приведенный факт казался неразрешимой загадкой. Психологически ее пытались объяснить свойствами характера, не позволявшими юному Пушкину выказывать приобретенные познания публике. В 1812 г. А.П. Куницын писал о понятливости и остроумии своего ученика, отмечая при этом его крайнюю непринужденность: «Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особенно по части логики».

27 марта 1816 г. Пушкин, рвущийся из Лицея в литературные салоны Петербурга, пишет следующие полушутливые-полугрустные строки: «...Целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой...» Приведенная фраза исчерпывающе отражает все противоречия, свойственные лицейскому преподаванию. По отзывам многих поколений лицеистов, «все пышное, высокопарное, школьное совершенно удалено было от... понятия и слуха», способствуя «возбуждению... любопытства и размышления». Существовала и обратная сторона медали. Политические науки, очевидно, весьма сложно усваивались юношами, пришедшими в Лицей со скромной домашней подготовкой. Отсутствие печатных руководств приводило к бесконечному переписыванию целых лекционных курсов. Судя по дневниковой записи педантичного и аккуратного лицеиста С. Комовского, «...профессоры... беспрестанно задавали, особливо переписывать; одна эта переписка занимала весьма много времени и занимала его самым скучным образом».

Состояние с учебными пособиями было в Лицее настолько неудовлетворительным, что в 1814 г. последовало распоряжение А.К. Разумовского о запрещении воспитанникам заниматься на уроках чистописания переписыванием записок к лекциям. Спустя десятилетия, М.А. Корф вспоминал, что Куницын сам составлял конспекты своих лекций, а «мы должны были их списывать и изучать слово в слово». Возможно по этой причине Пушкин, как свидетельствует Комовский, «охотно занимался науками историческими, но не любил политических». В «Записках» И.И. Пушина упоминается, что в классах Куницына Пушкин занимался совершенно по-своему: «Уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессоров... у него и в обычае не было; все делалось à livre ouvert (с листа)».

Приведенные оценки верны лишь в том, что касается официальной стороны жизни Лицея. По свидетельству А.Илличевского, близкого кругам А.И. Дельвига и Е.А. Баратынского, достоинством лицейского быта являлось стремление наставников сохранить внутреннюю свободу воспитанников. Сочинительство, любительский театр, смех и шутки с педагогами были привычными атрибутами повседневного быта воспитанников пушкинского вы-

пуска. Это частично компенсировало отсутствие каникул и сложность учебных курсов.

Лицейский культ в лирике Пушкина был рожден не только ностальгией по ушедшей юности. Многие выпускники вспоминали, что затворничество молодежи при всех своих недостатках способствовало тому созерцательному направлению, которое получила духовная жизнь воспитанников. Уход в мир книг, научных и литературных интересов помогал коротать «годы заточения», что особенно было необходимо в унылые и долгие зимние вечера.

Пушкин посвящает лицейской библиотеке поэму «Городок». Он же вспоминал, как А.И. Дельвиг охотно разыгрывал роль «беспечного ленивца», проводя время в аллеях Царскосельского парка в беседах с товарищами о прочитанных новинках словесности. С.П. Шевырев писал в «Воспоминаниях о Пушкине» со слов поэта, что чтение европейских журналов, где со времени энциклопедистов политика и словесность сплетались воедино, накладывало неизгладимый отпечаток на быт и образ мыслей лицейцев. В своих играх они устраивали «парламентские палаты», спорили, «говорили речи», «...вообще свободы было очень много».

Эволюция лицейской атмосферы в сторону официальной парадности началась с 1822 г., когда Лицей был временно переведен в подчинение военному министерству и частично переориентирован на подготовку кадровых офицеров. «Лицейские досуги» приобрели более планомерный характер и не мыслились без строгого контроля за состоянием умов дворянской молодежи. Апулей более не предпочитался Цицерону. Муза поэзии навсегда оказалась изгнанной из царскосельских садов.

1. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники // Грот Я.К. Труды. Т.3. СПб., 1901. С.3-30.

2. Подробнее см.: Соколова Е.С. Юридическое образование русских дворян как элемент сословной политики абсолютизма начала XIX в. (на примере Императорского Царскосельского Лицея) // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С.36-41.

**Солодкин Я. Г.
(Нижневартовск)**

О причинах возникновения сибирского летописания

Вскоре после учреждения архиепископии с центром в Тобольске, между 1621/22 (когда, видимо, появился синодик «ермаковым казакам» (далее - С) и началом осени 1636 (тогда владычный дьяк Савва Есипов завершил работу над Основной редакцией «Повести о Сибири и о сибирском взятии») гг., в новом «царстве» московских государей, прежде подвластном Кучуму, зародилась летописная традиция. (Утверждение, будто это случилось в кон-

це первой четверти XVII в. (1), неточно. Мысль же о возникновении особой ветви русского летописания в 1636 - 1640 гг., когда во главе Тобольского архиерейского дома находился «пустынник» Нектарий (2), представляется маловероятной, поскольку Есипов, по его признанию, лишь «распространил» какое-то сочинение о завоевании казачьей «дружиной» «Сибирстей земли»).

Ранние сибирские летописи считаются «первой серьезной попыткой местного самосознания понять и оценить присоединение» «Закаменской страны» к России «в наиболее традиционной, типичной для этой цели форме». Так, в глазах Есипова «взятие» ермаковцами «Кучумова юрта» было предопределено свыше; подчиния «нечестивых» православному царю, отряд казаков выполнял божественную миссию. Дьяк трех кряду тобольских архиереев стремился запечатлеть становление христианства в самых отдаленных владениях московских государей. Недаром он обещал рассказать о чудесах Богородицы, «иде же содеяшася во дни и р[о]да наша», т. е. явлениях вдове Марии Абалацкой иконы (3). Кстати, еще в послесловии к Триоди Цветной 1591 г. в числе «новопросвещенных земель» помимо Казани и Астрахани названа Сибирь, которая так же представлена в Есиповской летописи (далее - ЕЛ) (4).

На взгляд В. Г. Мирзоева, первые сибирские книжники старались доказать правомерность похода Ермака, «идеологически утвердить» присоединение к России ханства Кучума. Есипов, - думалось известному историографу, - стремился прославить недавно учрежденную архиепископию, укрепить ее каноническую базу (5). Последнее заключение сомнительно хотя бы потому, что ЕЛ, как выяснено Е. К. Ромодановской, не может быть признано житием Ермака, а приведенный владычным дьяком С, даже если причислять этот «помянник» к агиографической литературе, вторичен относительно известной с 1970 г. другой разновидности перечня атаманов и казаков, павших в боях с «погаными». О создании же тобольской владычной кафедры в ЕЛ лишь упоминается (подобно Строгановской летописи и Пискаревскому летописцу).

Е. К. Ромодановской начало сибирского летописания кажется следствием признания особого места зауральских уездов в составе Российского государства (6). Думается, исследовательница не избежала преувеличения. В оценке Д. С. Лихачева даже в русской литературе эпохи феодальной раздробленности не обнаруживается стремления к самостоятельности и замкнутости в рамках отдельных земель, проявления сепаратизма, налицо единообразие нравственных идеалов и политических тенденций (7). В С, ставшем источником ЕЛ, «Сибирское взятие» приурочено к «самодержавству» Ивана IV, желая «послужити» которому, вольные казаки якобы и двинулись за Урал. Именно «праведною молитвою ко всецелому Богу и счастием» Грозного, оказывается, было покорено еще одно татарское ханство. Об этом сказано и в ЕЛ, где говорится также о сеунчиках, отправленных в Москву Ермаком, «посылке» туда Маметкула, появлении в Сибири государевых воевод, основании ими Обского городка, Тюмени и Тобольска, учреждении при

Михаиле Федоровиче сибирской архиепископии, т. е. присоединение к державе Ивана Васильевича и его преемника новой страны рассматривается в русле событий российской истории, тем более, что этот «юрт», оказывается, был завоеван «руским полком» ради утверждения здесь христианской веры (давно восторжествовавшей в европейской части Московского царства). К тому же летописи велись в окружении далеко не каждого владыки. Так, в нашем распоряжении нет сведений о произведениях в форме повременных записей, которые в первой половине «бунташного века» вышли из резиденций казанского и ростовского митрополитов. Свообразие же Сибири как «далечайшей государевой вотчины» (при том, что там подобно «Руси» возникли города, села и деревни, были выстроены церкви, появились воеводы, а «на житье» - «литва и немцы»), отмечалось еще в дипломатической документации рубежа XVI - XVII столетий (8).

Н. А. Миненко считает, что в ЕЛ действия ермаковцев по распространению христианства за «Камнем» отождествлены со становлением тут царской власти (9). Точнее, речь должна идти не о насаждении казаками православия, а подчинении ими местных жителей русскому государю. Как читаем в ЕЛ, победив Кучума, прославленный атаман и его сподвижники под «царскую высокую руку привели многих ... иноземцов» (10).

Со ссылкой на старшую рукопись Ремезовской летописи (далее - РЛ) некоторые исследователи полагают, что «Повесть ...» Есипова возникла в связи с установлением Михаилом Федоровичем, Филаретом и освященным собором 16 февраля 1636 г. общерусского прославления Ермака (ранее предводитель знаменитой экспедиции и его соратники поминались только в Софийском соборе «первоимяниного града» Сибири) (11). Однако другие источники, включая ЕЛ, не подтверждают версию о том, что с поставлением Нектария в Тобольск культ «велеумнаго» атамана вышел за пределы нового «царства» московских самодержцев. Отметим также, что РЛ свойственно обилие анахронизмов, а в 1636 г. патриархом «всяя Руси» являлся не Филарет, а Иоасаф.

Изображение Ермака и его сподвижников в С (составленном по инициативе «первопрестольника» Киприана, едва ли с санкции «великих государей») и ЕЛ христианскими просветителями края, ставшего вскоре восточной окраиной Московского царства, свидетельствует о том, что зарождение летописной традиции в стенах тобольского Софийского дома определялось прежде всего его собственными потребностями. Православие в «Сибирстей стране» утверждалось не без труда, в том числе среди «приборного» люда, и пример атаманов и казаков, одолевших «бусурманского» хана, мог произвести соответствующее впечатление на их потомков и тех, кто нес государеву службу вместе с ними. В ЕЛ подчеркнута и роль Ивана Грозного, его преемника Федора, ряда воевод и письменного головы Д. Чулкова в закреплении за «российским скипетродержавством» новых «землиц», что в условиях, когда взаимоотношения местных властей и «войска» были далеко не идилли-

ческими, показалось, как думается, «слогательно» «Повести ...» вполне оправданным. Наконец, описание перипетий «взятия» «Сибирского царства» заметно обогащало здешнюю книжную традицию, духовную культуру вообще, а на одном из ранних этапов русской колонизации обширного края это обстоятельство тобольским «первосвятителям», видимо, представлялось немаловажным.

1. Иловайский Д. Царская Русь. М., 2002. С. 687. Нуждается в оговорках и утверждении, будто официальное сибирское летописание велось с 1620-х гг. (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 119).
2. Ромодановская Е. К. Нектарин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 375; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (далее - ЛП). Новосибирск, 2001. С. 388.
3. Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. /Предисловие // Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 3, 6; ЛП. С. 361, 363.
4. Новосадский И. В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46; ПСРЛ. Т. 36. С. 72. Ср.: С. Г89, 314, 368.
5. Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 108, 109, 112, 120.
6. Ромодановская Е. К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 100 - 101; Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 14. Примеч. 5.
7. Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 64 - 69, 84.
8. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII века. М., 1972. С. 48 - 53; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Стлб. 1042, 1073, 1121 - 1122; СПб., 1852. Т. 2. Стлб. 466, 989; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 27, 98, 279, 341; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 65, и др.
- По наблюдениям А. В. Лаврентьева, в государевом титуле Сибирь с 1599 г. именуется царством и перемещается на одно из первых мест (хотя, заметим, не всегда третье, как утверждает исследователь). В конце «самодержавства» Бориса Годунова для московских венценосцев была изготовлена в Империи и «шапка сибирская». См.: Лаврентьев А. В. Царевич - царь - цесарь: ЛжеДмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604 - 1606 гг. СПб., 2001. С. 184 - 187. Ср.: С. 14, 21, 22, 64 - 65.
9. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI - начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 16.
10. ПСРЛ. Т. 36. С. 57-58.
- И. Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 485 - 486. Ср.: С. 461; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири ... С. 111; Он же. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 24; Сергеев В. И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т.
11. Стлб. 823. В другом списке РЛ «уставление» «поминовения вселенского» Ермака

**Сурина М.В.
(Нижний Тагил)**

Материалы всесоюзных переписей населения как источник по изучению этнодемографических процессов на Урале

Этнодемографическое развитие Уральского региона – одна из актуальнейших тем современных региональных исследований. В качестве основного источника исследователи привлекают материалы переписей населения, позволяющие проследить целый комплекс этнических процессов в динамике. Можно выделить целый ряд преимуществ данного источника. Во-первых, это всеобщность охвата населения, т.е. учет каждого жителя без исключения. Однако определенная погрешность все же существует, поскольку население на момент переписи продолжает находиться в постоянном движении. Во-вторых, перепись проводится по единой программе и единым правилам на всей территории, охватываемой переписью. Это облегчает сопоставление итогов переписи между областями и республиками внутри рассматриваемого региона, а также данные по региону с общероссийскими данными. Единая программа позволяет сопоставить итоги нескольких переписей и выявить динамику того или иного процесса. В-третьих, сведения берутся непосредственно у населения. Это позволяет максимально точно определить этнический состав населения, опираясь не на документ, где указана этническая принадлежность, а на реальное этническое самоопределение человека.

Для изучения изменений в этническом составе населения и этнокультурного развития большую ценность представляют статистические таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку», «Распределение населения по национальности и второму языку», «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования», входящие в состав переписных форм фактически всех переписей XX века. Эти статистические данные позволяют проследить взаимосвязь этнодемографических процессов с состоянием этнокультурного развития населения, с уровнем знания национальных языков.

В частности, таблица «Распределение населения по национальности и родному языку» содержит статистическую информацию об общей численности представителей различных этнических групп и численности из них людей, считающих свой национальный язык родным. Эти данные позволяют

выявить этнический состав населения и уровень владения своим языком, уровень развития этнического самосознания (1).

Форма «Распределение населения по национальности и второму языку» использовалась при переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг., причем в 1970 г. формы «Распределение населения по национальности и родному языку» и «Распределение населения по национальности и второму языку» были слиты в одну. Эта таблица дополняет картину этноязыкового развития населения Урала, поскольку приводит данные о развитии билингвизма в регионе, о владении вторым языком – русским либо национальным – не в качестве родного. Таким образом, выявляется уровень функционирования национальных языков в рамках семьи, что очень важно в условиях, когда основным языком общения в социально-профессиональной сфере является русский. Сравнение данных этой таблицы с данными таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку» выявляет уровень этнического самосознания населения различных этнических групп (2).

Большой интерес представляет статистика, позволяющая проследить в динамике процесс втягивания ранее изолированных нерусских этносов в социальную жизнь страны, определить начало этого процесса, уровень восприятия новых социальных реалий населением различных возрастных групп. В программах переписей данная форма фигурирует под названием «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования» (3).

Материалы переписей могут также дать информацию об особенностях профессионального самоопределения представителей различных этнических групп, и, соответственно, дает возможность проследить влияние традиционных способов хозяйствования на выбор профессиональной сферы. Этнические особенности хозяйствования отражены в таблицах «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства» и «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям». В 1959 г. все три таблицы были объединены в одну – «Распределение населения, имеющего занятия, по общественным группам, отраслям народного хозяйства и национальностям». Население наиболее крупных этнических групп было распределено по общественным группам: рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари, крестьяне-единоличники, некооперированные кустари, лица свободных профессий, служители культа. Население каждой общественной группы распределялось по отраслям народного хозяйства и несколькими этническими группам (4).

В программах следующих переписей эта форма была разделена на три - «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам», «Распределение занятого населения отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства» и

«Распределение населения отдельных национальностей по занятиям» - и количество общественных групп сократилось до трех: рабочие, служащие и колхозники. Остальные, занимавшиеся индивидуальной трудовой деятельностью и служители культа, были объединены с лицами, не указавшими общественную группу. По источнику средств существования население подразделялось на занятое, занятое в личном подсобном хозяйстве, пенсионеров и лиц, получавших ежемесячное государственное пособие, стипендиатов, иждивенцев отдельных лиц, прочих лиц, находившихся на обеспечении государства и лиц, имеющих иной источник средств существования. При этом учитывалось население всего трех наиболее крупных этнических групп – русские, татары и украинцы (5). В таблице «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям» были выделены 46 видов занятий, разделенных на отдельные профессии. Также учитывалось население только русской, татарской и украинской национальностей (6).

Одной из наиболее сложных проблем является проблема выявления этнических аспектов естественного движения населения. Поскольку перепись населения проводилась с довольно большим интервалом (от 10 до 20 лет), проследить с максимальной точностью динамику рождаемости, смертности, детности, брачности не представляется возможным. Программы переписей населения XX века включали в себя ряд форм, позволяющих хотя бы в общих чертах выявить этнические особенности половозрастного состава («Распределение населения отдельных национальностей по полу и возрасту»), брачности («Распределение населения отдельных национальностей по состоянию в браке, полу и возрасту») и удельный вес межэтнических браков («Распределение семей по их размеру и национальности членов семей»). Но большинство этих форм содержат данные лишь по 2-3 наиболее крупным этническим группам, что не позволяет в полной мере определить особенности межэтнической брачности и этнические особенности рождаемости.

Материалы переписей населения – это основной и наиболее ценный источник, позволяющий максимально полно отразить особенности этнодемографических процессов, однако некоторые аспекты этих процессов все же остаются «в тени». Ряд аспектов, в частности, этнический состав мигрантов и направления их миграции, можно изучить на основании текущей статистики. Но динамика межэтнической брачности, этнические аспекты рождаемости в материалах переписей населения прослеживаются слабо, а текущей статистики, отражающей эти процессы, нет. В программу последней переписи населения 2002 г. не была включена форма «Распределение населения по национальности и второму языку», что делает более проблематичным анализ уровня функционирования русского или национального языка среди нерусского населения региона.

1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-б, 1566-в, 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 9с.

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 10с.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3031, 3034, 3036, 3038, 3042, 3044, 3048, 7176, 7181, 7182, 7184, 7187, 7188, 7195; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 32с «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1976, 2005, 2008, 2019.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5523, 5524, 5525, 7437, 7438, 7439, 7440, 7441, 7442; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5508, 5513, 7487, 7492, 7493, 7496, 7499, 7500, 7506; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Свердловская область».

Сухоносова С.В.
(Екатеринбург)

Возникновение торфяного отопления в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв.

Для Екатеринбурга рубежа XIX-XX вв., как и для многих других российских городов того времени, была актуальна проблема недостатка «строительного и дровяного леса» для нужд городских жителей. С ростом города росли и потребности населения, но городская застройка оставалась преимущественно деревянной, а отопление — печным.

По расчетам Екатеринбургской городской управы, необходимое для города количество дров составляло: в 1873 г. — 30 тыс. куб. саж. в год, в 1878 г. — 69 тыс. куб. саж. (1), а в 1917 г. — уже 170 тыс. куб. саж. (2) (то есть, с 1873 по 1917 гг. возросло в 5,6 раз).

Между тем значительно увеличить вырубку леса Екатеринбургское самоуправление не могло: городская лесная дача, находившаяся на территории городского выгона, была относительно небольшой, ее ресурсы — ограниченными; запасы леса в казенных горнозаводских лесных дачах (Нижне-Исетской, Березовской и др.) постепенно истощались (3).

Цены на дрова в Екатеринбурге были нередко выше, чем в соседних городах (кв. сажень дров в 1874 г. в среднем стоила около 1 руб. 50 коп., в 1877 г. уже 2 руб. 50 коп. (4); в 1915 г. городская управа установила «потолок цен» на дрова от 8 до 9 руб. за кв. саж. (5)), что было тяжело не только для городской бедноты, но и для жителей со средним достатком.

Эти причины обусловили необходимость поиска новых способов отопления растущего города, в том числе и применения другого вида топлива — торфяного.

Впервые вопрос о возможности разработки торфа обсуждался на заседании Екатеринбургской городской думы в марте 1878 г. Чиновники Штейнфельд и Буслов ходатайствовали о дозволении им исследования и добычи торфа на территории городского выгона. Подрядчики не были уверены, что идея заготовки торфа в Екатеринбурге окажется удачной, поэтому предполагали только «проведение разведки ...обыкновенными пробитыми шурфами» (6).

В январе 1886 г. для выработки правил отдачи торфяников в разработку частным лицам городской думой была избрана комиссия, в апреле 1886 г. добыча торфа на территории городского выгона была разрешена И.И. Симанову и братьям Ошурковым (7).

В 1907 г. о разрешении эксплуатации торфяных болот в городском выгоне перед городской думой ходатайствовало товарищество «Шишкин и Заспанов». Но гласные выразили мнение, что выгоднее для города будет разрабатывать торфяные залежи своими силами, и Дума в ходатайстве отказала. Городской управе было поручено провести новые исследования (в т.ч. нивелировку) торфяных болот и начать их разработку (8). В декабре того же года «торфяной вопрос» вновь обсуждался гласными городской думы: было принято решение об отдаче торфяных залежей на территории городского выгона в аренду (9).

15 января 1908 г. гласным П.М. Утяковым был предложен тщательно разработанный план распространения в Екатеринбурге системы торфяного отопления. По его подсчетам, $\frac{1}{2}$ куб. саж. торфа легкой обработки (ручной резки и воздушной сушки) могла заменить 1 кв. саж. березовых дров хорошего качества. Поскольку торф горит медленно (как и березовые дрова), такое топливо может иметь большую ценность и дать городу сбережений более чем на 50 % (10). В первую очередь П.М. Утяков предложил перевести на торфяное отопление «здания, лежащие на отчете города» (городской тюрьмы, полиции, казарм, общественного городского дома, общественной богадельни, ночлежного дома и пр.). По его плану, жители, убедившись на примере опыта городской управы в выгодности торфяного топлива, должны были сократить потребление дров, что способствовало бы снижению цен на дрова.

Городская дума поддержала предложения Утякова: была избрана комиссия по организации торфяного дела, а П.М. Утякову было поручено составить специальную брошюру для распространения среди населения «О пользе торфяного отопления». 15 мая 1908 г. было решено не приобретать специальных машин для нарезки и обработки торфа, ограничившись легкой обработкой через «ручную резку и воздушную сушку». Подряд на разработку торфа на болотах выгона был отдан А.Ф. Свистунову, который обязался поставлять торф городской управе по цене 3 руб. 20 коп. за куб. саж. (11).

В 1916 г. торфяники перешли в ведение городской управы. На их содержание (оборудование, инструменты, караул, постройку барачных для рабочих) было израсходовано 17,6 тыс. руб. Когда предоставлялась возможность (в частности, когда к городу за долги перешли запасы торфа И.И. Симанова), городская управа продавала торф населению по пониженной цене — по 3 руб. за куб. саж. (12).

Но большого распространения среди городских обывателей торфяное отопление не получило. По замечанию гласного Д.М. Веселова, так как торф «продавали разрыхленным», городские жители считали его «неудобным для отопления» (13).

Спрос на торф среди населения возрос зимой 1916-1917 гг., когда цены на дрова в условиях «дровяного голода» резко повысились. За зимние месяцы цена на торф выросла с 6 до 12 руб. за куб. саж. Доходы от продажи торфа в городскую казну составили 24 тыс. руб. В феврале 1917 г. гласные Думы Д.М. Веселов, П.П. Вязельщиков и др. предложили целый комплекс мер по развитию торговли торфом: продавать торф на городских площадях, привлечь к работе по нарезке торфа женщин и военнопленных; разработать не только торфяники на территории городского выгона, но и отдаленные болота (14). Было решено не допускать продажу торфа крупными партиями, чтобы цены на торф не «взлетели». В мае 1917 г. городским самоуправлением было «выражено пожелание» жителям перейти на торфяное отопление. Приказать сделать это в обязательном порядке городская управа не могла (15).

Таким образом, торфяное отопление в конце XIX — начале XX века большого распространения в Екатеринбурге не получило. Тем не менее, меры по разработке торфяных залежей и организации работ на городских торфяниках, предпринятые городским самоуправлением, позволили частично стабилизировать цены на дрова в Екатеринбурге и преодолеть топливный кризис в годы Первой мировой войны.

1. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1878 года. Екатеринбург, 1878. С. 68.
2. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
3. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 399 об.
4. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 года. Екатеринбург, 1877. С. 103.
5. Зауральский край. 1915. 15 марта. № 60. С.3.
6. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1878 года. Екатеринбург, 1978. С. 30-31.
7. Город Екатеринбург (1889-1998). Екатеринбург, 1998. С. 878.
8. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1983. Л. 124-124 об.
9. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1983. Л. 264 об.
10. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л.13.
11. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л. 13-13 об., 120.
12. Зауральский край. 1917. 24 февраля. № 43. С. 3; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 613. Л. 52 об.-53.

13. Зауральский край. 1917. 24 февраля. № 43. С. 3.
14. Там же.
15. ГАСО. Ф. 62. Оп.1. Д. 526. Л. 214 об.; Д. 620. Л. 403.

Сушков А.В.
(Екатеринбург)

**Конец политической карьеры «легендарного маршала»:
смещение К.Е. Ворошилова с поста Председателя Президиума
Верховного Совета СССР в мае 1960 г.**

Политическая судьба члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова была предрешена его участием в неудачной попытке сместить Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, т.е. с положения главы государства, в июне 1957 г.

Уже на самом Июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, когда стало ясно, чем он закончится, перед Н.С. Хрущевым встала проблема формирования нового, подчиненного только ему состава Президиума ЦК. Чтобы скрыть тот факт, что против него выступила не просто «антипартийная группа», а практически весь состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС, Н.С. Хрущев решил осуществить поэтапный вывод из высшего руководства своих повергнутых противников. По замыслу Хрущева, из всех выступивших против него членов высшего руководства, в составе Президиума ЦК КПСС на положении полноправных членов временно должны были остаться Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин и Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов. Помимо того, что эти два руководителя являлись не самыми активными участниками «заговора» против Хрущева, данному выбору способствовал и их высокий должностной статус: главы Правительства и советского парламента.

В соответствии с этой установкой на Пленуме ЦК КПСС выстраивались выступления приближенных к Н.С. Хрущеву руководителей: К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин не стали подвергаться столь же сокрушительной, огульной критике, как выделенное центральное ядро «заговорщиков», объявленных «антипартийной группой» – В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и Д.Т. Шепилов. Уже в докладе, сделанном М.А. Сусловым в начале работы Пленума ЦК, прозвучало: «Глубокоуважаемый всеми нами товарищ Климент Ефремович Ворошилов», чем были заданы определенные рамки критики в адрес Ворошилова (1). А первый секретарь Горьковского обкома КПСС Н.Г. Игнатов, сыгравший большую роль в подготовке Пленума ЦК и награжденный введением в состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС, не скрывая, заявил Ворошилову в своем выступлении: «Я ставлю своей задачей, чтобы иметь Вас в руководстве нашей партией, и что-

бы Вы занимали партийную позицию, какую занимает Пленум ЦК. Мы верим, что Вы не были целиком и полностью втянуты для этих коварных целей в «антипартийную группу». Я в этом почему-то убежден. Вы – старый большевик. Пленум разберется в этом» (2).

К.Е. Ворошилов стал одним из шестерых руководителей, которые перешли из прежнего состава членов Президиума ЦК КПСС в новый, и сохранил за собой занимавшийся пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Однако это не означало, что Хрущев простил ему его политические «прегрешения»: глава государства начал политику по дискредитации и снижению авторитета главы Правительства и главы советского парламента в глазах регионального и местного руководства. Несмотря на то, что К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин всячески старались доказать ему свою преданность, Н.С. Хрущев при любом удобном и неудобном случае демонстрировал партийно-государственному аппарату свое отношение к ним. Первая такая возможность ему представилась в Ленинграде, куда спустя неделю после окончания Июньского Пленума прибыли для вручения наград в связи с 250-летием города сам Первый секретарь ЦК КПСС, а также члены Президиума ЦК КПСС Е.А. Фурцева, Н.М. Шверник, О.В. Куусинен, Н.А. Булганин и К.Е. Ворошилов. 7 июля 1957 г. члены Президиума ЦК присутствовали на демонстрации, поднявшись на трибуну у Зимнего дворца, а вечером в одном из залов Зимнего дворца был устроен ужин. На нем Хрущев заявил, что некоторые руководители находятся в оппозиции к мероприятиям ЦК партии, намекнув на К.Е. Ворошилова и Н.А. Булганина, и спровоцировав, тем самым, критические выступления в их адрес. Тон задали только что ставшие членами Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов и Е.А. Фурцева, говорившие о них крайне резко, затем выступили первые секретари некоторых райкомов КПСС г. Ленинграда, руководители предприятий и другие (3).

В начале 1958 г. истекали полномочия Верховного Совета СССР IV созыва, и предстояло переизбрание составов Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Обычно формальная процедура на этот раз давала возможность Н.С. Хрущеву относительно легко избавиться от недавних политических оппонентов. Однако одновременная смена и главы Правительства СССР, и руководителя советского парламента непременно вызвала бы новую волну публикаций в зарубежной печати о разногласиях и борьбе за власть в руководстве СССР. Поэтому Н.С. Хрущев решил сместить с более важного, ключевого в системе высшего руководства поста Председателя Совмина СССР Н.А. Булганина, а обязанности Председателя Президиума Верховного Совета СССР сохранить за К.Е. Ворошиловым, тем более что последний, и ранее не отличавшийся активной ролью в формировании внутренней и внешней политики страны, после Июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС старался не перечить и выступать в поддержку Первого секретаря ЦК. На решение Хрущева повлиял и тот фактор, что политический вес и влияние главы советского парламента в высшем руководстве СССР на тот

момент были минимальными, визиты глав зарубежных государств (в особенности капиталистических) и прочих иностранных делегаций, которых по протоколу должен был принимать К.Е. Ворошилов, еще не приобрели широкого размаха. В итоге, 27 марта 1958 г. первой сессией Верховного Совета СССР V созыва К.Е. Ворошилов был переизбран Председателем Президиума Верховного Совета СССР (4).

Освободить К.Е. Ворошилова от этого поста, а также от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущев решил лишь в 1960 г. Глава государства не мог не думать об удалении из высшего руководства страны последнего представителя оппозиции, находившегося на формальном, но достаточно высоком и заметном посту. Однако отставку легендарного Маршала predeterminedила не столько принадлежность к «антипартийной группе», сколько преклонный возраст: в 1961 г. ему исполнялось 80 лет.

К.Е. Ворошилов был далек от дипломатии, от ее тонкостей и особенностей, не понимал и не принимал дипломатический протокол. В то же время «железный занавес», закрывавший Советский Союз от мира, начал чуть-чуть приподниматься, в Москву одна за другой стали прибывать различные делегации. Несмотря на то, что Хрущев по возможности стремился отодвинуть Ворошилова от активной внешнеполитической деятельности, полностью игнорировать его было невозможно. Привыкшие к парламентским институтам в своих странах, видные иностранные деятели считали К.Е. Ворошилова значительной фигурой в высшем руководстве СССР, хотя знали, что главой государства является не он, а Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Тем не менее, многие хотели с ним встретиться. К.Е. Ворошилову, в свою очередь, очень тяжело давалась подготовка к встречам и беседам с главами государств и правительств, членами парламентских делегаций. Во время встреч Климент Ефремович с трудом улавливал содержание вопросов, не сразу мог найти нужный ответ. В таких случаях ему подсказывали советники и помощники, поэтому встреч в узком составе Ворошилов по возможности избегал (5).

Немалые проблемы создавались К.Е. Ворошиловым при официальных визитах за границу, при вручении верительных грамот послами зарубежных государств, когда он, и так с трудом разбиравшийся в нюансах дипломатии, ввиду преклонного возраста стал плохо ориентироваться в происходившем вокруг него. В его и без того формальном участии в формировании внешней политики участились и ранее имевшие место серьезные конфузы (6). Хрущев, опасаясь непредсказуемого поведения Ворошилова за границей, старался вместе с ним отправить других членов высшего руководства СССР, статус которых позволял им осуществлять контроль за действиями Ворошилова и направлять их в нужное русло, поэтому часто, с приближением начала визита, персональный состав делегации существенно корректировался. Так, 5 апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС опросом утвердил сопровождающих К.Е. Ворошилова в ПНР: председателя президиума Верховного

Совета Белорусской ССР В.И. Козлова, секретаря ЦК КП Украины С.В. Червоненко, некоторых союзных министров и др. Но уже 14 апреля того же года, в дополнение к ранее утвержденным, в состав делегации были включены член Президиума ЦК – Секретарь ЦК КПСС Е.А. Фурцева и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС – первый секретарь ЦК КП Белоруссии К.Т. Мазуров. Но возникали проблемы при визитах в страны несоциалистического лагеря, где для приема на должном уровне был необходим высокий государственный статус, а членство в Президиуме ЦК КПСС в расчет не бралось. Поэтому даже полноправные члены Президиума ЦК вынуждены были совершать официальные визиты в данные государства в качестве «рядовых» депутатов Верховного Совета СССР.

Таким образом, Председателю Президиума Верховного Совета СССР отводилась все большая роль в реализации внешней политики СССР. Несмотря на то, что внешнеполитический курс формировался в ЦК КПСС, «советский президент», хотя и для протокола, все же был вынужден принимать множество иностранных дипломатов, официальных представителей различных стран, членов парламентских делегаций, а также глав государств и правительств.

Необходимо также отметить и участвовавшие стычки на заседаниях Президиума ЦК КПСС между К.Е. Ворошиловым и Н.С. Хрущевым, а также поддерживавшими его другими членами Президиума ЦК КПСС в ходе обсуждения выносившихся на повестку дня вопросов (7). Ворошилов, в силу возрастных изменений, все чаще стал высказывать свое мнение, не всегда совпадавшее с точкой зрения Первого секретаря ЦК, и, тем самым, с трудом стал вписываться в новый стиль работы высших органов власти при утвердившемся единоличном лидерстве Н.С. Хрущева, становившемся все менее терпимым к возражениям.

Рано или поздно, но К.Е. Ворошилов должен был покинуть свой пост, и Н.С. Хрущев вынужден был всерьез задуматься о его будущей замене. Занять обещавшую в скором времени стать вакантной должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР мечтал, по свидетельству офицера 9-го управления КГБ при СМ СССР В.И. Галюкова, его шеф Николай Григорьевич Игнатов – член Президиума ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству (8). Кадровые перестановки, произведенные в 1959 г. в советской ветви власти, указывают на то, что Н.С. Хрущев намеревался воплотить в реальность его мечту. Только подготовкой Н.Г. Игнатова к новому статусу, необходимостью проведения в будущем плавной замены можно объяснить то обстоятельство, что Игнатов на первой сессии Верховного Совета РСФСР V созыва, проходившей в Москве 15-16 апреля 1959 г., был избран председателем президиума Верховного Совета РСФСР, сохранив при этом за собой обязанности Секретаря ЦК КПСС.

16 апреля 1959 г. на заключительном заседании сессии член Президиума ЦК КПСС и фактический глава РСФСР А.Б. Аристов, рекомендуя от

имени ЦК КПСС кандидатуру Н.Г. Игнатова для избрания на пост председателя Президиума Верховного Совета республики, отметил: «В связи с большими задачами, которые призван решать Верховный Совет РСФСР, ЦК нашей партии признал необходимым, чтобы Президиум Верховного Совета Российской Федерации возглавлялся руководящим деятелем из членов Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза» (9).

Серьезность состоявшегося назначения подчеркивал орган ЦК КПСС газета «Правда», на своих первых полосах поместившая полную стенограмму выступления А.Б. Аристова с данной им характеристикой Н.Г. Игнатова: «Наша партия и советский народ знают товарища Игнатова как верного сына Родины, видного партийного и государственного деятеля, отдающего свои силы, знания и большой практический опыт делу строительства коммунизма в нашей стране, тесно связанного с трудящимися массами. Можно не сомневаться в том, что эти качества товарища Игнатова, его большой политический и жизненный опыт положительно скажутся в работе и на новом ответственном посту председателя Президиума Верховного Совета РСФСР» (10).

До Н.Г. Игнатова этот пост в течение девяти лет занимал М.П. Тарасов, являвшийся одновременно заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Именно М.П. Тарасов в отсутствие К.Е. Ворошилова (а, иногда, и в его присутствии) исполнял обязанности номинального главы государства, вел заседания Президиума Верховного Совета СССР (11). Игнатов же, сменив Тарасова, практически не исполнял обязанности председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, да и Н.С. Хрущев не мог позволить, чтобы член Президиума ЦК КПСС – Секретарь ЦК по сельскому хозяйству занимался приемом верительных грамот у иностранных послов (эту работу взяли на себя другие заместители К.Е. Ворошилова) и решением других малозначимых вопросов. О серьезных позициях Н.Г. Игнатова в высшем руководстве СССР в этот период свидетельствовала также передача ему летом 1959 г. полномочий председательствующего на заседаниях Президиума ЦК КПСС на время отсутствия Н.С. Хрущева (12).

Сложно сказать конкретно, что помешало осуществлению планов Н.Г. Игнатова. Скорее всего, до Хрущева стали доходить амбициозные речи Игнатова, его истинное отношение к нему. Игнатов, после нескольких выпитых рюмок, в своем кругу любил поговорить о том, что всю работу в ЦК тянет он, остальные бездари и бездельники, а Хрущев только штампует подготовленные им решения и произносит речи. Насторожить Н.С. Хрущева должны были и сближение Н.Г. Игнатова с другими влиятельными членами высшего руководства – А.Б. Аристовым и Е.А. Фурцевой, и попытка со стороны Игнатова установить неформальные отношения с председателем Комитета госбезопасности при Совмине СССР И.А. Серовым (13).

Вполне естественно, что Хрущев предпочитал видеть на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР преданного ему человека, не способного к измене. Частая же смена «главы государства» была

нежелательной, прежде всего, для имиджа СССР в глазах мирового общественного мнения.

Так или иначе, но Н.Г. Игнатов всего через полгода после назначения, в ноябре 1959 г., теряет пост председателя президиума Верховного Совета РСФСР, причем сделано это было как можно незаметнее. 26 ноября 1959 г. на заключительном заседании второй сессии Верховного Совета РСФСР с предложением о переизбрании председателя президиума выступил кандидат в члены Президиума ЦК – Секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов. «Правда» опубликовала его речь лишь в изложении на своей третьей странице, что резко контрастировало с торжественностью сообщения об избрании Игнатова на этот пост. Как Поспелов сообщил депутатам, ЦК КПСС признал необходимым, чтобы Н.Г. Игнатов находился на основной работе Секретаря ЦК КПСС, и, исходя из этого, внес предложение об освобождении его от обязанностей председателя президиума Верховного Совета РСФСР. На его место было рекомендовано избрать Н.Н. Органова – «рядового» члена ЦК КПСС, заместителя председателя Совета Министров РСФСР (14).

Однако вскоре, в начале 1960 г., Н.С. Хрущев вновь был вынужден всерьез задуматься о преемнике К.Е. Ворошилова, поводом чему послужило поведение Председателя Президиума Верховного Совета СССР во время совершения официального визита в Индию, проходившего с 20 января по 6 февраля 1960 г.

Формально К.Е. Ворошилов возглавлял делегацию СССР, в состав которой входили также члены Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф.Р. Козлов и Секретарь ЦК КПСС Е.А. Фурцева, направлявшаяся в Индию в качестве депутата Верховного Совета СССР. Фактически же, и Ф.Р. Козлов, и Е.А. Фурцева, находившиеся, по существовавшей на тот момент партийно-государственной иерархии, гораздо выше главы делегации, должны были контролировать действия К.Е. Ворошилова, а в случае необходимости могли и должны были сделать ему соответствующие внушения.

Особенностью визита советской делегации было то, что незадолго до него, в декабре 1959 г., Индию посетил Президент США Д. Эйзенхауэр, следствием чего стала активизация прозападно настроенных индийских кругов. В противовес этому влиянию, основной целью советской делегации ставилось содействие сотрудничеству Индии с СССР и другими странами социалистического лагеря. Однако уже в ходе самого визита, по причине оказывавшихся с принимающей стороны высоких почестей К.Е. Ворошилову не только как главе делегации, но и как главе государства, которых не удостоивались Ф.Р. Козлов и Е.А. Фурцева, «советский президент» забыл обо всех наставлениях перед визитом. Ворошилов, выдвинувшийся на первый план, чему способствовал индийский протокол, неоднократно высказывал достаточно резкие критические замечания по поводу увиденного и услышанного, не воспринимая местную культуру и обычаи. Особое раздраже-

ние Н.С. Хрущева вызвало то, что К.Е. Ворошилов стал отвергать предложенную индийской стороной программу: посещение исторических мест, памятников, парков, различных учреждений, в категорической форме потребовав показать ему рабочий класс, заводы и фабрики. И хотя требование Ворошилова индийцы постарались по возможности удовлетворить, сближению государств его поведение не способствовало. Наставления Ф.Р. Козлова и Е.А. Фурцевой Ворошилов игнорировал (15).

Через несколько дней после возвращения из Индии, 9 февраля 1960 г., К.Е. Ворошилов, Ф.Р. Козлов и Е.А. Фурцева доложили на заседании Президиума ЦК КПСС итоги своей поездки. Ф.Р. Козлов сообщил о некорректном поведении Ворошилова, что тот оборвал беседу с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру, и его грубых высказываниях в адрес сопровождавшего делегацию замминистра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова, а Е.А. Фурцева рассказала, как при выходе после осмотра из мавзолея Тадж-Махал в г. Агре Ворошилов плюнул, выразив, тем самым, свое отношение к увиденному. На заседании Н.С. Хрущев резко раскритиковал действия К.Е. Ворошилова в Индии. Этот эпизод поставил точку в терпении главы государства: Хрущев прямо заявил К.Е. Ворошилову о том, что ему следовало бы самому «попроситься на отдых» (16).

Спустя два месяца, на заседании Президиума ЦК КПСС 15 апреля 1960 г., К.Е. Ворошилов вновь подвергся резкой критике за прием 9 апреля только что вышедшего из заключения по амнистии сына И.В. Сталина – Василия Иосифовича. Раздражение в руководстве вызвала поддержка Ворошиловым В.И. Сталина, произнесенные им слова: «Пока я жив, тебя никто не тронет», и особенно то обстоятельство, что от Ворошилова Василий Сталин направился в посольство КНР с просьбой разрешить выезд в Китай для лечения и работы, что было воспринято как измена Родине. По итогам обсуждения Президиум ЦК своим решением отменил постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 г. о досрочном освобождении от дальнейшего отбытия наказания В.И. Сталина и водворении его в места лишения свободы, а поведение К.Е. Ворошилова было признано неправильным (17).

Н.С. Хрущев решил на ближайшей сессии освободить К.Е. Ворошилова от занимавшегося им поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, а также на Пленуме ЦК лишить его соответствовавшего этой должности положения полноправного члена Президиума ЦК КПСС. При подборе кандидатуры на его место, Первый секретарь ЦК остановил свой выбор на Л.И. Брежнев, являвшемся на тот момент членом Президиума ЦК КПСС – Секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу и тяжелой промышленности. Сомневаться в преданности 53-летнего Л.И. Брежнева причин у Н.С. Хрущева не было. К тому же он полагал, что, лишенный излишней самоуверенности и самостоятельности, Л.И. Брежнев будет точно следовать намеченной Хрущевым линии в реализации внешнеполитическо-

го курса. В то же время Брежневу были присущи и обаяние, и внешняя представительность.

Кадровые перестановки в высшем руководстве стали предметом обсуждения на специально созданных 4 мая 1960 г., накануне открытия 5-й сессии Верховного Совета СССР, заседаниях Президиума ЦК КПСС и Пленума ЦК КПСС: Н.С. Хрущев уже успел разочароваться в некоторых своих выдвиженцах, что предопределило кадровые перемещения, сопоставимые по своим масштабам с произведенными в июне-июле 1957 г.

В 11 часов утра 4 мая 1960 г. началось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором присутствовали не только все члены, но и прибыли все кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС. Вопрос о Председателе Президиума Верховного Совета СССР был рассмотрен первым. Н.С. Хрущев сообщил о договоренности с Ворошиловым, что тот обратится с письмом к Верховному Совету об освобождении от поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с состоянием здоровья, предложил освободить его от обязанностей члена Президиума ЦК и избрать членом Президиума Верховного Совета СССР, а обязанности главы Президиума Верховного Совета возложить на Л.И. Брежнева. Предложения Хрущева, как обычно, были восприняты с одобрением, и утверждены единогласно, без обсуждений. Но, несмотря на то, что решение Президиума ЦК КПСС, как высшего органа власти, было окончательным, а всем остальным органам власти оставалось лишь его подтвердить своим решением, отредактированный вариант данного постановления носил рекомендательный характер, с тем акцентом, что якобы исходил из пожеланий самого Ворошилова: «1. Рекомендовать сессии Верховного Совета СССР удовлетворить просьбу т. Ворошилова К.Е. об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР по состоянию здоровья. Считать целесообразным избрать т. Ворошилова К.Е. членом Президиума Верховного Совета СССР. 2. Рекомендовать сессии Верховного Совета СССР избрать т. Брежнева Л.И. Председателем Президиума Верховного Совета СССР». В том же стиле было оформлено и постановление о выводе из состава Президиума ЦК: «Освободить т. Ворошилова К.Е. по его просьбе от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС по состоянию здоровья» (18).

По окончании заседания, члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС, а также их недавние коллеги, только что лишённые этого статуса, включая К.Е. Ворошилова, перешли в зал заседаний Пленума ЦК КПСС, призванного утвердить кадровые перемещения. Как и на заседании Президиума ЦК, первым вопросом Н.С. Хрущев вынес предложение об освобождении К.Е. Ворошилова от занимаемого поста ввиду преклонного возраста и состояния здоровья, указав, что это просьба самого Ворошилова, однако не смог удержаться, и раскрыл отношение к своей отставке самого Ворошилова: «Говарищи, я думаю, что все вы понимаете, что здоровье Климента Ефремовича, – пусть он на меня не обижается, я немножко к его возрасту под-

бираюсь, а он отбивает по этому вопросу. Одним словом, трудно Клименту Ефремовичу работать сейчас, и он просит освободить его от обязанностей». Отметив его большой вклад в «строительство социалистического государства», Хрущев предоставил слово самому Ворошилову. В своей речи К.Е. Ворошилов подтвердил, что сам обратился к Президиуму ЦК КПСС с такой просьбой, правда, тут же добавил, что его просьба «совпала с желанием других товарищей», видевших, что ему «трудновато стало работать». Ворошилов под бурные аплодисменты зала обнял и расцеловал Н.С. Хрущева, а также по очереди расцеловал каждого члена Президиума ЦК. Хрущев на эмоциональном подъеме дал высокую оценку его деятельности, образно описав занимавшееся Ворошиловым место в системе власти: «Он – не маленький винтик, он довольно большим винтом был в нашей партии». Ворошилов же счел момент подходящим для того, чтобы ненавязчиво напомнить Хрущеву о своей мечте быть похороненным на Красной площади: «Я убежден, что вы меня, не так скоро, но провожать будете хорошо. Проводите, как мы, к нашему сожалению, проводили многих товарищей». На что получил краткий ответ Хрущева: «Не каркай» (19).

Рекомендацию Л.И. Брежнева для избрания на пост Председателя Президиума Верховного Совета с одновременным освобождением от обязанностей Секретаря ЦК КПСС члены Пленума ЦК встретили аплодисментами, что дало повод Н.С. Хрущеву уйти от характеристики выдвинутой кандидатуры: «Вы сами выразили свое отношение к предложению Президиума, поэтому мои речи были бы ни к чему. Я, естественно, буду говорить в его пользу, вы другого и не ждете от меня, так как я от Президиума вношу это предложение» (20). Одновременно Ворошилов, вместе с попавшими в опалу А.И. Кириченко и Н.И. Беляевым, был выведен из состава членов Президиума ЦК КПСС.

Уход Ворошилова был отмечен торжественно. 6 мая 1960 г. Президиум ЦК КПСС опросным порядком, втайне от К.Е. Ворошилова, утвердил Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. На следующий день, 7 мая 1960 г., в конце заключительного заседания 5-й сессии Верховного Совета СССР председательствующий на заседании предсовмина Латвийской ССР Я.В. Пейве огласил написанное 4 мая заявление К.Е. Ворошилова, адресованное в президиум сессии, с просьбой освободить от занимаемой должности «в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья». Вышедший на трибуну Н.С. Хрущев, не дожидаясь официального решения сессии, поблагодарил К.Е. Ворошилова за его работу, предложил избрать его членом Президиума Верховного Совета СССР, присвоить звание Героя Социалистического Труда, и, также, не дожидаясь голосования, от имени ЦК КПСС предложил избрать на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева. Зачитав заранее подготовленный проект постановления Верховного Совета, Хрущев отметил, что Брежнев всем известен, как опытный государственный

деятель, три созыва избиравшийся депутатом Верховного Совета СССР, и как опытный партийный деятель, избиравшийся в Президиум ЦК КПСС еще на XIX съезде партии, в заключение добавив: «Центральный Комитет уверен, что это – достойная кандидатура на столь ответственный и почетный пост, как пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР». В своем кратком выступлении после утверждения в должности Л.И. Брежнев поблагодарил за оказанное доверие, сделал при этом, в данной ситуации – совсем не обязательный, реверанс в адрес «верного ленинца» Н.С. Хрущева, которому, фактически, и был обязан своим новым назначением (21).

Решения Пленума ЦК КПСС от 4 мая 1960 г. уже на следующий день должны были быть опубликованы в центральных газетах. Однако неожиданно возникла сложность при обнародовании произведенных, тесно переплетенных между собой кадровых перестановок, ввиду того, что Н.С. Хрущев всегда проявлял особую озабоченность по созданию видимости соблюдения конституционных и партийно-уставных норм. Постановление Пленума ЦК КПСС «О Председателе Президиума Верховного Совета СССР» публиковать не предполагалось изначально, ввиду того, что решение этого вопроса входило в компетенцию Верховного Совета СССР. Одновременно «завис» и вывод Л.И. Брежнева из состава Секретарей ЦК КПСС, иначе необходимо было бы обнародовать его новое назначение. Также из уже подготовленного к публикации в центральных газетах информационного сообщения о прошедшем Пленуме ЦК бдительным работником было вычеркнуто освобождение К.Е. Ворошилова от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС (22), т.к. получалось, что Ворошилов сначала был освобожден от обязанностей члена Президиума ЦК, а уже потом на сессии – от поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Таким образом, в опубликованном 5 мая в «Правде» информационном сообщении о состоявшемся накануне Пленуме ЦК КПСС ни о каких кадровых перемещениях К.Е. Ворошилова и Л.И. Брежнева не говорилось.

Выход был найден в фальсификации времени проведения кадровых перестановок в отношении К.Е. Ворошилова и Л.И. Брежнева, в чем непосредственное участие принял сам Н.С. Хрущев. Постановления об освобождении К.Е. Ворошилова от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС и освобождении Л.И. Брежнева от обязанностей Секретаря ЦК КПСС были опубликованы спустя полтора месяца, после Июльского (1960 г.) Пленума ЦК КПСС. Завершая работу Пленума ЦК 16 июля 1960 г., Н.С. Хрущев заявил присутствовавшим: «Чтобы вы не были смущены, мы объявим это теперь, как решение Пленума. Мы не скажем, на каком Пленуме это решалось, а просто объявим это теперь» (23). Тем не менее, орган ЦК партии газета «Правда» 17 июля 1960 г. в информационном сообщении о Пленуме ЦК КПСС сообщила о произведенном им освобождении Л.И. Брежнева от обязанностей Секретаря ЦК КПСС в связи с избранием Председателем Президиума Верховного Совета СССР, и освобождении К.Е. Ворошилова от

обязанностей члена Президиума ЦК КПСС «по его личной просьбе» (24). Данная фальсификация перекочевала в справочные, историко-биографические и другие научные издания и учебные пособия, включая современные (25).

Таким образом, выведение К.Е. Ворошилова из состава высшего руководства СССР стало закономерным в условиях установившегося единоличного лидерства Н.С. Хрущева в партии и государстве. Политическая отставка К.Е. Ворошилова, несмотря на ее торжественное оформление, не стала заметным событием в политической жизни СССР, так как, во-первых, была ожидаемой, и, во-вторых, не внесла каких-либо изменений в баланс сил в высшем эшелоне власти страны.

1. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. академика А.Н. Яковлева. М., 1998. С. 31. (Далее: Стенограмма Июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС).
2. Там же. С. 281.
3. Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 110-111.
4. Известия. 1958. 28 марта.
5. Королев Ю.А. Кремлевский советник. М., 1995. С. 80-83.
6. Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2003. С. 311, 436, 1036 (Далее: Президиум ЦК КПСС...); Стенограмма Июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. С. 283, 284; Королев Ю.А. Указ. соч. С. 76, 79-80, 83, 92.
7. Президиум ЦК КПСС... С. 324-325, 421.
8. Хрущев С.Н. Хрущев. М., 2001. С. 122.
9. Правда. 1959. 17 апреля.
10. Там же.
11. Королев Ю.А. Указ. соч. С. 102.
12. Президиум ЦК КПСС... С. 1064.
13. Там же. С. 340-341; Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 607-608; Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 104; Сушков А.В. Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957 – 1964 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2003. С. 19-20.
14. Правда. 1959. 27 ноября.
15. Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1961. М., 1961. С. 55; Суходрев В.М. Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева... М., 1999. С. 152-159; Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 3. М., 1999. С. 353-355.
16. Президиум ЦК КПСС... С. 435-436.
17. Там же. С. 438-439, 1074
18. Там же. С. 441-442; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 450. Л. 25.
19. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 3-10; Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990. С. 274; Яковлев Н.Н. Жуков. М., 1992. С. 7.
20. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 452. Л. 11.
21. Правда. 1960. 8 мая.

22. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 450. Л. 32.
23. Там же. Д. 476. Л. 237-238.
24. Правда. 1960. 17 июля.
25. См.: Президиум ЦК КПСС // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стлб. 527; Секретариат ЦК КПСС // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 700; Хрестоматия по истории КПСС: Пособие для вузов / Сост.: В.Н. Донченко, Л.С. Леонова. М., 1989. Т. 2. С. 505; Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: Справочник. М., 1990. С. 40-41; Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923 – 1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И. Ивкин. М., 1999. С. 232, 259.

**Трифонов А.Н.
(Екатеринбург)**

Огородничество и решение продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны

Огородничество городского населения в нашей стране имеет давние традиции. По степени обеспечения городского населения огородами до войны первые места занимали Западная Сибирь, Дальний Восток, Украина, Черноземный центр. На Урале большим развитием огородничества отличались Челябинская, Свердловская и Пермская области. В Удмуртии и особенно в Башкирии и Чкаловской области - огородничество было развито слабо.

Численность огородников в ведущих уральских областях в годы войны составляла: в Свердловской - 315 тыс. (17,1 тыс. га), в Челябинской - 200 (20,1), Пермской - 140 (7,1 тыс.). По оценке известного экономиста У.Г. Чернявского в целом по стране продукция огородов покрывала примерно 1/4 всего потребления картофеля и 1/10 овощей. По нашему мнению, на Урале эти показатели никак не были меньше.

Следовательно, огородничество уже до войны приобрело немаловажное значение для повышения материального достатка рабочей семьи. В годы войны в связи с резким обострением продовольственного положения вопросы развития индивидуального и коллективного огородничества стали более актуальными. Выращивая картофель и овощи, горожане тем самым снимали с государства часть заботы об их продовольственном снабжении, облегчали государству разрешение задачи обеспечения продуктами фронта, а также населения районов, освобожденных от фашистских захватчиков. На Урале в связи с резким ростом числа рабочих и служащих развитие огородничества приобретало особое значение.

Развертыванием индивидуального и коллективного огородничества было поручено профсоюзам. Им этот участок работы был определен как основной. 5 января 1942 г. Секретариат ВЦСПС принял решение “О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих в 1942 г.”. В

этом решении всем профсоюзным организациям предлагалось провести широкую разъяснительную работу среди трудящихся о необходимости работы на огородах. Решение обязывало профсоюзные организации учесть всех рабочих и служащих, желающих получить земельные участки под огороды, наладить изготовление сельскохозяйственного инвентаря, осуществить заготовку семян огородных культур.

На предприятиях, где имелись коллективные и индивидуальные огородники, были сформированы путем выборов огородные комиссии во главе с председателем. На этих комиссиях лежала огромная организационная работа, начиная с поисков и распределения земельных участков и кончая доставкой и организацией хранения урожая огородников. Комиссии работали под непосредственным руководством местных комитетов и отчитывались о своей работе на общих собраниях огородников.

В первый год массового развития огородничества одной из основных задач было обеспечение огородников землей. Государство создало необходимые условия для развития активности и самостоятельности трудящихся в борьбе за увеличение местных продовольственных ресурсов. По постановлению ЦК ВКП (б) и СНК от 7 апреля 1942 г. под огороды выделены пустующие земельные участки в городах и поселках, свободные земли государственного фонда вокруг городов, а также колхозные участки, не занятые под посевы. В ноябре 1942 г. Совнарком СССР издал постановление о закреплении за предприятиями и учреждениями земельных участков, отведенных под индивидуальные и коллективные огороды рабочих и служащих. В результате усиливалась связь рабочих и служащих с предприятием, так как при уходе рабочий или служащий лишался права пользоваться участком. Огород сохранялся за рабочими или служащими в тех случаях, когда уход их с предприятия был вызван призывом в армию, инвалидностью или переводом на другую работу.

Огородные комиссии провели учет всех желающих иметь свои огороды и направляли в исполкомы местных Советов заявки на земельные участки. В связи с резким увеличением числа огородников проблема эта стояла в 1942 г. довольно остро. Для того, чтобы обеспечить всех желающих, огородные комиссии проводили перераспределение земельных участков. Размеры участков определялись в зависимости от количества членов семьи. На УЗТМ, например, был установлен такой порядок: 2 сотки на семью из 4 человек, 3 сотки - больше 4-х человек. Для многодетных норма увеличивалась, для одиноких уменьшалась.

В целом исполкомы Советов успешно справлялись с этой задачей. Однако в ряде городов и районов не всегда оперативно и своевременно решали вопрос обеспечения землей огородников. В исправлении этих недостатков особенно велика была роль прессы, которая заостряла внимание руководителей партийных, советских и хозяйственных организаций на имевшие место факты задержки отвода земли рабочим и служащим. Так, в марте

1942 г. “Правда” отметила, что “на 40% предприятий Свердловска, в том числе и крупнейших, не удосужились до сих пор образцово организовать индивидуальное огородничество. Газета “Труд” в передовой статье “Вовремя обеспечить огородников землей” резко критиковала некоторых советских и профсоюзных руководителей, в том числе уральских, которые медленно решали вопросы обеспечения рабочих и служащих землей. Аналогичные вопросы рассматривались в передовой “Уральского рабочего” от 1 апреля 1942 г. По исправлению недостатков были приняты оперативные меры. Так, в Свердловске планировали в 1942 г. увеличить площадь под огороды на 600 га, фактически выделили рабочим и служащим 1000 га, все заявки были удовлетворены.

В первую очередь обеспечивались землей семьи военнослужащих и инвалидов войны, им, как правило, выделялись близлежащие участки. На протяжении всей войны семьям военнослужащих и инвалидов оказывалась всевозможная помощь со стороны партийных и профсоюзных организаций. Для них огородная комиссия Кировского завода добилась вспашки земли трактором, на Чусовском металлургическом заводе, кроме вспашки, силами завода было выдано 25 т семян картофеля. На Нижнетагильском коксохимическом заводе коллектив фронтовой комсомольско-молодежной бригады проявил инициативу. После работы 20-30 человек выходили на поля и обрабатывали огороды семей фронтовиков. Эта инициатива получила поддержку у молодежи на других предприятиях города.

В связи с массовым развитием огородничества остро встала проблема охраны посевных площадей. Огородные комиссии организовали охрану посевов силами трудящихся. Хорошо она была поставлена в п. Нейво-Рудянка (Свердловская область), где комиссию возглавлял опытный огородник Ф. Братцев. Своим опытом об организации охраны посевов он поделился на страницах газеты “Труд”.

Советское государство оказало в этом вопросе помощь рабочим и служащим. Облисполкомы весной 1942 г. приняли решение об охране посевов огородников, в июне Пленум Верховного Суда СССР принял постановление “Об ответственности за повреждения посевов и урожая на коллективных и индивидуальных огородах”. Согласно этому решению над расхитителями были организованы показательные суды.

Огородные комиссии сделали в 1942 г. первые шаги по пропаганде агротехнических знаний. С этой целью организовывались лекции, проводились беседы и консультации ученых и опытных огородников. Место для консультации по агротехнике отвели на своих страницах вслед за центральными изданиями (“Правда”, “Известия”, “Труд”) некоторые областные, городские и многотиражные газеты. Предприняты были меры по обеспечению огородников сельскохозяйственным инвентарем. Хотя в первый год полностью разрешить эту проблему не удалось.

Первый год развития индивидуального огородничества в условиях войны дал неплохие результаты. Значительно увеличилось число огородников.

В 1942 г. на Кировском заводе насчитывалось 22 тыс. человек огородников, на Магнитогорском - 16,5 тыс., Уралмаше - 15 тыс., Серовском металлургическом заводе - 9,4 тыс., Лысьвенском - 6,1 тыс. В Свердловской области число огородников составило 500 тыс. человек, в Челябинской - 275 тыс., в Пермской - 205 тыс., что превысило довоенную численность примерно в 1,5 раза. А всего в стране насчитывалось в том году 5 млн. огородников.

Огородники получили неплохой урожай. В Свердловской области урожайность картофеля составляла свыше 90 ц с га, овощей 80 ц с га, что было выше, чем в колхозах и подсобных хозяйствах. Валовый сбор картофеля с огородов по области составил свыше 220,5 тыс.т, в то время как совхозы и подсобные хозяйства получили 172,1 тыс.т. Он покрывал 38,4% всей потребности в этом важном продукте питания. Кроме того было с индивидуальных огородов получено 11,2 тыс.т овощей.

Расширение индивидуального и коллективного огородничества было составной частью мероприятий, направленных на перестройку системы снабжения применительно к военным условиям. В течение 1942 г. эта задача в основном была выполнена. Ее успешное решение сыграло важную роль в обеспечении трудящихся картофелем и овощами в 1942 г., самом тяжелом в продовольственном отношении периода, когда централизованные ресурсы значительно сократились и были самыми низкими за всю войну.

Итоги первого года работы были тщательно проанализированы. 11 марта 1943 г. Президиум ВЦСПС обсудил вопрос “О работе профсоюзных организаций по дальнейшему развитию индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих”. С докладом выступил член Оргбюро ЦК ВКП(б), председатель ВЦСПС Н.И. Шверник. В постановлении по докладу указывалось, что развитие огородничества - важнейшая задача профсоюзных организаций. На выполнение этой задачи был мобилизован весь профсоюзный актив: более 100 тыс. профсоюзных активистов работало в огородных комиссиях. При ВЦСПС был создан Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих, который возглавила член ЦК ВКП (б), секретарь ВЦСПС К.И. Николаева.

На местах также всесторонне был обобщен накопленный опыт. Он был наиболее полно использован в 1943 г. Местные органы власти усилили внимание огородников. Начиная с 1943 г., перед каждой весенне-посевной кампанией на огородах, бюро обкомов партии совместно с облисполкомами рассматривали задачи дальнейшего развития огородничества. Так, в апреле 1943 г. этот вопрос был обсужден на заседаниях бюро Пермского, Челябинского и Свердловского обкомов.

Наделение земель огородников в 1943 г. проходило на более высоком уровне, чем в 1942 г., хотя число желающих значительно возросло. В Челябинской области на 25 апреля 1943 г. 95% огородников получили зем-

лю. В Пермской области весной 1943 г. под огороды отвели 158 тыс. га, что было на 14% больше установленного плана.

Для огородов использовался каждый клочок пригодной земли. В городах и рабочих поселках стали лучше разрабатывать землю в самом городе: газоны, скверы, площади, участки между домами засадили картофелем, использовалась пригодная площадь на территории заводов. Продолжалось освоение целинных земель.

Во второй год развития огородничества во время войны значительно улучшилось обеспечение рабочих и служащих сельскохозяйственными орудиями. Его изготовление наладили предприятия местной промышленности. Кроме того, в 1943 г. на большинстве промышленных предприятий орсы организовали выпуск сельскохозяйственного инвентаря в количестве, полностью удовлетворяющем потребности огородников. Так, если на Уралмаше в 1942 г. изготовили 11 тыс. лопат, граблей и орудий, то в 1943 г. - 18,1 тыс. Чусовской металлургический завод обеспечил своих огородников инвентарем, изготовив в своих цехах 2500 лопат, 500 орудий, 300 граблей, на Кировском заводе соответственно - 522, 5000 и 1350. орсы и торговые предприятия Кизеловского бассейна продали рабочим и служащим 5 тыс. лопат, 1,2 тыс. граблей, 500 ведер и леек. Кроме того, рабочие с разрешения администрации сами изготавливали сельскохозяйственный инвентарь во вне-рабочее время. Так, на коксохимическом заводе (г.Н-Тагил) по инициативе начальника цеха Убоженко огородники, кроме мелкого инвентаря, изготовили электропуг.

На страницах уральских газет стали чаще помещаться консультации по агротехнике, которые давали видные специалисты сельского хозяйства. Так, в "Звезде" летом 1943 г. был открыт отдел "В помощь огороднику", который вел доцент В.А. Брызгалов. В "Уральском рабочем" часто выступал академик И.Г. Эйхвельд, много сделавший для развития огородничества в Свердловской области. Пропаганде агротехнических знаний способствовали брошюры и плакаты для огородников, изданные в 1943 г. центральными и местными издательствами. По радио были проведены беседы на сельскохозяйственные темы, организованы консультации специалистов.

1943 г. стал новым этапом в развитии огородничества. Число огородников в Пермской области по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 110 тыс. и достигло 315 тыс., что составило 150% к 1942 г., в Свердловской - соответственно 300 тыс., 780 тыс. и 158%, в Челябинской соответственно - 200 тыс., 475 тыс. и 169%. По стране численность огородников в 1943 г. достигла 11,8 млн., посевная площадь 796 тыс.га, что больше чем в 1942 г. соответственно в 2,3 и 1,6 раза.

Вовлечению в огородничество основной массы трудящихся в 1943 г. способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, продовольственное положение оставалось крайне тяжелым. Во-вторых, многие рабочие, не имевшие своего участка, убедились в выгоде огородничества, так как

цены на картофель и овощи на рынке значительно выросли. В-третьих, организаторская работа профсоюзов значительно улучшилась во вторую военную весну. Огородные комиссии организационно окрепли, приобрели необходимый опыт. Огородники стали получать больше помощи в приобретении семенного материала, орудий труда.

В целом по стране в 1943 г. произошло увеличение урожайности на индивидуальных огородах. Так, урожайность всех культур, которые возделывали огородники. Возросла с 40 ц в 1942 г. до 70 ц в 1943 г. Однако на Урале урожайность овощей и особенно картофеля из-за неблагоприятных погодных условий значительно снизилась до 50-60 ц.

Сложный на Урале для сельского хозяйства 1943 г. выявил слабые стороны в работе огородных комиссий. Они, проделав большую работу во время посевной кампании, затем не уделяли должного внимания уходу за посевами. Недостаточно вносилось удобрений, здесь отрицательно сказывалась отдаленность некоторых участков, которые находились за чертой города. Не все огородники были охвачены агротехнической учебой, а собственным опытом большинство не располагало. Хотя агротехническая пропаганда в 1943 г. по сравнению с 1942 г. сделала значительный шаг вперед, она еще не отвечала требованиям массового развития огородничества. Весьма характерно, что на тех предприятиях, где агротехнике уделяли должное внимание, урожайность была на уровне 1942 г.

Высшие органы страны усилили внимание к проблемам огородничества. Так, ЦК ВКП(б) весной 1944 г., учитывая, что огородничество превратилось в одно из самых эффективных средств решения проблемы обеспечения продовольствием населения, впервые в годы войны специально рассмотрело вопрос о развитии индивидуального и коллективного огородничества. XII пленум ВЦСПС (апрель 1944 г.) в соответствии с этим решением наметил конкретную программу действий профсоюзных организаций в этом направлении. Пленумы Челябинского, Свердловского и Пермского обкомов, обсуждая вопросы развития собственной продовольственной базы, рассмотрели также проблемы огородного движения. В своих решениях по этому вопросу бюро вышеуказанных обкомов значительно больше, чем прежде уделили внимания таким специфическим проблемам агротехнической учебы, обеспечения семенами, использование органических удобрений.

В связи с плохим урожаем 1943 г. сложилось исключительно тяжелое положение со снабжением огородников семенами картофеля. Достаточно сказать, что в Свердловской области обеспеченность составляла в феврале месяце 26%. Положение осложнялось тем, что колхозы и подсобные хозяйства области засыпали семенного картофеля чуть больше половины потребности в нем. Не менее сложное положение было в других областях Урала.

Для решения семенной проблемы были подключены орсы, которые при организации закупок и заготовок семян обязаны были предусмотреть полное удовлетворение потребности индивидуальных огородников. Про-

блема обеспечения семенами картофеля огородников была решена следующими путями. Во-первых, государство выделило специальные фонды для огородников, которые были распределены через горсоветы. Во-вторых, из своего семенного фонда орсы и подсобные хозяйства выделили рабочим и служащим на льготных условиях семенной материал. Так, Серовский металлургический завод выделил 45 т, а другое оборонное предприятие города - 70 т, Уралалюминспецстрой продал рабочим 10 т верхушек клубней. Ряд предприятий полностью обеспечил потребности огородников таким путем. В-третьих, огородные комиссии сами организовали заготовку семян. Они выделяли своих представителей, которые выезжали в отведенные районы заготовок. В Серове огородные комиссии заготовили 840 т картофеля, в Нижнем Тагиле - 1837 т, на Уралмаше - 176 т. В-четвертых, были организованы индивидуальные выезды рабочих и служащих для закупки картофеля. Такой выезд был возможен лишь по справке горсовета. Например, в Серове было выдано 2700 таких разрешений, что позволило заготовить 100 т семенного картофеля.

В 1944 г. удалось обеспечить трудящихся семенами картофеля. В 1945 г. на основе хорошего урожая 1944 г. эта проблема была решена со значительно меньшим напряжением.

Важнейшей задачей в 1944-1945 гг. было увеличение посевов овощей на индивидуальных огородах. В 1940 г. по Свердловску доля овощей в общих посевах огородников составляла 8%, в Нижнем Тагиле - 6%. За годы войны (1941-1943 гг.) произошел некоторый рост не только абсолютных площадей посадок овощей, но и повысился их удельный вес. Так, в вышеуказанных городах он составлял в 1943 г. 10-11%. Однако в огородничестве продолжал резко преобладать картофель. Это объясняется различными причинами. Овощные культуры более трудоемки, чем картофель. Уход за ними сложнее и требует больших навыков. Овощные посевы, кроме того, нуждаются в более частой их обработке, а это имеет немаловажное значение для огородника-горожанина. Традиционно высокий вес картофеля в структуре питания уральцев и рост цен на него на рынке также предопределили резкое преобладание этой культуры среди других. На Урале, кроме того, на размеры площади под овощами сказывалось неудовлетворительное снабжение огородников семенами.

Для увеличения посевов овощей на огородах рабочих и служащих необходимо было прежде всего решить семенную проблему. Правительство оказало в этом деле уральцам значительную помощь. Так, Свердловская область получила в 1944 г. согласно постановлению ГКО 15 ц семян капусты, 100 ц моркови, 200 ц свеклы, 70 ц лука, 70 ц огурцов. Часть из них была выделена огородникам. Кроме того, орсы, которые имели значительное количество теплиц и парников, сумели сами организовать выращивание семян овощей. В результате удалось значительно улучшить снабжение огородни-

ков семенами. Это способствовало увеличению посевов моркови, свеклы, лука и других овощей на участках рабочих и служащих.

Особенно значительно увеличились посевы капусты. Эту культуру отличает не только наличие большого количества полезных веществ, но и высокая урожайность. Передовые огородники г.Свердловска обратились ко всем трудящимся Свердловской области с призывом расширить площади под капусту на индивидуальных огородах. Рабочие и служащие Свердловска, Нижнего Тагила, Первоуральска и других промышленных центров области поддержали почин передовых огородников и решили посадить не менее 100 корней капусты на каждом индивидуальном огороде. Бюро Свердловского обкома 30 мая 1944 г. приняло постановление “О посадке капусты на индивидуальных и коллективных огородах”.

Была широко развернута пропаганда агротехнических правил посадки и выращивания капусты. По этому вопросу на предприятиях и учреждениях специалисты прочитали доклады, состоялись собрания огородников, где выступили руководители партийных и профсоюзных организаций. Областная газета “Уральский рабочий”, городские и многотиражные газеты ввели рубрику: “Посадить 100 корней капусты - долг каждого огородника”, в которых освещали ход посадки, давались агротехнические консультации, делились опытом передовые огородники.

Выращивание рассады организовали подсобные хозяйства, сами огородники, кроме того помогли колхозы. Одним из пунктов предмайского социалистического соревнования рабочих ВИЗа было записано: “Вырастить 50 тысяч корней капусты”. Фронтная бригада, которую возглавлял прославленный вальцовщик В.Ф.Оборин, приняла на себя обязательство вырастить не менее 100 кочанов капусты и вызвала на соревнование другую фронтную бригаду. Визовцы значительно перевыполнили взятые обязательства и посадили 500 тыс. корней капусты. Всего в г.Свердловске высадили почти 25 млн. штук рассады, в Нижнем Тагиле - больше 20 млн., что составляло в среднем на одного огородника 159 корней.

В 1945 г. задача, чтобы каждый огородник посадил 100 корней капусты, была поставлена вновь. Практически это способствовало росту посевов капусты. Аналогичную работу примерно с такими же результатами провели в Челябинской области.

В 1944-1945 гг. удалось значительно увеличить посевы овощей. В Свердловске их удельный вес к общим посевам составил 18%, в Нижнем Тагиле - 20%, в Серове - 18%, а всего по области 18%. Это позволило получать с огородов не только картофель, а также свеклу, морковь, капусту и другие овощи, что значительно разнообразило питание тружеников тыла в трудные годы войны.

Характерной особенностью работы огородных комиссий на заключительном этапе войны было усиление внимания к вопросам агротехники. Огородники приняли активное участие в развернувшемся движении “сде-

лать третью военную весну - весной высокой агротехники". Они участвовали в слетах передовиков сельского хозяйства, областных и городских агротехнических совещания. Сессии горсоветов, обсуждавшие вопросы подготовки к весеннему севу, как правило, проходили с участием актива огородников.

Широкое распространение получили специальные семинары для членов огородных комиссий. Наряду с лекциями на них заслушивались сообщения передовых огородников, обобщался их опыт. Для повышения агротехнических знаний рабочих и служащих с ними проводились занятия, организовывались различные кружки. При горкомах и райкомах партии были созданы агрокабинеты, где огородники получали консультации и необходимую литературу.

В городах проходили собрания огородников, которые обсуждали задачи повышения урожайности. В них принимали участие руководители области и городов. Так, в работе общего собрания огородников г. Свердловска в апреле 1944 г. участвовали первый секретарь обкома В.М. Андрианов, первый секретарь горкома В.В. Косов, председатель горсовета В.Ф. Головин.

Пропаганда агротехнических знаний приняла невиданный ранее размах. Было создано большое число лекторских групп. Газеты значительно расширили публикацию статей по агротехнике. В 1944-1945 гг. не было ни одной газеты, которая не имела бы отдела "В помощь огороднику". Такая рубрика также была постоянной в стенных газетах. Радио увеличило количество передач, посвященных огородничеству. В кинотеатрах демонстрировались фильмы по агротехнике возделывания огородных культур. Таким образом все средства массовой информации в значительно больших масштабах, чем ранее, использовались для пропаганды агротехнических знаний среди населения.

Огородные комиссии с помощью партийных организаций добились в 1944-1945 гг. значительного улучшения обработки почвы. Большое внимание уделялось увеличению вывоза удобрений на поля. Так, в 1944 г. в Железнодорожном районе г. Свердловска уже в феврале провели двухнедельный по очистке города: с вывозом всех пригодных удобрений на поля огородников.

На предприятиях был организован общественный контроль за выполнением каждым огородником взятых обязательств по уходу за своим огородом. Профсоюзные организации выделили уполномоченных (общественных инспекторов) по качеству, за которыми закреплялось от 100 до 500 огородников. Общественные инспектора по качеству выбирались из числа огородников, которые сами имели прекрасные участки и хорошо знали агротехнику, или которые раньше были связаны с сельским хозяйством. На промышленных предприятиях, где было не менее 1 тысячи огородников, председателей комиссии освободили на июль-август от основной работы. Для оказания агротехнической помощи огородникам были выделены агрономы ГОРЗО и подсобных хозяйств.

На большинстве предприятий Урала, в целях лучшей организации ухода за посевами, парткомы и завкомы организовывали массовые выходы рабочих и служащих на свои участки в выходные дни.

Таким образом, в 1944-1945 гг. была значительно улучшена работа по внедрению агротехники на поля рабочих и служащих. Улучшилась обработка почвы и уход за посевами, значительно больше стало вноситься удобрений. Это стало возможным в результате повышения агротехнического образования трудящихся и налаживанию действенного контроля.

Улучшению работы на индивидуальных огородах способствовало соцсоревнованию между огородниками. Были разработаны меры морального и материального поощрения трудящихся, которые получили хороший урожай. Было утверждено звание “Почетный огородник” с вручением грамоты горкома ВКП(б) и горсовета, лучшие огородники допускались к участию в городских сельскохозяйственных выставках. Для них устанавливались денежные премии и выделялись промтовары. Так, в Нижнем Тагиле в 1944 г. установили следующие премии: 15 первых - по 1 тыс.рублей, 15 вторых - по 500 рублей, 15 третьих - по 300 рублей. Кроме того, для поощрения огородников выделили 500 кубометров дров, 500 т угля, промтоваров на 100 тыс. рублей.

В 1944 г. возникло соревнование между городами за получение высоких урожаев на индивидуальных огородах. 16 июля 1944 г. “Уральский рабочий” опубликовал обращение нижнетагильцев: “К огородникам Свердловска и Свердловской области”, в котором они призвали трудящихся области бороться за высокие урожаи и вызвали на соревнование огородников Свердловска. Этот вызов был принят. В Челябинской области такое соревнование развернулось между Челябинском и Магнитогорском, Миассом и Златоустом. Это соревнование способствовало улучшению работы огородных комиссий. Не случайно огородники вышеназванных городов получили в своих областях самые высокие урожаи.

Огородники уральских предприятий неоднократно выходили победителями Всесоюзного социалистического соревнования. Так, по итогам 1944 г. среди предприятий танковой промышленности победителями были названы огородники Уралмаша и Уралвагонзавода, среди предприятий черной металлургии - Лысьвенский и Чусовской заводы.

Улучшение агротехники, организация соревнования позволили увеличить урожайность на индивидуальных огородах. Так, в 1944 г. в Свердловской области было собрано 130 ц картофеля и 100 ц овощей с 1 га. Это в 2 раза превышало показатели подсобных хозяйств. Значительно увеличилась урожайность также у огородников Челябинской и Пермской областей.

В 1944-1945 гг. продолжалось дальнейшее увеличение численности трудящихся, которые занимались огородничеством, заметно выросли площади под огороды. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1.

Как свидетельствуют данные таблицы, численность огородников и площадь обрабатываемых ими земель возрастали во время войны каждый

год. Темпы развития огородничества по областям были примерно одинаковы. (По стране в 1944 г. было 16,5 млн. огородников, ибо почти в 1,5 раза было выше, чем в 1943 г.).

Таблица 1

Развитие массового огородничества на Урале в 1940-1945 гг.

Области	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Свердловская	<u>315,0*</u> 17,1	<u>500,0</u> 20,0	<u>679,0</u> 41,4	<u>850</u> 44,6	<u>860</u> 48,9
Челябинская	<u>200</u> 20,1	<u>276,2</u> 22,5	<u>476</u> 30,0	<u>514</u> 41,7	<u>545,5</u> 45,8
Пермская	<u>140</u> 7,1	<u>205,2</u> 10,3	<u>315,7</u> 14,7	нет данных	<u>390</u> 17,5
В с е г о	<u>655</u> 44,3	<u>981,4</u> 52,8	<u>1581,7</u> 86,1	-	<u>1795,5</u> 112,2

* В числителе - численность огородников (тыс. человек), в знаменателе - площадь земли под огородами (тыс.га).

Общая численность огородников в 1945 г. по трем ведущим уральским областям составила 1 млн. 800 тыс. человек, что почти в 3 раза больше, чем в 1940 г. В ряде городов темпы роста были значительно выше. Так, в Нижнем Тагиле численность огородников за этот период возросла в 6 раз, а в Златоусте более чем в 15 раз. К концу войны более 90% уралмашевцев имели участки, а в Нижнем Тагиле почти все рабочие и служащие занимались огородничеством. На ряде челябинских заводов (Кировском, им. Коллющенко, цинковом и других) охват огородничеством трудящихся составлял свыше 85%.

Посевная площадь под огороды, как видно из таблицы, за годы войны выросла по трем областям в 2,5 раза. Ее удельный вес в общих посевных площадях картофеля составлял почти одну треть, что было больше, чем в подсобных хозяйствах и немногим меньше, чем в колхозах.

Таким образом, в 1944-1945 гг. по сравнению с 1943 г. увеличилась как площадь обрабатываемых трудящимися земель, так и урожайность. Это позволило собрать валовый сбор картофеля значительно больший, чем в предыдущие годы. Так, в 1944 г. в Свердловской и Пермской областях вало-

вый сбор картофеля на огородах рабочих и служащих в 2 раза превышал показатели 1943 г.

Свердловская, Челябинская, Пермская области относились к самым высокоразвитым районам страны по степени развития огородничества, где им было охвачено большинство рабочих и служащих. Темпы его развития превысили среднесоюзные и среднереспубликанские показатели, слабее огородничество было развито в других регионах Урала.

Урожайность на огородах была выше, чем в подсобных хозяйствах, колхозах и совхозах. Большинство уральских огородников на целый год обеспечивали себя картофелем. Он стал основным продуктом питания, многих спас от голода, помог выжить в трудное время. Можно говорить, что успешное развитие огородничества стало возможным потому, что оно было поднято на государственный уровень, стало составной частью государственной политики. На местах эту политику осуществляли партийные комитеты, которые по сути являлись государственными органами. Они определяли основные задачи, контролировали их выполнение, оказывали непосредственную помощь.

За годы войны структура питания населения претерпела серьезные изменения. Годовое потребление хлеба, мяса, рыбы составляло в 1944 - 1945 гг. примерно столько же, сколько накануне войны (при худшем качестве). Значительно уменьшилось потребление масла животного с 4,5 до 2,4 кг в год, сахара - с 4,5 до 2,4 и т.д. В то же время потребление картофеля выросло с 62 кг до 1940 г. до 244 кг в 1945 г., т.е. в 4 раза! Примерно такая же картина наблюдалась по капусте и овощам. Следовательно, если рацион питания уральских рабочих до войны можно было назвать в основном хлебным, то в годы войны - картофельным (в конце войны - картофеле-капустным).

В случае необходимости картошку можно было приобрести на рынке, где она в результате массового развития огородничества была значительно дешевле, чем другие продукты питания. Так, в начале 1943 г., наиболее сложного в продовольственном отношении периода, картофель стоил на уральских рынках от 35 до 70 руб. за кг, в то время как мясо - от 300 до 400 руб. за кг, масло животное - 1000 - 1200 руб. за кг. (Средняя зарплата на танковых заводах составляла 8 - 10 тыс. руб. в месяц, в металлургическом комплексе - 5 - 7 тыс. руб.) Цены на продукты растениеводства снижались значительно быстрее, чем животноводства. И в 1945 г. килограмм картошки можно было купить за 8 - 10 руб.

Картофельно-овощные заботы стали составной частью жизни горожан, во многом определяли их быт. Внешний вид городов, жилых районов и даже заводов, не говоря уже о жилье, имели четко выраженный огородный элемент: разработанные участки, рассада, самый различный инвентарь, плакаты, соответствующая литература и т.д. Картофельная тематика соперничала в разговорах с такими глобальными проблемами как: положение на фронтах, отоваривание карточек, погода, да и то, последние две были окрашены в

картофельные тона. На эту тему пели частушки, писали стихи. Вот что написал об огородниках Верх-Исетского завода свердловский поэт Евгений Фейерабенд:

В час, когда на солнце греться
 Будет вешняя земля
 Выходите, верх-исетцы,
 В огороды и поля!
 Труд не будет без награды
 Лишь бы по полю легли
 Черно-бархатные гряды
 Светло вскопанной земли
 Снова визовец поднимет
 Заступ крепкою рукой
 Урожай под осень снимет
 Кто потрудится весной

“Если бы не картошка, умерли бы...”, - единодушно считают те, кто пережил войну в тылу. В Болгарии бытует поговорка, что фасоль помогла пережить турецкое иго. Аналогичное высказывание применительно к военной поре, можно употреблять и к нашей "картошке".

Приложение

**Годовое потребление продуктов питания
 (в расчете на 1 члена рабочей семьи Свердловской области), кг**

Продукты	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1944 г.	1945 г.
Хлебные	221,148	197,476	203,515	313,330	222,083
Картофель	61,996	93,216	102,965	196,081	244,081
Капуста	8,896	7,313	14,782	33,057	38,505
Прочие овощи	8,775	8,416	7,391	29,973	25,175
Фрукты, ягоды	2,676	2,380	1,196	0,897	2,015
Молоко, л	42,268	44,698	31,015	89,032	77,372
Мясо	10,258	10,040	8,013	14,085	11,671
Масло животное	1,438	1,506	1,880	1,919	0,743

С а л о	0,213	0,144	0,277	1,659	2,757
Сельди	1,405	1,237	1,407	2,594	1,167
Рыба и рыбные консервы	4,271	3,203	3,697	7,477	3,992
Масло раст.	0,882	0,713	0,931	4,054	2,852
Сахар	4,506	4,950	2,367	1,930	2,396
Конфеты, шоколад, варенье, мед	3,399	2,107	0,953	0,633	0,753

**Троценко Н.Н.
(Нижневартовск)**

Коллективизация в северных национальных округах Уральской области

В условиях сплошной коллективизации, начавшейся по всей стране, на заседании бюро Тобольского окружного комитета ВКП (б) от 10 ноября 1930 г. по вопросу о коллективизации на Севере была вынесена резолюция «О новых задачах советов в связи с широко развертывающейся коллективизацией», отметившая, что «...перспективы коллективизации на лицо. Рыбачьи артели, групповая охота на зверя и т. п., они имели и имеют форму бытового объединения, но эта форма не соответствует социалистическим формам организации труда» (1). Однако, крестьянская ссылка и связанные с ней проблемы отодвинули вопросы коллективизации здесь на какое-то время. В постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР по этому поводу отмечалось, что на Крайнем Севере можно проводить коллективизацию, но нельзя ставить задачу немедленной сплошной коллективизации. VII пленум предлагал: «Коллективизацию туземных хозяйств проводить при условии наличия окрепших органов власти (тузриков и тузсоветов) и окрепших интегральных кооперативов» (2).

На заседании XI Уральской областной партконференции в январе 1932 г. констатировалось о завершении в основном сплошной коллективизации в сельскохозяйственных районах Урала. К началу 1932 г. колхозы объединили там до 66 % крестьянских хозяйств (3). Данные сведения можно было признать лишь по отношению к южным районам Уральской области, а по северным районам отмечалось, что в области производственного коопериро-

вания и коллективизации Интегральная кооперация первоначально имела промахи, а именно: механически были перенесены методы и формы коллективизации передовых районов (смешанная артель с обобществлением всех орудий труда и средств производства), что привело к неправильному пути выполнения заданий социально-технической реконструкции хозяйства. Поэтому с целью исправления ошибок часть колхозов переводилась на уставы простейших производственных объединений, наиболее соответствующей стадии развития хозяйства Севера (4).

1 сентября 1932 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» и указал на организацию там только первичных форм производственного кооперирования. Пакет постановлений по коллективизации в северных районах был призван ускорить организацию коллективных хозяйств, однако, планы принимались, но не выполнялись (5). Коллективизация по-прежнему шла с большим трудом.

После принятия мер борьбы с искривлениями и перегибами в коллективизации на Севере количество колхозов почти не сократилось, количество же хозяйств в колхозах увеличилось. По Остяко-Вогульскому округу прилив в колхозы произошёл за счет, главным образом туземных хозяйств (228 хозяйств). Прилив же в колхозы коми-русских хозяйств дал 68 хозяйств. Таким образом, рост за год выразился в 296 хозяйств. По Ямальскому округу вновь влилось в колхозы туземных хозяйств 56, и отлив коми-русских хозяйств выразился в 45 хозяйств. Следовательно, общий рост выразился в 11 хозяйств (6).

По Остяко-Вогульскому округу на 1 января 1933 г. процент коллективизации выражался в 42, 8 %; на 1 июля 1933 г. – 42, 9 %, в том числе туземных хозяйств по состоянию на 1 января 1933 г. – 30, 3 %, на 1 июля 1933 г. – 36, 3 %. Видно, что имевшие место «перегибы» были поправлены еще не полностью и переход от сложных форм коллективных к простейшим производственным объединениям еще не завершился. Так, смешанная промышленная артель по Ямальскому округу ликвидирована только одна, а коммун в Ямальском округе не имелось. В Остяко-Вогульском округе были ликвидированы все 5 коммун. Количество ППО увеличилось по Ямальскому округу с 3 до 8; по Остяко-Вогульскому – с 8 до 23. Удельный вес хозяйств в ППО вырос по обоим округам: по Ямальскому округу с 0, 7 % до 2, 2 % и в Остяко-Вогульском – с 2, 5 % до 5, 7 % (7).

Следовательно, развертывание коллективизации произошло на рубеже 1932-1933 гг., однако, ожидания ее быстрых темпов не оправдались. Коллективизация на Севере запаздывала, тому были объективные причины.

1. Алексеева Л.В. Экономическое развитие северных районов Уральской области (1923-1934 гг.) // Западная Сибирь: История и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 78.

2. Михалев А. К вопросам снабжения Севера // Советский Север. Общественно-научный журнал Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. 1932. № 3. С.5-6.

3. История коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. документов и материалов (1927-1937). Пермь, 1983. С. 15.
4. Кузнецов Н. Некоторые итоги деятельности Интегрального кооператива на Крайнем Севере // Советский Север. Общественно-научный журнал Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. 1932. № 6. С. 27.
5. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф.Р- 88. Оп. 5. Д. 110. Л. 15.
6. ГАСО. Ф.Р- 88. Оп. 5. Д. 110. Л. 12.
7. ГАСО. Ф.Р- 88. Оп. 5. Д. 110. Л. 13.

**Черезова О.Г.
(Екатеринбург)**

Динамика брачности сельского населения Урала во второй половине XX века

На протяжении второй половины XX века наблюдались неблагоприятные изменения численности и половозрастного состава сельского населения Уральского региона. Кроме того, шел процесс снижения рождаемости, что, наряду с миграционным оттоком, приводило к сокращению числа селян и увеличению доли пожилых людей в составе сельского населения.

Определенное воздействие на воспроизводство сельского населения Урала оказала динамика брачности. Разумеется, нельзя утверждать однозначно, что снижение брачности приводит к снижению рождаемости, так как часть детей рождается вне брака, но определенная связь между этими процессами, несомненно, существует. Тем более в сельской местности, где традиции сохранялись дольше.

Изменение числа браков и уровня брачности в сельской местности Урала в 1950-80-е гг., в свою очередь, было связано с изменениями половозрастной структуры населения региона; увеличением и сокращением численности тех возрастных групп, на которые приходится основное число заключаемых браков. Так, с начала 1960-х гг., когда в брачный возраст вступило малочисленное поколение первой половины 1940-х гг. рождения, сократилось как число ежегодно заключаемых браков, так и коэффициент брачности. Если в 1959 г. он составлял 10,2‰, то в 1961 – 8,2, а в 1965 г. – 7,1‰. Падение уровня брачности продолжалось до начала 1970-х гг., затем показатель вновь начал увеличиваться и достиг максимума к середине 1980-х гг. (10,3‰).

В целом динамика брачности в сельской местности Урала аналогична динамике рождаемости и выглядит волнообразно. Наиболее высоким уровень брачности был во второй половине 1950-х гг. С начала 1960-х гг. как число браков, так и коэффициент брачности стремительно падают. Показатель достиг минимума в 1964-65 гг. Со второй половины 1960-х гг., когда в брачный возраст вступило относительно многочисленное поколение селян

послевоенных лет рождения, число ежегодно заключаемых браков начало расти. Этот процесс продолжался до рубежа 1970-х-1980-х гг., но количество ежегодно заключаемых браков так и не достигло той величины, что во второй половине 1950-х гг., что связано с сокращением общей численности сельского населения. В 1980-е гг. число браков и коэффициент брачности вновь начинают уменьшаться. Показатель снизился до 7,6-8,8%. Причиной такого сокращения явилось очередное снижение численности молодежи (в брачный возраст вступило малочисленное поколение второй половины 1960-х гг. рождения). Последствия «провала» рождаемости были усугублены процессом «старения» сельского населения региона.

При этом на протяжении 1950-80-х гг. уровень брачности в сельской местности индустриальных областей Урала оказывался ниже, чем в городской. Хотя, казалось бы, на селе нормы традиционного семейного поведения должны сохраняться дольше, чем в городах, и уровень брачности должен быть выше. Такое несоответствие явилось следствием деформации возрастной структуры сельского населения и «вымывания» в процессе миграций населения младших возрастных групп, на которые обычно приходится основная часть заключаемых браков.

Таким образом, динамика брачности в сельской местности Урала испытывала влияние изменений численности и половозрастной структуры сельского населения, отражала изменения в уровне рождаемости, и в свою очередь, сама оказывала влияние на процесс воспроизводства населения на селе.

**Чернышева Е.В.
(Курган)**

Образ земства в творчестве уральских писателей XIX века

Организация и деятельность губернских и уездных земств, как органов местного самоуправления, с самого начала привлекала к себе внимание не только профессиональных исследователей, но и литераторов. Свой вклад в освещении этой темы внесли уральские писатели, среди которых выделяются, прежде всего, Н.Н. Блинов и А.В. Круглов. Однако их литературное наследие по земской тематике до сих пор не попадало в поле зрения исследователей, что обусловило желание восполнить данный пробел и показать суждения авторов.

Николай Николаевич Блинов (род. в 1839 г.) был незаурядной личностью: известным педагогом, писателем, подвижником народной школы. Выходец из Вятской губернии, он происходил из семьи священника, и после окончания Вятской духовной семинарии в 1861 г. стал священником в бедном и глухом селе Карсавай Глазовского уезда. Жили здесь в основном удмурты и пермяки, которые в то время значительно отставали в своем разви-

тии. Среди тяжелой материальной обстановки, Н.Н. Блинов пробыл три года, внося посильный вклад в просвещение местного населения. Им была составлена азбука для удмуртов («Льдзон»), написаны статьи по этнографии края (1).

В год издания Земского Положения он был переведен в село Бахту, недалеко от Вятки, где создал образцовую народную школу, составил несколько учебных пособий и написал ряд статей педагогического содержания, проникнутых желанием пробудить в учащихся стремление к знаниям. Незаурядная деятельность священника на педагогическом и отчасти на публицистическом поприще вызвала недоброжелательное отношение местной администрации. Н.Н. Блинову пришлось оставить Бахту и перебраться сначала в город Нолинск, на должность преподавателя Духовного училища, а потом в Вятку. Здесь он близко знакомится с деятелями вятского губернского земства, принимает участие в организации земской Учительской семинарии.

Среди других земств России Вятское губернское земство в то время выделялось своим демократическим составом. Наряду с Пермским губернским и Олонецким уездным земством Вологодской губернии оно входило в триаду «крестьянских» земств. Еще одной его яркой чертой была широкая постановка мероприятий социально-экономического характера, направленных на повышение культурного уровня местного населения и помощь в хозяйственных делах. С 1894 г. Вятская губернская земская управа еженедельно стала издавать «Вятскую Газету» предназначенную для народного чтения, которая бесплатно рассылалась сельским обществам, земским и церковно-приходским школам, а также всем служащим по вятскому земству. В 1898 г. Н.Н. Блинов был приглашен в качестве редактора этой газеты. Тогда же управа предложила ему заняться разработкой статистических данных в крае.

Совмещая службу по духовному ведомству с деятельностью подвижника народного просвещения и сотрудника вятского губернского земства, Н.Н. Блинов, в то же время, писал художественные произведения, изображая в них жизнь пореформенного русского крестьянства. В своем сочинении «Земская служба. Беседы гласного - крестьянина Акима Простоты» он первым среди отечественных писателей в популярной форме попытался рассказать народу о земском самоуправлении простым и доступным языком (2). Его работа была рассчитана не на образованную публику, а на грамотных крестьян, которые, несмотря на предоставленные им Положением 1864 г. права, избегали участвовать в выборах и мало знали о деятельности земств.

В книге повествование ведется от имени бывалого, сознательного крестьянина Акима, которому до всего в деревне есть дело, обо всем забота. Своими сельчанами он избран в гласные и, осознав важность и честь, которую ему доверили, стал активно постигать премудрости земской службы. Ключевая идея произведения - один грамотный деловой крестьянин может в земстве добиться многого. Аким хлопотал об открытии школы, о ремонте дороги, объяснял крестьянам важность судо-сберегательных товариществ, страхования строений, прививок от оспы.

По ходу рассказа писатель с грустью замечал, что крестьянским гласным пока очень трудно в земствах отстаивать свои интересы из-за отсутствия грамотности и боязни господ. Не понимая важности земского дела, крестьяне на выборах часто продавали свои голоса за водку. Поэтому автор стремился показать, что для его героя звание гласного стало не пустым звуком, а возможностью помочь всему сельскому миру и своим примером пробудить в крестьянах заинтересованность в земской службе.

В целом, оценка земства, данная Н.Н. Блиновым, носила положительный характер. Он полагал, что оно сможет улучшить крестьянскую жизнь, принести в деревню свет знаний и культуры, поднять экономическое благосостояние народа. Однако писатель указывал и на ряд негативных моментов в их организации и деятельности. По его мнению, земства еще не вполне стали органами самоуправления, поскольку зависят от администрации и местной полиции. Имея только одно существенное право – право налогообложения, они не располагают теми преимуществами, которые есть у правительственных учреждений (3).

Не идеализируя земскую работу, Н.Н. Блинов писал, что «выборные люди не всегда умели вести обширное хозяйство с выгодой для дела и без отягощения плательщиков. Повсюду земские налоги увеличивались, а нужд народных остается неудовлетворенных еще много» (4). Одну из причин такого положения он видел в новизне земского дела, в отсутствии четких представлений о том, что необходимо осуществить. В этой связи, им высказывались пожелания о необходимости глубокого изучения местной жизни и проведении статистических исследований.

Выдвигая на первый план практические интересы, автор замечал, что земство должно заботиться не только об устройстве школ и больниц, но и о развитии сельского хозяйства и улучшении крестьянского земледелия. Помочь в этом ему могли грамотные крестьяне, которые близко знали свой край и его нужды. Писатель призывал их «уяснить права и обязанности земского гласного» и идти на службу в земство (5). Высказанные в работе идеи говорили о том, что в понимании роли земства в жизни российского общества автор их стоял на народнических позициях.

Другим плодовитым писателем, в творчестве которого нашла отражение земская тематика, был Александр Васильевич Круглов (род. в 1853 году). Местом его рождения был Великий Устюг, где отец его служил смотрителем народных училищ. Окончив гимназию в Вологде, будущий беллетрист в 1873 г. переехал в Петербург, где и развернулась его творческая деятельность, хотя связь с родным краем он не порывал никогда.

А.В. Круглов сотрудничал в ряде крупных журналов, таких как «Русская Речь», «Наблюдатель», «Дело», «Вестник Европы», «Исторический Вестник», «Русские Ведомости», где помещал свои произведения в стихах и прозе. Отдельным изданием у писателя вышло около десятка очерков и рассказов (6). Кроме того, как и Н.Н. Блинов, он был автором краеведческих

работ, посвященных жизни и быту коми.

Земская тематика нашла отражение в рассказах, опубликованных под общим названием: «Господа земцы. Провинциальные картинки». Действия в них происходят в 70-е гг. XIX в. – времени для земства сложном и противоречивом. Общественный подъем 60-х годов сменился разочарованием в совершенных Александром II преобразованиях, и, прежде всего в земском самоуправлении, что объяснялось как изменением правительственного курса в сторону реакции, так и отсутствием ожидаемых результатов от земской работы. Печаль различных направлений реагировала на это едкой критикой, изображая вялость и рутинность, царящие в земстве и многочисленные злоупотребления. В этом отношении сочинение Круглова было весьма показательным.

В предисловии автор отмечал, что хотя в рассказах присутствует известный вымысел, но основаны они на реальных событиях и личных его наблюдениях. Перед читателем он открывал уголок земского мира, показывал галерею портретов: земский учитель, фельдшер, председатель земской управы, земский казначей, но делал это с юмором и иронией, в надежде, что смех поможет исправить общественные нравы (7).

В рассказе «Золотушинские земцы» был представлен собирательный образ заholустного земства с его бедностью, отсутствием денег на зарплату служащим, бездумной тратой земских сумм управами, равнодушием гласных к своим обязанностям. Особое внимание писатель обратил на убожество жизни земского учителя и повествовал, как учитель Квадратиков вынужден по несколько раз в месяц за десяток километров являться в управу пешком, чтобы просить нищенское жалованье. От нужды он трудится и учителем и ямщиком, из-за чего занятия в школе часто прерываются, потому что ему нужно кого-то куда-то везти. В другом рассказе «Теплое житье» бедная квартира учителя Бузоратова служит одновременно и классом для занятий учащихся.

Постоянная нужда, в которой жило большинство земских служащих, контрастировала в сочинении А.В. Круглова с обеспеченностью членов управ, для которых выборная должность стала хорошим способом пополнить свой бюджет и жить в свое удовольствие. В рассказе «Земские сластолюбцы» член управы Сила Пахомыч Брюшков пожелав познакомиться с новой молодой повитухой, пьяный ночью приезжает к фельдшеру и требует, что бы тот немедленно сообщил женщине о нем. Брюшков считает, что он начальство и потому вправе вести себя так, как хочет. На земские деньги он разъезжает по уезду, вывозит приятелей на охоту, в то время как земские лошади нужны, для того чтобы врач отправился на помощь больному. Бедность и неустроенность Золотушинского земства не помешала ему отправить 8 тысяч рублей на помощь сербам в русско-турецкую войну. Такую жертву автор считал непозволительной роскошью (8).

Главную надежду на улучшение ситуации А.В. Круглов возлагал земскую интеллигенцию - врачей, учителей, агрономов, статистиков, кадры

которых пополнялись, как правило, людьми идейными, которые шли на бескорыстную культурную работу в земство.

Небольшой, но весьма показательный фрагмент, раскрывающий грань земской жизни, дал выдающийся уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк (1852 – 1912 гг.). Сын священника, он родился на Урале, на Выси-мо-Шайтанском заводе. Окончив Пермскую семинарию, в 1871 г. поступил в Медико-хирургической академии, но вскоре перешел на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, откуда вышел, не окончив курса. Ведя писательскую жизнь, Д.Н. Мамин занимался репортажами и писал небольшие рассказы.

В 1883 г. появился первый его роман из заводской жизни на Урале «Приваловские миллионы». Здесь писатель обращает внимание на приисковую деятельность в крае, на привлеченных сюда легкой наживой старателей, их бешеную расточительность и недолгое богатство. Не подвергая сомнению положительную работу земств, особенно в области народного просвещения и хозяйства, он критикует одну из народнических иллюзий о возможности миновать капитализм в России через сохранение сельской общины и развитие кустарных промыслов (9).

-
1. Блинов Н.Н. Движение народонаселения Карсавайского прихода // Вятские Губернские Ведомости. 1869. №№ 14—35; Народное образование в Вятской губернии в 1864—74 гг. Вятка, 1875; Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.
 2. Блинов Н.Н. Земская служба. Беседы гласного-крестьянина Акима Простоты. СПб., 1881.
 3. Там же. С. 162.
 4. Там же. С. 173.
 5. Там же. С. 175.
 6. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. Изд. 4-е. СПб., 1900. С. 173-178.
 7. Круглов А.В. Господа земцы. Провинциальные картинки. СПб.. 1887. С. 5-6.
 8. Там же. С. 54-55.
 9. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. Т.2. М., 1958, С.126-127.

**Шведов В.В.
(Екатеринбург)**

Общества содействия милиции в правоохранительной деятельности РСФСР (1928-1932 гг.)

В 1917 году при формировании органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, молодое советское государство руководствовалось положениями марксистско-ленинского учения о том, что в условиях социалистической революции постоянную армию и профессиональную полицию необходимо заменить всеобщим вооружением народа. В.И. Ленин

видел пролетарскую милицию состоящей «из всего поголовно населения, из всех взрослых граждан обоего пола» и выполняющую одновременно функции армии и полиции.

Эта идея стала практически реализовываться в первые месяцы после революции. За состоянием общественного порядка следила рабочая милиция. На службу привлекались простые граждане в рамках создаваемых добровольных формирований при городских и уездных исполкомах Советов. Члены отрядов в основном несли патрульную службу в общественных местах. Денежное вознаграждение за выполняемую работу не выплачивалось. Правовой основой строительства органов правопорядка стало постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 г. В соответствии с ним милиция создавалась Советами и «всецело и исключительно находилась в их ведении» (1). Постановление не регламентировало штатной структуры, полномочий и порядка финансирования подразделений милиции. Эти вопросы должны были решаться местной властью. Такая ситуация предопределила организационное разнообразие милицейских подразделений, сохранявшееся, в частности на Урале, вплоть до 1923 года (2).

Помимо рабочей милиции были созданы специальные отряды охраны (Вологодская губерния), охранные дружины (Смоленская губерния). На Урале в ряде волостей милиция назначалась, в отдельных населенных пунктах – избиралась на сходах. Бойцов правопорядка называли «дружинниками», «добровольцами», «народной милицией». В Верх-Нейвинске из милиционеров избрали «дружину», в Шадринском уезде – «народную милицию» (3). Подобные формирования осуществляли функции органа охраны общественного порядка и военной силы, но очень скоро практика показала их профессиональную непригодность и неэффективность. Добровольные формирования не могли оказать существенного влияния на криминогенную обстановку в стране. Это явилось одной из причин, предопределивших расцвет преступности в условиях уничтожения старой российской криминальной полиции.

Поэтому уже в марте 1918 г. Совнарком, рассмотрев вопрос о милиции, предложил НКВД разработать положение о советской милиции как штатном государственном органе. 10 мая 1918 г. коллегия НКВД приняла решение: «Милиция существует как постоянный штат людей, исполняющих специальные функции» (4). Правовое оформление рабоче-крестьянская милиция, как постоянный штатный государственный орган, построенный на профессиональных началах, получила в инструкции НКВД и НКЮ «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 12 октября 1918 г. (5).

Между тем, власти не отказались от идеи привлечения общественности к охране правопорядка. Группы оказания помощи милиции стали создаваться в крупных промышленных городах уже в 1918 - 1922 гг. При местных Советах создавались административные комиссии, в состав которых входили представители общественности. Комиссии проверяли и контролировали

работу местных подразделений милиции, а также оказывали им содействие в охране правопорядка. С 1926 года стали появляться Комиссии общественного порядка (КОПы). Они состояли из партийных и комсомольских активистов, рабочих и членов административных секций районных Советов. В декабре того же года декретом СНК РСФСР должностным лицам милиции было предоставлено право в случае необходимости привлекать граждан к задержанию хулиганов. Стали появляться Дружины по борьбе с хулиганством. Они создавались на добровольных началах по производственному принципу на фабриках и заводах и действовали при клубах предприятий. В них по рекомендации партийных, профсоюзных и других общественных организаций вступали «наиболее сознательные рабочие». Они действовали в тесном контакте с органами милиции. Работники милиции инструктировали дружинников, определяли их конкретные задачи, в необходимых случаях приходили им на помощь (6). В эти же годы организуются рабочие дружины, ударные бригады, отряды или инициативные группы по борьбе с хулиганством. Члены этих формирований специально обучались милицейскому делу.

Практика деятельности общественных формирований правоохранительной направленности обобщалась в НКВД РСФСР. Особый интерес у органов правопорядка вызвала инициатива уральских рабочих. Еще в 1926-1927 гг. на Нижнетагильском металлургическом заводе зародилась идея организации добровольных обществ содействия милиции (Осодмилов) (7). Первые официальные данные о деятельности ячеек Осодмила в Нижнем Тагиле относятся к ноябрю 1928 г. Осодмильцы дежурили в клубах, боролись с хулиганством, пьянством, самогоноварением. На свои посты добровольные помощники милиции выходили в нерабочее время. Как показала практика, деятельность Осодмильцев содействовала не только улучшению общественного порядка, но и повышению производственной дисциплины: сократилось число прогулов, аварий, несчастных случаев. По вечерам на улицах стало безопаснее. Рабочие, особенно женщины, начали посещать вечерние школы, курсы, кружки, клубы и другие культурно-просветительные учреждения. Инициативу подхватили в Свердловске, Челябинске и Перми. В течение года это движение распространилось практически по всей стране. Осодмильцы работали под руководством местных органов власти и действовали совместно с аппаратом НКВД.

Органы государственной власти всячески поощряли это движение граждан, предоставляя все больше полномочий общественникам. И это не случайно. Во второй половине 1920-х гг. в руководстве страны заговорили о низкой эффективности работы милиции и необходимости ее реорганизации. На IX Всероссийском съезде Советов вновь зазвучала идея о более широком привлечении общественности к охране правопорядка и борьбе с преступностью. Один из делегатов съезда даже заявил, что «...милиция у нас занимается исключительно пьянством и взяточничеством», и предложил ее ликвидировать, а «милиционную службу возложить на само население» (8). Вес-

ной 1928 г. нарком внутренних дел В.Н. Толмачев на Втором Всероссийском съезде административных работников представил общий план одного из первых шагов «по пути к действительно социалистическому преобразованию государственного аппарата, который должен состоять не из наемных чиновников...» (9). Предлагалось, число кадровых работников милиции свести до минимума, а охрану порядка осуществлять переменным составом, комплектуемым из трудящихся в порядке общественной повинности. Эта идея была заложена в перспективный и пятилетний план НКВД. Одним из этапов проведения реформ стало правовое оформление статуса Осодмилов Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» от 25 мая 1930 г. (10).

Осодмилы становились единой формой массового участия населения в охране общественного порядка и создавались в целях привлечения трудящихся к активному участию в работе органов милиции и уголовного розыска по борьбе с нарушениями общественного порядка, хулиганством, шинкарством. Общества находились в двойном подчинении. С одной стороны, они состояли при административно-правовых секциях (комиссиях) Советов и проводили свою работу под общим руководством городских, поселковых и сельских Советов. С другой, оперативное руководство и инструктирование общественников возлагалось на местные органы милиции и уголовного розыска.

Членами Общества содействия милиции и уголовному розыску могли быть лица, достигшие 18-летнего возраста, пользовавшиеся избирательным правом и не состоявшие под судом и следствием.

Осодмильцы имели право:

- составлять протоколы о нарушениях обязательных постановлений, изданных местными исполкомами и Советами;
- принимать меры к прекращению нарушений общественного порядка в случаях, когда члены общества являются очевидцами таковых, извещать о них органы милиции или уголовного розыска и до их прибытия охранять следы преступления, если таковое имело место.

Органы милиции, с согласия самих членов Осодмила, могли привлекать общественников к участию в рейдах по выявлению преступных элементов, к производству обысков в качестве понятых. Добровольцы дежурили в отделениях милиции, наблюдали за порядком в общественных местах. При исполнении своих обязанностей они пользовались правами должностных лиц, имели удостоверения и носили нагрудные знаки. В особых случаях Осодмильцам выдавалось огнестрельное оружие, которое подлежало сдаче по окончании дежурства. Постановление предусматривало и возможность предоставления членам общества права постоянного ношения оружия.

В развитие Постановления СНК РСФСР от 25 мая 1930 г. НКВД РСФСР разработал Типовой Устав Осодмила. В нем конкретизировалось правовое положение и структура Обществ содействия органам милиции и уголовного розыска (11).

Общества строились по производственному признаку. Их основу составляли ячейки, которые создавались на фабриках, заводах и в учреждениях. В состав ячейки входило не менее трех человек. Во главе ячеек Осодмила стояли старосты. Их избирали на общем собрании членов ячейки. Большие по численности ячейки разбивались на звенья во главе со старшими звеньев, являвшимися помощниками старосты ячейки. В крупных городах для объединения деятельности ячеек общества, расположенных на территории одного городского отделения милиции, организовывались участковые бюро общества.

Люди вступали в Осодмил не просто отбывать повинность, а чтобы реально противодействовать преступности. Они работали на совесть, оказывая большую помощь в поддержании порядка на улицах городов и поселков. В некоторых районах более половины лиц, задержанных за хулиганство, приходилось на долю Осодмилов.

В качестве примера можно привести следующие данные. В 1929 г. в Тагильском округе действовало 84 ячейки общества содействия милиции, которые объединяли 1246 человек. За год помощниками милиции было выявлено 67 шинкарей, изъято 27 стволов огнестрельного оружия, раскрыто 102 кражи и два убийства (12).

Осодмильцы подчас вполне профессионально выполняли следственные действия. Так, в 1928 году для раскрытия преступления им пришлось буквально внедриться в секту «лучинковцев», которая существовала под Тагилом с 1914 года. Отчаявшиеся в жизни люди добровольно ушли жить в леса и в штывки воспринимали все мирские и государственные устои. Они не признавали не только электричества, но и керосиновых ламп, пользовались исключительно данной богом лучиной, от чего и получили свое название. Считая обучение грамоте, службу в армии и работу на государственных предприятиях делом Антихриста, «лучинковцы» все сильнее деградировали. Вскоре на лидирующие позиции в секте выдвинулись фанатики, предавшие религиозным обрядам оттенок изуверства. Вступавший в секту обязан был забыть и родителей и свое прошлое. Отцом для него становился бог, матерью – «сыра земля». Заболевшего запрещалось лечить. Считалось, что душа занедужившего потребна господу. А потому «лучинковцы» всячески старались помочь больному распрощаться с телом и переселиться в мир иной. Тела умерших закапывали в лесу и уничтожали всяческие признаки захоронения.

Когда в милицию поступило заявление о пропаже Нины Алексеенко, которую предположительно ее мать увезла к «лучинковцам», сотрудники уголовного розыска обратились за помощью к осодмильцам. Те, одевшись победнее, обошли все скиты под Тагилом и завязали контакты с их обитателями. Благодаря этому удалось установить структуру секты и выяснить, что ею руководит некая Васса Дмитриевна. Ее задержали и выяснили, в каком ските находится Нина. Когда осодмильцы прибыли на место, девушки уже не было в живых. Сектанты во время ледохода купали ее, больную гриппом в реке, оставляли на ветру и в конце-концов умертвили (13).

К концу 1930 г. общества содействия органам милиции и уголовного розыска стали неотъемлемой частью правоохранительной системы страны. Они представляли собой серьезную силу, способную оказать значительную помощь в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Для Осодмилльцев систематически организовывались занятия, учебные сборы и слеты. Ячейки Осодмила стали основным резервом для пополнения низового аппарата райотделов милиции хорошими, проверенными и достаточно подготовленными кадрами. Так, в Верхотурский райотдел милиции в 1930 г. по направлению РК ВЛКСМ поступил В. В. Немиров. Он проработал не один десяток лет в этом районе участковым уполномоченным, неоднократно признавался лучшим по профессии. В своих воспоминаниях старший милиционер Слоботуринского района П. А. Потапов отмечает профессиональные действия Осодмилльца Г. Коржавина. Зимой 1931 г. этот общественник проявил мужество и высокий профессионализм при задержании вооруженного бандита. Впоследствии Коржавин также длительное время служил участковым уполномоченным (14).

Но плану введения милиционной повинности не суждено было сбыться. Централизация государственного аппарата, формирование в стране командно-административной системы поставили перед милицией новые задачи. Ей надлежало выполнять функции силовой поддержки представителей власти при проведении различного рода кампаний (коллективизации, антирелигиозной и др.). Участие милиции в этих мероприятиях показало недостаточную эффективность системы управления органами охраны правопорядка и профессиональную непригодность ее сотрудников для выполнения подобных задач. Для превращения милиции в механизм проведения репрессивной политики необходимы были несколько иные меры, нежели передача ее функций народу. В декабре 1930 г. были ликвидированы народные комиссариаты внутренних дел союзных и автономных республик. Эта мера официально преследовала цель усилить специализацию в управлении отдельными отраслями общественных отношений, входившими в ведение НКВД. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК 31 декабря 1930 г. «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации наркомвнудела РСФСР и наркомвнуделов автономных республик» (15) на созданное при СНК РСФСР Главное управление милиции и уголовного розыска было возложено руководство и управление органами милиции и уголовного розыска. 25 мая 1931 г. СНК СССР утвердил первое общесоюзное Положение о рабоче-крестьянской милиции, а в конце 1931 г. в составе ОГПУ СССР была создана Главная инспекция по милиции и уголовному розыску.

Все эти структурные изменения сопровождались «постоянной работой по улучшению кадрового состава милиции». Наряду с серьезными перестановками в самой милиции, прошли «чистки» и рядов добровольных помощников органов правопорядка. Их деятельность тоже перестраивалась в соответствии с требованиями времени. А причины для критики Осодмилов

уже появились. Серьезные нарекания властей вызывали проводимые Осодмильцами без санкции компетентных органов оперативно-розыскные мероприятия, в том числе и задержание лиц, якобы причастных к совершению правонарушений.

Особую тревогу у правоохранительных органов в это время вызывало огромное количество оружия, оставшегося у населения после революции и Гражданской войны. В рамках борьбы с незаконным оборотом огнестрельного оружия в конце 1920-х – начале 1930-х гг. упразднялись последние «революционные» вооруженные формирования граждан (части особого назначения, продотряды и др.), ужесточались санкции за нарушение регулирующего оборот оружия законодательства. На фоне этого вооружался Осодмил – достаточно массовая организация. Причем это происходило как легально – за счет закрепления за общественниками оружия на постоянное ношение, так и незаконно: многие Осодмильцы просто не сдавали его после дежурства.

Резкой критике подверглись общественники в Циркуляре № 64 УРКМ Уральской области от 18 сентября 1931 г. «О проведении чистки ячеек Осодмила и перестройке их работы» (16). В нем подчеркивалось, что этот «наиболее отсталый по своим организационным методам и руководству участок работы требует немедленного коренного перелома и изменения функциональной деятельности в соответствии с новыми задачами, возложенными на органы РК Милиции Положением, утвержденным ЦИК и СНК СССР от 25.05.31 г.» Как говорилось в этом циркуляре, массовые недочеты в работе Осодмила создавались «...вследствие плохого руководства и широкого доступа в него не проверенных членов. В Осодмил проникал преступный, чуждый и разложившийся элемент и подростки, интересующиеся приключениями и происшествиями, но отнюдь не серьезной работой и помощью органам Р.К. милиции» (17). Как результат, отдельные члены Осодмила своим поведением явно дискредитировали эту организацию и подрывали ее авторитет, вызывали недоверие к этой организации рядовых граждан. Действительно желающие работать в Осодмиле достойные и активные члены, не получая поддержки и должного руководства, не в состоянии одни вести борьбы с этими злостными поступками.

Циркуляром предлагалось оздоровить ряды Осодмила и приступить к организационному перестроению системы работы обществ. Циркуляр призывал самым решительным образом изгнать из рядов Осодмила чуждый и разложившийся элемент, лиц, замеченных в пьянстве, хулиганских поступках или других компрометирующих действиях и пассивных в работе. Для этого при Управлении РК Милиции области создавалась Комиссия для проведения работы по чистке ячеек общества. На нее возлагалась ответственность за внимательное определение качеств каждого члена общества на основе учета его деятельности, активности и наличия компрометирующих сведений или других характеризующих материалов.

Комиссия должна была «... кристаллизировать ряды общества и не останавливаться перед исключением даже активных членов, в тех случаях, когда они, участвуя в работе Осодмилов, своими поступками или действиями явно дискредитировали эту общественную организацию». Чистке предшествовала широкая разъяснительная работа через местную печать и стенные газеты о ее целях и задачах. Через газеты милиция также требовала присылать в Комиссию все известные отрицательные сведения о членах общества.

Пополнение рядов Осодмила после чистки предписывалось проводить путем вербовки новых членов, преимущественно из старовозрастных групп рабочих, колхозников и бедняков, особенно из числа членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ. Циркуляр сопровождался Схемой вопросов, по которым предписывалось представить доклад о результатах чистки ячеек Осодмила.

Практическую работу Осодмила в отношении производства различного рода операций, арестов, задержаний, обысков, выемок документ четко предписывал производить только совместно с работниками милиции под непосредственным их руководством и наблюдением. Личная инициатива представлялась ячейкам общества лишь в вопросах надзора за выполнением обязательных постановлений, охраны порядка в общественных местах. На милицию возлагалось осуществление систематического контроля за работой и своевременное исправление допускаемых ошибок, а также проведение инструктажей. Милицейский работник прикреплялся к каждой ячейке для постоянного руководства Осодмилом. На него возлагалась персональная ответственность за состояние и постановку работы ячеек.

Вводился строжайший учет выполняемой Осодмилом работы. Циркуляр предписывал прекратить выдачу Осодмильцам оружия в постоянное пользование. Его они могли получить исключительно для служебной цели и только при условии знания Осодмильцами правил обращения с оружием. После окончания работы, на время которой было выдано оружие, его следовало отбирать и проверять.

Это была не единственная «чистка» Осодмилов. Основным итогом подобных акций стало ужесточение контроля за деятельностью ячеек со стороны органов милиции и уголовного розыска. Это привело к тому, что к началу 1932 г. Осодмилы формально оставались под общим руководством городских, поселковых и сельских Советов, но на практике они полностью зависели от органов милиции.

«Чистки» не сказались на активности населения. Общая численность добровольных помощников милиции продолжала расти с каждым днем. Если в 1930 г. в РСФСР имелось 4 тыс. ячеек Осодмила, насчитывавших 45 тыс. членов, а в Уральской области число добровольных помощников милиции составляло около 8 тыс. рабочих и служащих, то к марту 1932 г. только в Уральской области уже насчитывалось 1938 ячеек, объединявших 19 тысяч человек. При этом добровольную помощь милиции продолжала оказывать молодежь. 34,5% Осодмильцев не было еще и 20 лет, а 45% было в возрасте

от 20 до 30 лет. Помощь общественников была весьма эффективной. За шесть месяцев 1932 года общественники раскрыли 22 убийства, 38 краж, изъяли из незаконного оборота 349 стволов огнестрельного оружия (18).

Официальная идеология представляла Осодмильцев как борцов с «классово чуждым элементом». Идеологическое противостояние в советском обществе сказалось и на деятельности этой, казалось бы, далекой от политики организации. Так, например, газета «Вечерняя Москва» сообщала, что 17 апреля 1932 года кустарь-одиночка И.А.Журавлев убил своего сына Виктора. В статье говорилось: «...Ударник и активист, деятельный член Осодмила, премированный за ударную работу, Виктор Журавлев подвергался систематическим преследованиям со стороны отца, который не раз угрожал расправиться с ним, если он не оставит своей работы в Осодмиле. Столкнулись два враждебных друг другу мира. Журавлев-отец - пьяница, дебошир, последовательный пособник классового врага и Журавлев-сын, не покладая рук работавший над оздоровлением рабочего быта». Автор статьи призывал провести показательный суд над убийцей Виктора Журавлева. «Классовый враг, его сообщники и пособники должны быть разоблачены советским судом перед лицом трудящихся масс», - писал он (19).

Стоит напомнить, что согласно официальной версии именно Осодмилец Иван Потупчик сыграл решающую роль в раскрытии убийства Павлика Морозова. Общественник определил круг подозреваемых, умело провел допросы и очные ставки. К приезду сотрудников ОГПУ он собрал довольно полный материал для следствия (20).

Процесс адаптации общественных формирований к складывающейся общественно-политической обстановке завершился в 1932 г. В связи с усилением централизации в руководстве органами охраны общественного порядка, было признано необходимым приблизить деятельность обществ содействия милиции и уголовному розыску к конкретной практической работе милиции, организации их непосредственно при органах внутренних дел.

СНК РСФСР 26 апреля 1932 г. принял Постановление «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска» (21). В соответствии с ним Совнаркомом автономных республик, краевых и областных исполкомов в месячный срок предлагалось реорганизовать общества содействия милиции и уголовного розыска. Практическое проведение преобразования Осодмила и разработка нормативной базы деятельности новой организации возлагались на Главное управление РК милиции при СНК РСФСР.

В результате проведенной реорганизации Осодмилы прекратили свое существование. Основной формой участия трудящихся в охране общественного порядка стали бригады содействия милиции (Бригадмил). Отличительной чертой правового положения Бригадмила являлось то, что они создавались по инициативе органов милиции и работали под руководством районных и городских управлений милиции. Нормативная база деятельности Бригадмила была разработана к осени 1932 г. Пятым пунктом Инструкции

ГУРКМ при СНК РСФСР от 27 октября 1932 г. «Об организации бригад содействия Р.К.М.» уточнялось, что непосредственное руководство бригадами и проведение воспитательной работы среди членов бригад содействия милиции возлагалось на политорганы милиции, а оперативное использование и соответствующий инструктаж - на Оперативные отделы милиции. Руководил деятельностью этих подразделений добровольных помощников милиции бригадир, избиравшийся на общем собрании коллектива и утверждаемый Управлением РКМ. Инструкция предусматривала возможность, «в необходимых случаях», роспуска бригад милиров распоряжением краевого, областного или республиканского Управления РК Милиции. Согласно той же инструкции ужесточались и требования к порядку выдачи общественникам огнестрельного оружия. Теперь, по окончании оперативной работы, оно в обязательном порядке возвращалось в милицию. Бригадильцы несли постовую службу совместно с работниками милиции или в непосредственной близости от них, дежурили в отделениях милиции, участвовали в обеспечении порядка во время праздничных шествий, демонстраций, массовых гуляний.

Подобная форма участия граждан в охране общественного порядка просуществовала вплоть до конца 1958 г., когда на смену бригадмилу пришли добровольные народные дружины по охране общественного порядка: в стране начинался новый этап развития правоохранительной системы.

Таким образом, Осодмилы просуществовали всего четыре года. Но они сыграли особую роль в формировании правоохранительных органов, став первой универсальной формой участия граждан в охране правопорядка. «Милиционная система», инициированная руководством НКВД РСФСР как реакция на неэффективность штатных государственных органов правопорядка, не смогла заменить профессиональной милиции. Причинами этого стали как низкий уровень правовой грамотности населения, что неизбежно вело к нарушениям законности со стороны общественников, так и изменения политической обстановки в стране. Замена гражданско-правовых методов регулирования общественных отношений административными внесла существенные коррективы в методы работы правоохранительных органов. Но государство не отказалось от помощи общественности. Оно не стало ломать отлаженную, достаточно эффективную систему Обществ содействия милиции, а видоизменило организационно-правовой статус организации, адаптировав ее к складывающейся общественно-политической обстановке и полностью подчинив органам милиции.

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917. № 1. Ст. 15.
2. ГАЧО. Ф. Р-1228. Оп 1. Д.3. Л. 10.
3. ГАСО. Ф.9. Оп 1. Д.37. Л.37; Д. 702. Л. 1; Оп. 1. Д.3. Л.26.
4. Мальгин А.Я., Мулукаев Р.С. НКВД - МВД Российской Федерации. М, 2000. С 6.
5. Инструкция по организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции. Казань, 1918. С. 12.

6. Советская милиция: история и современность. 1917 – 1987 гг. М., 1987. С. 93.
7. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 27. Л. 32.
8. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 242.
9. Там же. С. 243.
10. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 25. Ст. 324.
11. Советская милиция: история и современность. С. 94.
12. Логинов О.И. История Уральской милиции. Екатеринбург, 2002. С. 47.
13. Там же. С.48
14. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 24. Л. 13.
15. Известия. 1931. № 9. 9 января.
16. ГАСО. Ф. 854. Оп.3. Д.30. Л. 161-164 об.
17. Там же. Л. 163.
18. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 20. Л. 5.
19. Куравлевых надо судить в показательном порядке // Вечерняя Москва. 1932. № 67. 18 мая.
20. Логинов О.И. Указ. соч. С. 50.
21. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1932. № 38. Ст. 173.

Научное издание

**МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Девятые всероссийские историко-педагогические чтения

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ (протокол № 6 от 24.02.2005 г.)

Компьютерная верстка Г.А. Кругликовой

Подписано в печать 14.03.2005 Формат 60x84/16
Бумага для множительных аппаратов. Усл. печ. л. 12,1
Уч.-изд. л. 12,9 Тираж 150 Заказ
Уральский государственный педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 334-24-23 Факс (343) 334-97-71